

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

№ 1 (9), 2017

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

**EDITORIAL
BOARD**

Гришин Виктор Иванович – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник научно-исследовательского объединения Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор

Вознесенская Нинель Николаевна – ведущий научный сотрудник сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Горин Дмитрий Геннадьевич – профессор кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор философских наук, доцент

Гришина Ольга Алексеевна – проректор по учебной работе Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – ректор Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Занковский Сергей Сергеевич – заведующий сектором предпринимательского права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – декан факультета экономики и права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Капустин Анатолий Яковлевич – первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда РФ в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кошкин Андрей Петрович – заведующий кафедрой политологии и социологии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор политических наук, профессор

Grishin Viktor Ivanovich – Chairman of the Editorial Board, Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of the Scientific Research Association of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Voznesenskaya Ninel Nikolaevna – Leading Researcher of the Sector of the Legal Problems of International Economic Relations at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Gorin Dmitriy Gennadevich – Professor of the Department of Political Science and Sociology of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Philosophy, Associate Professor

Grishina Olga Alekseevna – Prorector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Rector of Vitebsk P. M. Masherov State University, PhD of Law, Assistant Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law at the Moscow State University of Law named after O. E. Kutafin (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zankovsky Sergey Sergeevich – Head of the Department of Entrepreneurial Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Dean of the Faculty of Economics and Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Deputy Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation emeritus, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Law, Professor

Koshkin Andrey Petrovich – Head of Department of Political Science and Sociology of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Politics, Professor

Крюкова Нина Ивановна – заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Кулапов Михаил Николаевич – директор образовательно-научного центра «Менеджмент» Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Лалетина Алла Сергеевна – директор по правовому обеспечению и корпоративному управлению «Ростех», доктор юридических наук

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Мазур Иван Иванович – президент научно-производственной корпорации «Интеллектуальные системы», доктор технических наук, профессор

Марченко Михаил Николаевич – заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Мухаев Рашид Тазитдинович – профессор кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор политических наук, профессор

Плигин Владимир Николаевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный юрист РФ, кандидат юридических наук

Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Яковлев Вениамин Федорович – советник Президента РФ, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Kryukova Nina Ivanovna – Head of the Department of the Criminal Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Kulapov Mikhail Nikolayevich – Director of the Educational and Scientific Center of "Management" of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Laletina Alla Sergeevna – Head of Corporate and Legal Department of the State Corporation "Rostec", Doctor of Law

Lisitsyn-Svetlanov Andrey Gennadievich – Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of RAS, Doctor of Law, Professor

Mazur Ivan Ivanovich – President of the Scientific-Industrial Corporation «Intellectual systems», Doctor of Engineering Science, Professor

Marchenko Mikhail Nikolayevich - Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science at the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the RF

Mukhaev Rashid Tazitdinovich – Professor of the Department of Political Science and Sociology of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Politics, Professor

Pligin Vladimir Nikolayevich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the RAS, Honored Lawyer of the Russian Federation, PhD of Law

Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Yakovlev Veniamin Fedorovich – Adviser to the President of Russia, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Law, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Адрес редакции:
117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, www.rea.ru

Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместитель главного редактора **А. М. Беялова**
Ответственный секретарь **Ю. Х. Давыдова, Е. В. Баланюк**
Редактор **Ю. А. Еремина**
Оформление обложки **К. Г. Жигалов**

Подписано в печать 14.11.2016. Формат 70 x 108 1/16.
Печ. л. 6,5. Усл.-печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 11,25. Тираж 500 экз. Заказ.

Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication, informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, www.rea.ru

Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editor **A. M. Belyalova**
Executive Secretary **Yu. Kh. Davydova, E. V. Balanyuk**
Editor **Yu. A. Eremina**
Cover design **K. G. Zhigalov**

Signed in print: 14.11.2016. Format 70 x 108 1/16.
Printed sheets 6,5. Conv. sheets 9,1. Publ. sheets 11,25. Circulation 500. Order

Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Судебная власть	
Клеандров М. И. <i>О суде для жителей отдаленных сельских поселений</i>	6
Евразийская интеграция	
Курбанов Р. А. <i>Актуальные вопросы проведения согласованной политики в научно-образовательной сфере на евразийском пространстве</i>	17
Современная экономика	
Комаристый А. И. <i>Логика антонимов как реактивная инновация в расчете коммерческой эффективности инвестиционного проекта</i>	23
Предпринимательская деятельность	
Давыдова Ю. Х., Давыдов Р. Х. <i>Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации</i>	30
Сравнительное правоведение	
Аллалыев Р. М. <i>Рецепция общего права на Северо-Американском континенте</i>	35
Моисеев А. М., Калинина О. В. <i>Обязательное предложение по направлению оферты при покупке акций общества как механизм защиты прав миноритарных акционеров</i>	40
Акопджанян А. С. <i>Проблема защиты прав миноритарных акционеров по российскому и англо-американскому праву</i>	47
Информационные технологии	
Зульфугарзаде Т. Э. <i>Особенности правового обеспечения блокчейн-технологий</i>	55
Гражданское право	
Белялова А. М. <i>Особенности защиты прав участников реорганизуемого юридического лица</i>	62
Людвиг С. Д. <i>Соотношение категорий «своя воля» и «интерес» в гражданском праве</i>	70
Исполнительное производство	
Фокина М. М. <i>Применение судебным приставом обеспечительной меры в виде ограничения права на выезд из Российской Федерации</i>	78
Дарькин А. О. <i>Проблемы реализации права на обращение в суд с заявлением о признании гражданина банкротом</i>	84
Уголовное право и процесс	
Арестова Е. Н., Крюкова Н. И. <i>Согласие потерпевшего как одно из условий производства дознания в сокращенной форме</i>	89
Правовая культура	
Атабеков А. Д. <i>Актуальные способы борьбы с правовым нигилизмом и проявлениями низкой правовой культуры при содействии органов прокуратуры Российской Федерации</i>	96
Требования к публикациям	103

CONTENTS

Judiciary	
Kleandrov M. I. <i>On the Court for the Residents of Remote Rural Settlements</i>	6
Eurasian Integration	
Kurbanov R. A. <i>Topical Issues of the Concerted Policy in the Scientific and Educational Sphere in the Eurasian Space</i>	17
Modern Economics	
Komaristyi A. I. <i>Antonym Logic as a Reactive Innovation in the Calculation of Commercial Effectiveness of the Investment Project</i>	23
Enterprise Activity	
Davydova Yu. Kh., Davydov R. Kh. <i>Problems of the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation</i>	30
Comparative Law	
Allalyev R. M. <i>Reception of the Common Law on the North American Continent</i>	35
Moiseev A. M., Kalinina O. V. <i>Mandatory Offer in the Direction of Offer with the Shares of the Company as a Mechanism for the Protection of Minority Shareholders</i>	40
Akopjanyan A. C. <i>The Problem of Protecting the Rights of Minority Shareholders under Russian and English Law</i>	47
Information Technology	
Zulfugarzade T. E. <i>Specifics of Blockchain Technology Legal Support</i>	55
Civil Law	
Belyalova A. M. <i>Features of Protection of the Rights of Participants of the Reorganized Legal Entity</i>	62
Ludwig S. D. <i>Ratio of Categories "Self-Will" and "Interest" in Civil Law</i>	70
Executory Process	
Fokina M. M. <i>Application of Interim Measures in the Form of Restrictions on the Right to Exit from the Russian Federation by the Bailiff</i>	78
Darkin A. O. <i>Problems of Realization of the Right to Appeal to the Court for Recognition of a Citizen as Bankrupt</i>	84
Criminal Law and Procedure	
Arestova E. N., Kryukova N. I. <i>Consent of the Victim as One of the Conditions of the Inquiry in Abbreviated Form</i>	89
Legal Culture	
Atabekov A. D. <i>The Current Methods of Fight against Legal Nihilism and Manifestations of Low Legal Culture, with the Assistance of the Prosecution Bodies of the Russian Federation</i>	96
Requirements to the Publications	103

О суде для жителей отдаленных сельских поселений**М. И. Клеандров**

доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ в отставке,
член-корреспондент РАН
E-mail: mklean@ksrf.ru

On the Court for the Residents of Remote Rural Settlements**M. I. Kleandrov**

Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the RF Emeritus,
Corresponding Member of the RAS,
E-mail: mklean@ksrf.ru

Аннотация

В статье поднимается весьма актуальный в настоящее время вопрос – доступ к правосудию жителей отдаленных местностей Российской Федерации. Процесс «оптимизации», осуществляемый повсеместно, затронул и эту сферу – объединение малосоставных судов в один или присоединение малосоставного суда к многосоставному. На примере отдельных стран (система судов «мелких исков» в США, суды аксакалов в Киргизской Республике и т. д.), а также ретроспективного анализа дореволюционного и советского опыта (сельские суды, товарищеские суды) автор демонстрирует возможные варианты решения проблемы доступа к правосудию в отдаленных сельских поселениях. Обосновывается необходимость создания принципиально нового вида судебных органов, предназначенных для разрешения мелких споров, дел, тяжб в отдаленных сельских местностях, которые обычно остаются латентными и не доходят до мировой юстиции. Предлагается модель такого судебного органа, в составе которого юрисдикционная, процессуально-процедурная и судейско-статусная составляющие.

Ключевые слова: суд, отдаленные сельские поселения, мелкие споры, дела, тяжбы, судебная защита, мировые судьи, юрисдикция, товарищеский суд, суд аксакалов

Abstract

The article raises a very relevant issue of present time – the access to justice for people in remote areas of the Russian Federation. The process of "optimization" implemented everywhere, and touched on this area too – incorporation of a few small courts in one or joining of the small court with the bigger one. Through the example of some countries (the system of courts of «trivial claims» in the United States, courts of elders in Kyrgyzstan, etc.), as well as retrospective analysis of pre-revolutionary and the Soviet experience (rural courts, comrades' court), the author demonstrates the possible solutions to the problem of access to justice in remote rural settlements.

The author proves the necessity of creation of essentially new judiciary intended for resolution of minor disputes, cases of litigation in remote rural areas, which usually remain latent and do not reach the world of justice. And also the author suggests a model of such a judiciary, including its jurisdictional, procedural-procedural and judicial-status constituents.

Keywords: court, remote rural settlement, trivial disputes, cases, litigation, judicial protection, magistrate, jurisdiction, comrades' court, court of elders.

Согласно последней (2010 г.) переписи населения, в Российской Федерации насчитывается 153 тыс. деревень и поселков. Из них примерно в 60 тыс. селений проживало от одного до ста человек. За истекшие семь лет положение дел в этой сфере – количество населенных пунктов и проживающих в них – попросту не могло улучшиться (для этого нет и не было никаких оснований), но и резко ухудшиться также не могло. Конечно, проис-

ходит процесс «оптимизации» социальной сферы – закрываются больницы, школы, детские сады. Прекращают функционировать отделения почты, закрываются магазины с их заменой, хотя и не всегда, автолавками. Одновременно увеличивается количество населенных пунктов, «обслуживаемых» одним участковым, что означает фактическое сокращение числа участковых уполномоченных, работающих на селе. Но, что важно, «оптими-

зируется» и структура судебной системы в сельской местности за счет объединения нескольких малосоставных судов в один или присоединения малосоставного суда к много-составному с перераспределением штатной численности судей и работников аппаратов судей. Создаются, и в немалом числе, так называемые межрайонные суды, в результате чего самое нижнее звено федеральной юстиции – районный суд – отдалается (не повсеместно, разумеется) от нуждающихся в судебной защите своих прав и законных интересов в случае их нарушения и/или оспаривания.

Схожую тенденцию можно увидеть и в звене мировой юстиции. Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 20-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» статья 6.2 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»¹ была дополнена пунктом 1.1 следующего содержания: «Председатель районного суда наряду с осуществлением полномочий и функций, перечисленных в пункте 1 настоящей статьи, в целях обеспечения равномерности нагрузки на мировых судей в случае, если нагрузка на мирового судью превышает среднюю нагрузку на мирового судью по судебному району, вправе мотивированным распоряжением передать часть уголовных, гражданских дел, дел об административных правонарушениях и исковых заявлений, поступивших к мировому судье одного судебного участка, мировому судье другого судебного участка того же судебного района» (с соответствующей корректировкой Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»² (далее – Федеральный закон о мировых судьях), в том числе в п. 1 ст. 4 этого Закона, с учетом того, что «деятельность мировых судей осуществляется в пределах судебного района на судебных участках».

Влияние названной «оптимизации» социальной инфраструктуры в сельской местности

на сокращение числа сельских поселений (их полное «вымирание» и/или сокращение общего числа сельских жителей) никаких сомнений не вызывает.

Влияет ли на эти процессы обозначенный выше вектор «оптимизации» в звеньях федеральной и мировой юстиции? По мнению автора статьи, влияет, попросту не может не влиять. Хотя выявление количественных показателей, тем более в региональном разрезе, требует серьезных социологических исследований. Конечно, вопрос о «неперспективных» деревнях возник не вчера. Еще в начале восьмидесятых годов прошлого века отдельными экономистами поднималась проблема дороговизны содержания сельских социальных «форпостов» на удаленных территориях, прежде всего там, где нет никакого сообщения и нет никакого производства, но есть суровый климат и иные отрицательные природные факторы.

Да и сегодня доставка в такие поселения продуктов питания, электроэнергии, приезды (прилеты) скорой медицинской помощи, почтовой службы, полиции, служб опеки и попечительства и т. д. влекут в масштабе страны (и отдельных регионов) огромные затраты. Все это проблемы не столько права, сколько политики, определяющей стратегию развития нашего общества и государства.

Однако абсолютно негоже, чтобы в итоге сложилась предельно урбанизированная ситуация: россияне живут в нескольких крупных городах, а вокруг – безлюдная, в основном дикая территория, а на «не дикие анклав» выезжают (чаще, вылетают, территория России же огромна) вахтовики.

И чтобы этого не случилось, необходим комплекс мероприятий, в которых, в том числе, вопрос научной разработки модели оптимизации судов для жителей таких населенных пунктов может занять определенное и немаловажное место.

Итак, в первом приближении воздействующими, сугубо негативными факторами в рассматриваемом вопросе являются следующие:

– жители отдаленных сельских поселений физически отдалены от судебных органов. Там, где укрупнены районные суды, – от районного звена федеральной юстиции, при этом надо учесть, что в вопросе подведом-

¹ См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

² См.: Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.

ственности дел районным судам их не может заменить мировая юстиция. А там, где высокая судебная нагрузка у мировых судей, дело, которое подлежит рассмотрению мировым судьей конкретного судебного участка по месту жительства истца (потерпевшего и т. д.), по решению исключительно председателя районного суда может быть передано мировому судье другого судебного участка. Пусть и в пределах административного района, но ведь этот участок может быть «за тремя речками без мостов». Эта откровенная тенденция позволяет считать фактом отдаление суда от человека, проживающего в отдаленном сельском поселении.

Правда, законодатель в отношении районных судов в отдельных случаях стремится минимизировать названный выше недостаток посредством образования территориально отдаленных от райцентров постоянных судебных присутствий районных судов¹. Например, Федеральным законом от 2 декабря 2013 г. № 324-ФЗ в составе Багаевского районного суда Ростовской области было образовано судебное присутствие в поселке Веселом Веселовского района Ростовской области в составе Волгодонского районного суда Ростовской области – присутствие в станице Романовской Волгодонского района (и еще 12 судебных присутствий в различных районах Ростовской области); Федеральным законом от 4 октября 2014 г. № 282-ФЗ в Свердловской области были образованы три судебных присутствия в составе двух районных судов и т. д. Но образуются эти присутствия отнюдь не в отдаленных сельских поселениях, жителям которых – в рамках общей тенденции – все труднее «достучаться до правосудия»;

– в этих населенных пунктах хозяйственная (предпринимательская) деятельность, если и кое-где кое-как теплится, то лишь за редчайшим исключением, в форме самозанятости. Там, где есть зарегистрированные индивидуальные «микропредприниматели» либо, что уж совсем редко, малые предприятия, положение дел с доступностью экономического правосудия для них нерадостно – суды общей юрисдикции, включая

мировых судей, экономические споры вообще, в том числе с участием этих субъектов, не разрешают. А ближайший арбитражный суд вообще в областном (краевом и пр.) центре, даже не в райцентре. Но ведь самозанятые граждане не зарегистрированы в качестве предпринимателей, хотя по факту многие из них заняты именно предпринимательскими – в доступных им в их поселениях – формами (изготавливают продукцию, выполняют работы, оказывают услуги).

И именно поэтому редкий мировой судья не заметит того, что требования обратившегося к нему за защитой своих прав сельского самозанятого гражданина по существу (пусть не по форме) вытекают именно из предпринимательских отношений, и примет дело к своему производству. Обычно – обратит внимание и перенаправит обратившегося в арбитражный суд. В нашей стране всего самозанятых более 20 млн человек, и их правосубъектность совершенно не определена. В принципе, с закреплением в федеральном законодательстве их правового статуса вопрос об определении судебной юрисдикции дел и споров с их участием не должен быть обойденным;

– в отдаленных сельских населенных пунктах, в отличие от жителей крупных поселений, тем более городов, все друг друга хорошо знают, а зачастую просто являются родственниками (свойственниками). И фигура судьи, которому предстоит рассматривать дело с участием (по заявлению) сельского жителя такого поселения, для этого жителя, да и для всех там проживающих, не может быть изначально абстрактно уважаемой. Федеральный законодатель этот момент учел: пунктом «Г» статьи 6 Федерального закона «О мировых судьях» было установлено (и редакция данного положения не менялась): «мировые судьи назначаются (избираются) на должность законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации либо избираются на должность населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации». Но, к сожалению, ни разу ни в одном субъекте РФ второй вариант комплектования корпуса мировых судей реализован не был.

¹ На основе ч. 2 ст. 33 ФКЗ от 7 февраля 2011 г. № 1 «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

А ведь именно для жителей отдаленных сельских поселений он был бы существенно предпочтительнее первому варианту – доверие у жителей судебного участка к избранному ими мировому судье явно было бы больше, чем к «назначенному сверху», а значит, больше было бы доверия судебной ветви государственной власти;

– в своей правосудной деятельности мировые судьи, естественно, руководствуются, как и судьи федеральных судов, действующим законодательством. Но очевидно, что все без процессуальные кодексы сложны в восприятии лиц, не обремененных юридическим образованием. В городах, как и в сельских – неотдаленных – поселениях (во втором случае в существенно меньшей мере) на помощь гражданам приходят юристы-профессионалы, в основном адвокаты. Но их попросту нет в отдаленных сельских поселениях, а приглашать их из областного центра, и даже из районного, – дорого. Надежда же на оказание ими бесплатной юридической помощи слаба, в реалии она (по очевидным причинам) равна нулю. С другой стороны, манкировать необходимостью скрупулезного соблюдения правил, установленных процессуальным законодательством (вкуче с обобщенной судебной практикой), никакой мировой судья не станет. Кроме того, все процессуальное законодательство не воспринимает каких-либо особенностей территориального (этнического, историко-культурного, конфессионального и пр.) менталитета граждан – участников процесса.

Есть и иные моменты, свидетельствующие как о недостатках судоустройства, судопроизводства и статусно-судейских характеристик в механизме правосудия с участием жителей отдаленных сельских поселений, так и о наметившихся негативных тенденциях в этой сфере. Точечными изменениями законодательства – федерального, регионального, тем более корректировкой судебной практики здесь проблему не решить. Явно нужен отдельный, специальный судебный механизм.

За рубежом есть немалый опыт построения судебных систем с низовым звеном, серьезно приближенный к населению. Например, в США существует система судов «мелких исков», в разных штатах они носят различные названия – мировая юстиция, суд

магистрата, примирительный суд и пр. Там применяется упрощенная и ускоренная судебная процедура, что позволило образно назвать данные суды «мелких исков» «ресторанами быстрого обслуживания» [6]. А на суды мелких исков в отдельных странах Юго-Восточной Азии возложены, в числе иных полномочий, посещения исправительных учреждений, в том числе тюрем, учреждений для несовершеннолетних нарушителей и наркоманов; посещение психиатрических больниц, следственных изоляторов, центров приема и содержания беженцев; прием заявлений от граждан. При этом во всех странах с такими судами данный мировой судья – исключительно почетная должность, которую присваивают за определенные заслуги перед обществом [3].

Немалый интерес в отношении рассматриваемой проблемы представляет и опыт отдельных государств – участников СНГ. Например, Конституцией Киргизской Республики (ст. 59) установлено, что граждане вправе учреждать суды аксакалов; этот институт прямо базируется на Законе Киргизской Республики от 5 июля 2002 г. № 113 «О судах аксакалов». Следует отметить, что данный институт, тем более базирующийся на конституционной основе, – явление уникальное не только на постсоветском пространстве, но и, пожалуй, в мире. Закон Киргизской Республики от 5 июля 2002 г. № 113 «О судах аксакалов»¹ закрепляет, что эти суды рассматривают и разрешают направляемые местными судами материалы по гражданским делам в порядке, предусмотренном гражданско-процессуальным законодательством; направляемые судами, прокурорами, органами следствия и дознания с санкции прокурора материалы, по которым были прекращены уголовные дела, для применения мер общественного воздействия в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством; дела по заявлению самих граждан (с согласия сторон) для разрешения имущественных и семейных споров в целях достижения примирения сторон и иные предусмотренные данным Законом дела. При этом суды аксакалов не вправе рассматривать материалы, по которым уже были вынесены судебные реше-

¹ См.: Ведомости ЖК КР. – 2002. – № 3.

ния, наложены административные взыскания или состоялось решение суда аксакалов, принятое в пределах его компетенции.

В юридической литературе отмечается: специфика деятельности, моральные стандарты и принципы, которыми руководствуются аксакалы, уходят корнями в традиции и обычаи народов страны, при этом они должны соответствовать киргизскому законодательству. По сути, суды аксакалов выступают в роли местных омбудсменов, особенно в небольших селах, где нет ни квалифицированных юристов, ни доступа к юридической информации. Суды аксакалов выполняют также важную функцию медиаторов, дают советы и содействуют решению наиболее сложных и запутанных проблем. Решения судов аксакалов обязательны для сторон; они могут быть обжалованы в общих судах в течение 10 дней после вынесения [5. – С. 498–499].

Стоит подчеркнуть, что одной из причин создания и функционирования суда аксакалов в Киргизской Республике, не включенного в государственную судебную систему и являющегося альтернативной формой правосудия, в юридической литературе называют именно недоступность государственного правосудия для лиц, проживающих в сельских местностях и других отдаленных местах проживания (наряду с иными отрицательными чертами, коими обладают государственные суды: высокая коррумпированность судей и продолжительное рассмотрение дел, вплоть до нескольких лет) [7].

Являясь не государственным судом, суд аксакалов в Киргизской Республике в то же время не является народным судом биев¹, как не является и конфессиональным (шариатским, например) либо третейским (в современном понимании) судом. У него есть добротная законодательная основа, изредка обновляющаяся²; его решения можно обжаловать в суде – статья 30 Закона предусматри-

вает эту возможность и устанавливает, что если судья районного или городского суда сочтет жалобу обоснованной, то мотивированно отменит решение суда аксакалов и вернет материалы для повторного рассмотрения либо прекратит производство по делу. Но повторное обжалование решения этого суда названным законом не предусмотрено.

Небезынтересны требования к личности судьи суда аксакалов. Часть 1 статьи 9 названного Закона свидетельствует о том, что в состав суда аксакалов могут быть избраны граждане Киргизской Республики, достигшие возраста пятидесяти лет (аксакал в переводе – белобородый), имеющие среднее общее образование, проживающие в указанной местности не менее пяти лет, пользующиеся уважением и авторитетом среди населения айылов, поселков и городов, по деловым и моральным качествам способным выполнять задачи, поставленные перед судом аксакалов.

Определенное сходство с государственными судами суду аксакалов придает закрепленное в законе положение, согласно которому в случае неисполнения сторонами решения суда аксакалов его принудительное исполнение обеспечивается районным или городским судом, на территории юрисдикции которого находится суд аксакалов. Вместе с тем обращения в суды аксакалов каким-либо сбором (госпошлиной) не облагаются.

Однако и в нашей истории можно встретить попытку законодателя создать суд, максимально приближенный к жителям, проживающим в отдаленных сельских поселениях (правда, в нижеприведенном примере непосредственно эта цель не преследовалась, но по факту она была бы достигнута, если такие суды реально были бы созданы).

Речь идет о Постановлении ЦИК и СНК СССР от 29 сентября 1930 г. «Об организации сельских судов»³. Этим Постановлением устанавливалось, что сельский суд образуется на территории сельского (или соответствующего ему) совета в составе председателя сельского суда, его заместителя и народных заседателей. При этом председатель и заместители председателя должны

¹ Этот институт активно содействовал с середины XIX до начала XX в., разрешал гражданские и уголовные дела различной тяжести, руководствуясь как нормами обычного права киргизов, так и морально-нравственными нормами и обычаями; имел собственный механизм исполнения решений.

² К примеру: Закон Киргизской Республики от 30 июля 2013 г. № 169 // Эркин Тоо. – 2013. – № 66.

³ См.: Собрание законодательства СССР. – 1930. – № 5. – Ст. 531.

были избираться пленумом сельского совета из числа его членов и утверждаться райисполкомом. Народные заседатели сельского суда должны были избираться на общих собраниях граждан села, пользующихся по Конституции избирательными правами, и утверждаться пленумом сельсовета. Председатель суда, его заместитель и народные заседатели подлежали избранию на срок полномочий сельсовета и должны были выполнять свою работу в порядке общественной нагрузки, т. е. денег за осуществление правосудия они не получали.

Рассмотрению сельскими судами, судя по названному Постановлению, подлежали дела о нарушениях общественной безопасности и порядка; о нарушениях правил, охраняющих народное здравие; о хулиганстве, клевете, оскорблениях, нанесенных словесно, письменно или действием, и о нанесении побоев, не причинивших телесных повреждений; имущественные споры на сумму не свыше 50 рублей; дела по искам об уплате установленных алиментов на содержание детей; дела (простейшие) о бесспорных алиментах, не связанных с установлением отцовства; а также дела по разделу и спорам о праве на землю трудового пользования; трудовые споры на сумму не свыше 25 рублей (в масштабе цен начала 30-х гг. небольшая сумма) о заработной плате, об оплате сверхурочных работ и о спецодежде.

При этом дела в сельском суде должны были возбуждаться по устному (даже так! – М. К.) или письменному заявлению как сторон, так и третьих лиц; все судопроизводство организовывалось в упрощенном порядке и освобождалось от всяких сборов; а техническое обслуживание самого суда должно было производиться аппаратом сельсовета. Дела в сельском суде подлежали рассмотрению на открытом заседании в составе председателя и двух народных заседателей сельского суда и не позднее 10 дней со дня поступления жалобы.

Сельские суды могли налагать по уголовным делам одну из следующих мер взыскания: а) предупреждение; б) общественное порицание с опубликованием или без опубликования в печати или с объявлением на сельском сходе; в) денежный штраф не свыше 10 рублей, идущий на общие культурные ме-

роприятия местного значения и на нужды отдельных местных общественных организаций; г) принудительные работы на срок не более 5 дней.

Постановления сельского суда были окончательными и обжалованию не подлежали, но могли быть отменены в порядке судебного надзора народным судом или прокуратурой. В случае же отказа от добровольного исполнения они приводились в исполнение в принудительном порядке.

Закреплялось, что руководство деятельностью сельских судов возлагалось на народный суд, а наблюдение за деятельностью сельского суда осуществляли народный суд и прокуратура. То, что «наблюдение» за деятельностью сельского суда ограничивалось народным (районным, естественно) судом и прокуратурой, и при этом партийные органы сельский суд оставляли бы вне своего внимания, не просто сомнительно – такого элементарно не могло быть в отношении всех судов и всех судей – ни в тридцатые годы, ни позднее, вплоть до отмены статьи 6 Конституции СССР 1977 г. Но важно все-таки: этот сельский суд не должен был быть изначально государственным, не предусматривалось в нем осуществление правосудия профессиональными судьями, хотя государственные функции на него возлагались. Не был он по этой же причине и третейским, поскольку на него возлагались публичные функции. Да и вообще, никакой третейский, вообще общественный суд уголовные дела разрешать не может, что называется по определению.

Что данная – довольно привлекательная по общим признакам – задумка не была реализована, не удивительно. Конец 20-х – начало 30-х гг. для СССР вообще был непростым периодом: голодомор; в разгаре коллективизация и индустриализация; была проведена банковско-кредитная реформа; полное безпрепятственности упразднение государственных арбитражных комиссий и создание буквально через две недели союзно-республиканской системы государственного арбитража; национально-государственное размежевание с образованием административных границ между союзными республиками (подчас волевым, не исходящим из союзного центра, методом и с причудливыми очертаниями); волевое и полное упразднение

шариатских (в Средней Азии – казийских и бийских) судов и т. д.

Но сам факт принятия этого Постановления свидетельствовал, как минимум, о восприятии руководством СССР необходимости создания суда «малых» дел, максимально приближенного к народу (точнее, к сельским жителям, коих тогда было большинство, да и в колхозы тогда далеко не все вступили). И кое-какие элементы того (1930 г.) института сельского суда представляют и сегодня несомненный интерес: он был предельно прост в судоустройственном плане; он был предельно дешев – для бюджета; он был предельно близок к народу (воистину – ближе некуда); он явно – и по форме, и по процедурам – был светским и т. д. А главное – он реально мог быть повсеместно и быстро создан и вполне мог эффективно действовать.

Есть и иные, как за рубежом, так и в нашей истории примеры законодательного решения вопросов создания судебного механизма защиты прав и законных интересов жителей отдаленных сельских поселений. С самыми различными составляющими этого механизма – судоустройственной, судопроизводственной и судейско-статусной [1; 2].

Весьма серьезный интерес – в плане исследуемой здесь проблемы – представляет институт товарищеских судов, широко распространенный и реально действующий в СССР – практически все время его существования.

Первоначально он создавался с четко выраженной целью – укрепления трудовой и производственной дисциплины, что даже явствует из названия (несколько необычное по форме для нашего времени) – Декрет СНК от 14 ноября 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах. (Положение)»¹. Впрочем, в первоначальной редакции данный акт просуществовал недолго – его сменил Декрет СНК от 5 апреля 1921 г., расширивший полномочия товарищеских судов, но по-прежнему ограничивавший их сферой трудовых отношений. Выйти за рамки сферы трудовых отношений товарищеским судам позволило лишь Положение о нем, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета

РСФСР от 3 июля 1961 г. «Об утверждении Положения о товарищеских судах»² (в других союзных республиках были приняты свои Положения о товарищеских судах, мало, впрочем, отличающиеся от принятого в РСФСР).

Возложение на третейские суды функций по рассмотрению лишь ряда мелких семейных, гражданских, о мелких хищениях и административных (об административных правонарушениях) дел было обусловлено общей линией, проводимой Н. С. Хрущевым, направленной на передачу в руки общественности функций борьбы с преступностью. Впрочем, пришедшее на смену Положению 1961 г. Положение 1977 г., утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. «Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов»³, эту линию не пресекло.

Из текста Положения 1977 г. однозначно следует, что товарищеские суды – не государственные органы правосудия. В статье 44 Положения провозглашалось, что товарищеские суды – это выборные общественные органы, призванные активно содействовать воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к труду, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения правил социалистического общежития, развития у них чувства коллективизма и товарищеской взаимопомощи, уважения достоинства и чести советских людей. Главное в работе товарищеских судов – предупреждение правонарушений, воспитание людей путем убеждения и общественного воздействия, создания обстановки нетерпимости к любым антиобщественным поступкам. Товарищеские суды облечены доверием коллектива, выражают его волю и ответственны перед ним.

Примечательно, что товарищеские суды, по Положению 1977 г., могли создаваться не только на предприятиях, в учреждениях и организациях, вузах и техникумах, но и в колхозах, домах, обслуживаемых жилищно-эксплуатационными конторами, домоуправ-

¹ См.: Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 56. – Ст. 537.

² См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1961. – № 26. – Ст. 371.

³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – № 12. – Ст. 254.

лениями или объединяемых уличными комитетами, а также в сельских населенных пунктах и поселках – по решению общего собрания членов колхоза, общего собрания (схода) жильцов дома или граждан села, поселка, но с согласия исполнительных комитетов соответствующих Советов депутатов трудящихся.

Каких-либо особых требований к члену товарищеского суда Положение не предъявляло, просто указывая (в статье 3), что в состав товарищеского суда могут быть избраны граждане, которые по своим деловым и моральным качествам способны успешно выполнять задачи, поставленные перед товарищескими судами. Каждый член товарищеского суда обязан проявлять высокую дисциплину и организованность, быть непримиримым к правонарушениям и антиобщественным поступкам, в своей деятельности строго руководствоваться законом. Их избирали на два года общим собранием коллектива. При этом члены товарищеского суда, не оправдавшие оказанного доверия, могли быть отозваны досрочно тем же общим собранием.

Порядку рассмотрения дел в товарищеских судах посвящался весь третий раздел Положения 1977 г. Там предусматривалась предварительная по необходимости проверка поступивших в товарищеский суд материалов, сроки и процедуры проведения заседаний, возможность отвода члена суда, ведение протокола, порядок принятия решения и пр. Но требований соблюдения процессуального, соответствующего делу, отраслевого законодательства Положением 1977 г. не содержало.

Меры наказания, содержащиеся в арсенале товарищеского суда, Положением именовались мерами общественного воздействия – товарищеский суд мог применить к виновному одну из следующих мер воздействия: 1) обязать принести публичное извинение потерпевшему или коллективу; 2) объявить товарищеское предупреждение; 3) объявить общественное порицание; 4) объявить общественный выговор с опубликованием или без опубликования в печати; 5) наложить денежный штраф в размере до 10 рублей, если проступок не связан с нарушением трудовой дисциплины, а по делам о мелком хищении государственного или общественного имущества – штраф в размере до 30 рублей, при повторном мелком хищении – до 50 рублей;

6) поставить перед руководителем предприятия, учреждения, организации вопрос о переводе виновного в нарушении трудовой дисциплины на нижеоплачиваемую работу или о смещении на низшую должность; или 7) поставить вопрос об увольнении работника, выполняющего воспитательные функции или работу, связанную с непосредственным обслуживанием денежных или товарных ценностей, если товарищеский суд с учетом характера совершенных этим лицом проступков сочтет невозможным доверить ему эту работу в дальнейшем, и т. д.

Вместе с тем Положение 1977 г. закрепляло правила, согласно которым, если товарищеский суд при рассмотрении дела пришел к убеждению о необходимости привлечения правонарушителя к уголовной или административной ответственности, он принимал решение о передаче материалов соответствующим органам; если правонарушитель являлся алкоголиком или наркоманом, товарищеский суд, наряду с применением к такому лицу меры общественного воздействия, ставил вопрос о его принудительном лечении. И если при рассмотрении имущественного или другого гражданско-правового спора товарищеский суд приходил к выводу, что дело ввиду его сложности не может быть им разрешено, он передавал дело в районный (городской) народный суд.

Возможностей обжаловать решение товарищеского суда было немало. Во-первых, оно могло быть обжаловано лицом, в отношении которого вынесено решение, потерпевшим и участниками гражданско-правового спора в течение 7 дней со дня вынесения решения в соответствующий фабричный, заводской, местный комитет профсоюза или исполнительный комитет местного Совета депутатов трудящихся. Указанные органы, установив, что решение товарищеского суда противоречит действующему законодательству, названному Положению или обстоятельствам дела, отменяли решение и направляли материал в тот же товарищеский суд на новое рассмотрение либо прекращали производство по делу. При этом подача жалобы приостанавливала исполнение решения.

Во-вторых, принудительное исполнение решений товарищеского суда обеспечивал соответствующий народный судья, который

предварительно проводил проверку как представленных материалов, так и законности решения товарищеского суда.

В-третьих, Положением об общественных советах по работе товарищеских судов, создаваемых при исполкомах Советов депутатов трудящихся, предусматривалось, что эти советы в числе иных полномочий регулярно проводили по поручению исполкома Совета депутатов трудящихся проверки работы товарищеских судов, знакомились с делами и материалами, имеющимися в товарищеских судах и т. д.; проверяли по поручению исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся жалобы на решения товарищеских судов и вносили свои предложения по результатам проверки; вносили на рассмотрение исполнительного комитета местного Совета депутатов трудящихся, фабричного, заводского, местного комитета профсоюза предложения об устранении выявленных недостатков и в дальнейшем совершенствовании деятельности товарищеских судов, а также об отмене решений товарищеских судов, противоречащих обстоятельствам дела или действующему законодательству.

В-четвертых, свою проверяющую функцию, безусловно, выполняли и здесь партийные органы. Да и вообще о какой-либо независимости товарищеских судов по Положению 1977 г. говорить не стоит, поскольку руководству товарищескими судами был посвящен целый (5-й) раздел этого Положения (кстати, не содержащий о руководстве товарищескими судами партийными органами ни малейшего упоминания).

Но, как бы то ни было, свою роль товарищеские суды в нашей стране в тот исторический период выполняли, и довольно неплохо.

Какой может быть модель – в оптимальном варианте с учетом зарубежного и отечественного исторического опыта – качественно нового судебного механизма (не обращаясь к варианту радикальной модернизации мировой юстиции) для жителей отдаленных сельских поселений? В самых общих чертах эта модель может быть представлена следующим образом.

Создается этот орган в первую очередь в действительно отдаленных местностях. Известный английский философ Иеремия Бентам в своем труде «О судеустройстве» писал,

что суд должен быть устроен так, чтобы каждый простой человек мог столь же легко найти туда дорогу, как находит ее в церковь. В нашей стране исторически церковь (даже часовня) находится далеко не в каждом населенном пункте, но суть требований к месту создания названного суда ясна – он нужен там, где даже мировой судья – далеко (и в прямом, и в переносном смысле).

К юрисдикции такого суда необходимо отнести мелкие дела, не федерального, не регионального и даже не местного уровня. Прежде всего это обычные бытовые споры, мелкие бытовые тяжбы... На практике это означает перенесение в ведение такого суда части (нижнюю планку количества которых еще необходимо определить) дел, отнесенных к юрисдикции мировых судей статьей 3 Федерального закона «О мировых судьях».

И если изначально можно предположить, что дел у такого суда будет немного, либо вообще годами не будет, – не беда. Само его наличие в данном населенном пункте (с включением, возможно, в его юрисдикцию дел рядом расположенных мелких поселений) будет служить профилактическим – сдерживающим – фактором от совершения тех или иных правонарушений, многие из которых сегодня, с большой долей вероятности, являются латентными и социальному миру в этих поселениях не способствуют.

Судьями в таком суде должны быть работающие исключительно на общественных началах избранные квалифицированным большинством жителей этого поселения совершеннолетние, не моложе 40 лет, так как необходим житейский опыт (числом 5–9 человек) без обязательного требования к наличию какого-либо высшего, включая юридическое, образования. В конце концов служебно-образовательный ценз для избрания в мировые судьи в рамках судебной реформы 1864 г. не требовал специального юридического образования [4].

Главное, чтобы жители этого отдаленного сельского поселения действительно доверяли избранным ими из своей среды судьям. Дела в таком суде лучше всего рассматривать «тройкой» судей, определенных сходом жителей этого сельского поселения из общего числа ранее ими избранных судей. «Тройка» же сама изберет председательствующего, но,

как вариант, его может сразу же определить и сход жителей.

Вместе с тем отсутствие требований к судьям иметь обязательное юридическое образование отнюдь не означает возможности им осуществлять правосудие, руководствуясь собственными представлениями о нормах материального и процессуального права, лежащих в основе рассматриваемых ими дел. Только акцент здесь должен сместиться – целью правосудия по каждому конкретному делу, рассматриваемому таким судом, должно стать не столько скрупулезное следование всем мельчайшим требованиям материально- и процессуально-правовых норм (вкуче с соответствующей судебной практикой) и вынесение судебного акта, полностью соответствующего обстоятельствам и материалам дела, сколько примирение участников процесса (насколько это возможно в принципе). Ведь драка между соседями или даже родственниками, проживающими издавна (а то и издревле, поколениями) в одном населенном пункте, пусть и повлекшая для кого-то из ее участников те или иные негативные последствия, вполне может закончиться судебным актом, вынесенным судом на основе максимально полного исследования всех обстоятельств происшествия, с предельно точным соблюдением всех судебных процедур и пр., и этот акт безоговорочно «устойит» во всех вышестоящих судебных инстанциях.

Но одновременно между участниками процесса возникнут такие отношения, которые можно уподобить – на международном уровне – борьбе за мир во всем мире, по конечным результатам которой от мира мало что останется. А в отдельных местностях нашей страны подобный судебный акт вполне может стать причиной возникновения долговременной кровной мести, в свой круг вовлекающей все большее количество людей.

Профессиональных медиаторов нет и не будет не только в сельской местности, но и в райцентрах. И их роль должен взять на себя при рассмотрении конкретного дела данный суд, отодвигая функцию вынесения полнокровного судебного акта на второй план. А это значит, что данный суд должен обладать правовыми возможностями вести судебный процесс, руководствуясь прежде всего соображениями достижения примирения между участ-

никами процесса, не озадачиваясь при этом требованиями скрупулезного соблюдения норм процессуального законодательства и соответствующей судебной практики (которых он заведомо не знает и найти источники сам, тем более разобраться в них, вряд ли сможет).

Поэтому обжаловать судебный акт, вынесенный в таком предельно упрощенном процессуальном режиме, будет возможно, но лучше, если единственной вышестоящей судебной инстанцией в предложенной модели будет соответствующий мировой судья, к которому также может обратиться участник процесса, если вынесенный в его пользу судебный акт не будет исполнен добровольно. Однако в обоих случаях отменять судебный акт мирового судья по причине неполного выполнения требований процессуального законодательства рассматриваемым здесь судом будет не в праве.

Если задаться вопросом: а кто сегодня разрешает мелкие (и не мелкие) бытовые споры, мелкие тяжбы и другие «негромкие» дела в отдаленных сельских поселениях? Те, которые в неотдаленных местностях разрешают мировые судьи либо даже федеральные суды (включая арбитражные, если речь идет о предпринимательских отношениях)? Ответ – никто! Может быть, в отдельных случаях заедет депутат местного совета или участковый уполномоченный и проведет свой псевдосуд. Латентность же споров, ссор и т. п. между соседями отдаленного сельского поселения – это как минимум неотрефлексированные эмоции. И вообще, чем жители отдаленных сельских поселений хуже жителей неотдаленных, для которых судебная защита их прав и законных интересов существенно более доступна?

Стоит принять во внимание, что состоявшийся в сентябре 2015 г. Саммит ООН по устойчивому развитию в числе 17 целей тысячелетия определил и обеспечение правосудия для всех, и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях [8]. Да и требование части 1 статьи 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод надо выполнять в полном объеме. И если для этого нужно создавать новые институты в виде принципиально

новых звеньев судебной системы, то и нужно их создавать.

Преимущества предлагаемого суда для жителей отдаленного сельского поселения, по мнению автора, заключаются в следующем:

– близость к народу с одновременным наличием у населения отдаленного сельского поселения определенных возможностей контроля за его жизнедеятельностью, включая правосудную;

– закрепление за таким судом определенного круга полномочий, позволяющих рассматривать его как специализированный (не предметно, а полифонично, плюс по признаку

наличия определенной страты своей юрисдикции);

– закрепление за ним юрисдикции «малых дел», позволяющей минимизировать требования к процессуально-процедурному регулированию отправления судопроизводства (что способно к тому же сократить объемы работы как мировых судей, так и федеральной юстиции);

– смещение приоритета с сугубо правосудной деятельности на примиренческую, что в условиях малого социума заведомо предпочтительнее.

Список литературы

1. Арабова Т. Ф. Местный суд как преемник мирового судьи // Мировой судья. – 2011. – № 12. – С. 19–25.
2. Виниченко О. Ю. Организация судебной системы в период нэпа : монография. – Курган : изд-во Курганского гос. ун-та, 2013.
3. Ермакова Е. П., Ивановская Н. В. Суды малых исков за рубежом – аналог мировых судей в России: опыт Гонконга, Малайзии и Сингапура // Мировой судья. – 2014. – № 5. – С. 21–25.
4. Ланская С. В. Мировой суд в системе пореформенной России // Правоведение. – 1995. – № 3. – С. 97–101.
5. Мишина Е. А. Кыргызстан: нелегкий путь к основам правового государства // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире : сборник статей. – М., 2013.
6. Носырева Е. О. Суды мелких исков в американской правовой системе // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – С. 52–54.
7. Турсунбаева А. С. Деятельность судов аксакалов в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 155–158.
8. Экимов А. И. О современной модели развития российского общества // Экономика. Право. Общество. – 2016. – № 4 (8). – С. 24–29.

**Актуальные вопросы проведения согласованной политики
в научно-образовательной сфере на евразийском пространстве**

Р. А. Курбанов

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова,
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36
E-mail: mos-ssp@mail.ru

**Topical Issues of the Concerted Policy in the Scientific
and Educational Sphere in the Eurasian Space**

R. A. Kurbanov

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the RF, Director of the Research Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: mos-ssp@mail.ru

Аннотация

В контексте стремительно развивающихся интеграционных процессов в мире, в том числе и на евразийском пространстве, важнейшее значение приобретает сотрудничество государств в научно-образовательной сфере. В статье дан ретроспективный анализ научного сотрудничества государств евразийского региона во второй половине XX в. и на нынешнем этапе. Особое внимание в статье уделено взаимодействию Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства Беларуси и России. Автор отмечает, что научное сотрудничество этих государств осуществляется на различных уровнях – Российско-Белорусской комиссией по научно-техническому сотрудничеству, совместными заседаниями Президиумов Академий наук, Межкадаемическим советом по проблемам развития Союзного государства, совместными коллегиями Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь (ГКНТ) и Министерства образования и науки Российской Федерации. Несомненно, изучение опыта сотрудничества России и Белоруссии в научно-образовательной сфере актуально и своевременно, так как позволит осуществить разработку эффективных механизмов правовой гармонизации в научно-образовательной сфере и создать соответствующие модели научно-образовательного взаимодействия на евразийском пространстве.

Ключевые слова: интеграционные процессы, наука, образование, межправительственные соглашения, межкадаемическое сотрудничество, евразийское пространство, Союзное государство.

Abstract

In the context of the rapidly developing integration processes in the world, including in the Eurasian space, the cooperation of states in scientific and educational spheres becomes extremely important. The article presents a retrospective analysis of the scientific cooperation of the Eurasian countries in the second half of the twentieth century and at the current stage. Special attention is paid to cooperation between Russian Federation and Republic of Belarus within the Union State of Belarus and Russia. The author notes that the scientific cooperation of these countries operates at different levels – within the framework of the Russian-Belarusian Commission on scientific-technical cooperation, joint sessions of the Presidiums of the Academies of Sciences, the InterAcademy Council for the development of the Union State, the joint collegiums of the State Committee on science and technology of the Republic of Belarus and the Ministry of education and science of the Russian Federation. Undoubtedly, the experience of cooperation of Russia and Belarus in scientific-educational sphere is relevant and timely, as it will allow for the development of efficient mechanisms of legal harmonization in scientific and educational sphere and to create given the appropriate models of scientific and educational cooperation in the Eurasian space.

Keywords: integration processes, science, education, inter-governmental agreements, interacademy cooperation, Eurasian space, the Union State.

Современный мир характеризуется стремительно развивающимися интеграционными процессами и значительным скачком в развитии инновационной сферы и науки, что, в первую очередь, обусловлено новыми глобальными вызовами и угрозами, поставленными перед всем мировым сообществом. Учитывая значение науки и образования, можно сделать очевидный вывод о том, что сотрудничество в этой сфере является одним из приоритетных направлений деятельности большинства международных региональных объединений. Исключением не является и евразийское пространство.

В условиях осложнившейся за последнее время международной обстановки, распада биполярного мира и формирования евразийского полюса как никогда востребованным становится стратегический принцип согласованной научной и образовательной политики всех евразийских стран, обеспечение на всех направлениях единого фронта научных исследований.

Выступая на пленарном заседании на Восточном экономическом форуме, Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил важность и актуальность развития многостороннего сотрудничества в научной сфере, подчеркнув, в частности, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) необходимо создать сеть научных центров, подобных тому, что имеет Европа в лице ЦЕРН¹: «Важнейшее значение приобретает сотрудничество в сфере науки и образования.

Россия располагает здесь серьезными фундаментальными научными заделами, и мы готовы выдвинуть целый ряд инициатив по этому направлению <...> предлагаем подумать о совместном создании крупных исследовательских платформ и установок... на базе которых возможны настоящие научные прорывы. <...> Думаю, пришло время создать

такую инфраструктуру, сеть научных и образовательных центров коопераций и в АТР»².

Ретроспективный опыт

В процессе изучения наук всегда весомую роль играл и продолжает играть анализ ретроспективной информации и изучение научной литературы в целях выявления и исследования тенденций и закономерностей развития и положительного исторического опыта. Именно этим определяется интерес широких кругов научной общественности к научным трудам, освещающим данные вопросы.

Научно-техническое сотрудничество на евразийском пространстве не является чем-то новым. Страны тесно сотрудничали в этой сфере в рамках единого государства – СССР. Определенный интерес представляет историко-правовой анализ развития научно-технической интеграции в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), первой международной экономической организации социалистических стран в 1945–1991 гг. [1].

В 1949 г. были разработаны и приняты *Принципы организации научно-технического сотрудничества и обмена техническим опытом между странами – членами СЭВ*³. В 1962 г. по решению XVI сессии СЭВ была создана Постоянная комиссия СЭВ по координации научных и технических исследований, преобразованная в 1971 г. в Комитет СЭВ по научно-техническому сотрудничеству⁴.

После принятия странами – членами СЭВ в 1971 г. *Комплексной программы социалистической экономической интеграции научно-техническое сотрудничество* стало одной из важнейших сфер кооперации стран соцлагеря⁵.

На XXVII сессии СЭВ в 1978 г. было принято решение о создании стипендиального фонда СЭВ, основная задача которого заключалась в оказании помощи участникам СЭВ в подготовке их национальных кадров в высших

¹ Соглашение по образованию ЦЕРН было подписано в Париже 29 июня – 1 июля 1953 г. представителями 12 европейских стран (число стран-членов возросло до 20). В 2013 г. ЦЕРН был награжден Золотой медалью Нильса Бора – наградой Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) как пример международного сотрудничества ученых из множества стран мира.

² Выступление В. В. Путина на Восточном экономическом форуме. Владивосток. – URL: kremlin.ru

³ II сессия СЭВ 25–27 августа 1949 г., София. См.: [2].

⁴ На XXV сессии СЭВ. См.: [2].

⁵ В Комплексной программе отдельный раздел был посвящен вопросам сотрудничества в области науки и техники. Данная программа была ориентирована на развитие многосторонних научных связей в таких важнейших направлениях, как проведение совместных научных исследований, подготовка научных кадров и др.

учебных заведениях по наиболее востребованным специальностям¹ [3].

Особое место среди всего комплекса научно-технических связей занимало сотрудничество в форме прямого (двухстороннего и многостороннего) взаимодействия между академиями наук социалистических стран. 15 декабря 1971 г. в г. Москве было подписано Соглашение о многостороннем научном сотрудничестве между академиями наук социалистических стран².

Организация и координация многостороннего научного сотрудничества в рамках Соглашения осуществлялись через *Совещание представителей академий наук – участников Соглашения*³ и *Проблемные комиссии*⁴. По отдельным направлениям работ и вопросам в рамках Проблемных комиссий могли быть созданы *рабочие группы*, совместные научные учреждения, лаборатории и коллективы ученых.

В процессе взаимодействия с учетом возрастающей роли общественных наук возникла практическая необходимость в формировании специального постоянно действующего органа – *Совещания вице-президентов академий наук социалистических стран по общественным наукам*. Важное значение стала играть Долгосрочная программа многостороннего сотрудничества научных учреждений

социалистических стран в области общественных наук⁵.

Таким образом, на евразийском пространстве к 1980-м гг. была сформирована международная институциональная структура *взаимодействия в научно-технической сфере*, представленная Совещанием представителей академий наук социалистических стран, Совещанием президентов и вице-президентов академий наук, международными организациями, совместными лабораториями и центрами, а также научными Проблемными комиссиями.

Взаимодействие в рамках евразийских объединений

Помимо собственного ретроспективного опыта необходимо также учитывать опыт сотрудничества в сфере науки и образования ныне существующих евразийских объединений, который можно использовать в качестве базиса для построения единого научно-образовательного пространства Евразии.

Вопросы научно-технического сотрудничества в настоящее время представляют собой одну из приоритетных сфер взаимодействия в рамках большинства евразийских региональных объединений.

Так, развитие взаимодействия в сфере науки и образования предусмотрено в учредительных документах, декларациях, планах развития таких организаций, как СНГ⁶,

¹ См.: Материалы XXVII сессии, 5–8 июня 1973 г., Прага.

² Между Болгарской академией наук, Венгерской академией наук, Германской академией наук в Берлине, Академией наук Кубы, Академией наук Монгольской Народной Республики, Польской академией наук, Академией Социалистической Республики Румынии, Академией наук СССР и Чехословацкой академией наук.

³ Совещание представителей академий наук определяло основные направления многостороннего научного сотрудничества, научные проблемы, по которым создавались Проблемные комиссии, конкретные формы и пути осуществления многостороннего сотрудничества между академиями наук и т. д.

⁴ В целях проведения совместного исследования по каждой отдельной проблематике, избранной для многостороннего научного сотрудничества, создавались Проблемные комиссии, в состав которых входили ученые и специалисты, направляемые академиями наук, которые принимали участие в сотрудничестве по данной проблеме. Впервые Проблемные комиссии появились в 1900-х гг. при научных учреждениях (академиях наук и т. д.). Самой крупной подобной организацией была Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Академии наук (1915), занимающаяся вопросами организации и проведения исследований природных ресурсов.

⁵ Долговременная программа по общественным наукам была принята Совещанием вице-президентов и одобрена в феврале 1977 г. Совещанием президентов академий наук социалистических стран.

⁶ основополагающими актами сотрудничества стран СНГ в сфере науки являются принятая 22 сентября 1995 г. Концепция создания общего научно-технологического пространства государств – участников СНГ и Соглашение о создании общего научно-технологического пространства государств – участников СНГ от 3 ноября 1995 г. Кроме того, в 2000 г. был принят Модельный закон о научно-технической информации, а в мае 2011 г. было подписано Соглашение о создании Совета по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств – участников СНГ.

ШОС¹, БРИКС², ССТГ³, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМ-ДА)⁴, Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС)⁵, Организации за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), саммитах РКМ (Россия – КНР – Монголия)⁶, РИК (Россия – Индия – Китай)⁷ и т. д.

¹ В соответствии со Стратегией развития ШОС до 2025 г. государства-члены будут поступательно углублять сотрудничество в области культуры, науки и техники, образования, туризма и спорта, здравоохранения и т. д. В Договоре о дружбе и сотрудничестве государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), подписанном в Бишкеке в 2007 г., стороны выразили намерение поощрять и поддерживать установление прямых связей между образовательными, научными и исследовательскими учреждениями, осуществлять совместные научно-исследовательские программы. 23 октября 2008 г. на 2-м Совещании министров образования государств – членов ШОС в Астане утверждена Концепция Сетевого университета ШОС. В рамках ШОС предусмотрены совещания министров образования государств – членов ШОС. В июне 2006 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области образования.

² В рамках БРИКС предусмотрено сотрудничество в области науки и образования, в том числе в целях проведения фундаментальных исследований и разработки передовых технологий. В Форталезской декларации в рамках шестого саммита стран БРИКС в 2014 г. была поддержана инициатива создания Сетевого университета БРИКС. В Уфимской декларации БРИКС 2015 г. отмечено, что стороны поощряют более широкое участие бизнеса, научного сообщества и других соответствующих заинтересованных сторон в развитии науки, технологий и инноваций стран БРИКС, поддерживают усилия, направленные на обеспечение всеобъемлющего и равноправного качественного образования, призывают к обмену опытом по вопросам взаимного признания дипломов о высшем образовании и ученых степеней, к сотрудничеству компетентных органов стран БРИКС в работе по аккредитации и признанию, поддерживают инициативы по учреждению Лиги университетов БРИКС.

³ Положения ст. 2 Нахичеванского соглашения о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) позволяют определить, что основными задачами ССТГ являются стремление к всестороннему и сбалансированному социальному и культурному развитию в регионе посредством совместных действий на основе равноправного партнерства в целях неуклонного повышения уровня и улучшения условий жизни народов в регионе; расширение взаимодействия в области науки и техники, образования и т. д.

⁴ См.: Концепция по реализации Каталога мер доверия СВМДА в человеческом измерении, 2007.

⁵ См.: Дорожная карта для расширения сотрудничества в области науки и технологий, 2007.

⁶ Дорожная карта мероприятий, которая предусматривает взаимодействие сторон и в научно-технической области.

⁷ В рамках саммита проводятся регулярные встречи ученых России, Индии и Китая в целях стимулирования научного диалога.

Однако в контексте построения единого евразийского научно-образовательного пространства следует учитывать развитие этой сферы сотрудничества в рамках *Союзного государства Беларуси России и*, где достигнуты наиболее впечатляющие результаты в сфере научно-образовательной интеграции, создана расширенная институциональная структура взаимодействия.

Необходимо выделить следующие формы российского-белорусского взаимодействия.

Сотрудничество в рамках

межправительственных соглашений

Научно-образовательное сотрудничество Белоруссии и России осуществлялось еще до образования в 2000 г. Союзного государства Беларуси и России. С 1992 г. между Россией и Белоруссией было заключено и реализовано значительное число соглашений в сфере образования и науки⁸.

Единое научно-технологическое пространство

В соответствии с *Основными направлениями формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства* предусмотрено формирование и функционирование единого научно-технологического пространства, в том числе объединение и развитие научно-технических потенциалов Белоруссии и России в целях ускоренного использования достижений науки и технологий в инновационной деятельности и последовательного роста конкурентоспособности экономики Белоруссии и России и укрепления основ Союзного государства [4].

В рамках дальнейших мер по формированию единого научно-технологического пространства предусмотрена межгосударственная координация совместных научных исследований и разработок, в том числе ежегодное проведение *совместных заседаний коллегий*

⁸ Так, следует отметить Договор о сотрудничестве между Российской академией наук и Академией наук Беларуси 1992 г., Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области культуры, образования и науки 1995 г., Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о научно-техническом сотрудничестве 1996 г., Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях, заключенное 27 февраля 1996 г. и т. д.

Минобрнауки России и ГКНТ Беларуси по вопросам научно-технологического и инновационного сотрудничества с участием представителей заинтересованных органов государственной власти Белоруссии и России¹.

Общая координация работ по формированию единого научно-технологического пространства осуществляется *Российско-Белорусской комиссией по научно-техническому сотрудничеству*, которую возглавляют руководители Министерства образования и науки Российской Федерации и Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь.

Единое образовательное пространство

В Союзном государстве предусмотрено создание единого образовательного пространства, под которым понимается сфера отношений между субъектами образования Белоруссии и России, формируемых на основе согласованных норм законодательства, единого понимания целей, задач, принципов и механизмов развития национальных систем образования. Правовую основу сотрудничества Белоруссии и России в сфере образования помимо Договора о создании Союзного государства образует ряд двусторонних соглашений, а также решения высших органов Союзного государства. Всего между двумя странами в сфере образования на различных уровнях (региональном, ведомственном, вузовском и др.) заключено более 300 договоров о сотрудничестве. Существующая нормативная база в целом обеспечивает гражданам Белоруссии и России равные права на получение образования.

На совместных заседаниях коллегий Министерства образования и науки Российской Федерации, Министерства образования Республики Беларусь и Государственного комитета по технологиям и науке Республики Беларусь активно ведется работа по актуальным направлениям взаимодействия².

¹ В соответствии с Приоритетными направлениями и первоочередными задачами дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу (2014–2017 гг.).

² См.: План основных направлений взаимодействия Министерства образования Республики Беларусь и Министерства образования и науки Российской Федерации по обеспечению общего образовательного пространства Союзного государства на период 2011–2015 гг.

Союзные программы в научно-технической сфере

В Примерном перечне приоритетных научно-технологических и инновационных программ и проектов Союзного государства для их дальнейшей разработки, утверждения и реализации³ содержится в общей сложности 33 программы. В настоящее время в стадии разработки находятся 9 программ, а в стадии реализации – 11 научно-технических программ Союзного государства.

Межакадемическое сотрудничество⁴

Президиумами Российской академии наук и Национальной академии наук (НАН) Беларуси проводятся *совместные заседания*, на которых обсуждаются планы совместной работы, состояние и перспективы развития белорусско-российского сотрудничества. В 2004 г. в целях координации научной и научно-организационной деятельности двух академий в интересах становления и развития Союзного государства был учрежден *Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства* [5]; предусмотрены премии Российской академии наук и Национальной академии наук Беларуси. Стоит уточнить, что, в соответствии с Постановлением Президиума Национальной академии наук Беларуси и Президиума Российской академии наук от 15 апреля 2011 г. № 25/74, предусмотрены три премии: в области естественных; технических; гуманитарных и социальных наук.

Таким образом, можно констатировать создание в союзной научно-образовательной сфере расширенной институциональной структуры, представленной Российско-

³ Приложение к Резолюции № 3 Совета Министров Союзного государства «О Примерном перечне приоритетных научно-технологических и инновационных программ и проектов Союзного государства для их дальнейшей разработки, утверждения и реализации» (принята 17.11.2008) // Официальный сайт Постоянного комитета Союзного государства. Изменения и дополнения внесены в 2010 и в 2011 гг.

⁴ Среди важнейших соглашений в рассматриваемой сфере необходимо отметить Договоры о научном сотрудничестве между НАН Беларуси и Сибирским отделением РАН 2002 г., Санкт-Петербургским научным центром РАН 2002 г., Уральским отделением РАН 2005 г., Соглашение о сотрудничестве между Российским фондом фундаментальных исследований и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований 2007 г. и т. д.

Белорусской комиссией по научно-техническому сотрудничеству, совместными заседаниями Президиумов Академий наук, Межакадемическим советом по проблемам развития Союзного государства, совместными коллегиями Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь и Министерства образования и науки Российской Федерации и т. д.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что выработка и проведение согласованной политики в научно-образовательной сфере на данном этапе развития жизненно

необходимы для всех стран евразийского региона. Изучение накопленного ретроспективного опыта, а также наиболее успешных современных наработок в рассматриваемой сфере может позволить в достаточно сжатые сроки осуществить разработку эффективных механизмов правовой гармонизации в научно-образовательной сфере, создать с учетом исторического прошлого собственные модели научно-образовательного взаимодействия на евразийском пространстве.

Список литературы

1. Постановление № 9 Совета Министров Союзного государства «Об Основных направлениях формирования единого научно-технологического пространства Союзного государства» (принято 04.04.2006).
2. Постановление Президиума РАН от 30 марта 2004 г. № 114 «О создании Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства».
3. Курбанов Р. А. Евразийское право. Теоретические основы: монография. – М. : Юнити-Дана, 2015.
4. Летопись Совета экономической взаимопомощи : в 3 т. – Т. 1: Материалы о заседаниях органов СЭВ за 1949–1971 гг. / Н. Н. Шинков, Л. И. Лукин, Г. А. Корсакова. – М., 1989.
5. Летопись Совета экономической взаимопомощи : в 3 т. – Т. 2: Материалы о заседаниях органов СЭВ за 1972–1978 гг. / Н. Н. Шинков, Л. И. Лукин, Г. А. Корсакова. – М. : Секретариат СЭВ, 1989.

**Логика антонимов как реактивная инновация в расчете
коммерческой эффективности инвестиционного проекта**

А. И. Комаристый

магистрант Кыргызско-Российского Славянского университета.
Адрес: ГОУ ВПО «Кыргызско-Российский Славянский университет»,
720000, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, д. 6, к. 3
E-mail: artyrka94@gmail.com

**Antonym Logic as a Reactive Innovation in the Calculation
of Commercial Effectiveness of the Investment Project**

A. I. Komaristy

Graduate Student of the Kyrgyz-Russian Slavic University.
Address: Kyrgyz-Russian Slavic University, 6/3 Chui Avenue,
Bishkek, 720000, Kyrgyzstan.
E-mail: artyrka94@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается вопрос применения логики антонимов при расчетах коммерческой эффективности инвестиционных проектов. Автором статьи разработана методика оценки общего риска инвестиционного проекта и на основе нее подготовлено программное обеспечение в среде разработки Microsoft Visual Studio 2010. Созданная программа позволяет сделать выбор инвестиционного проекта, имеющего наиболее высокую степень инвестиционной привлекательности, получать отчеты на предварительном этапе оценки инвестиционных проектов, а также принимать решение без привлечения программистов. Такая оценка качества инвестиционного проекта будет являться комплексной, так как позволит оптимизировать не только значения параметров проекта, но и риски, связанные с реализацией проекта, а также выбрать единственный наиболее привлекательный проект.

Ключевые слова: логика антонимов, проект, инвестиционное кредитование, риск, банк, коммерческая эффективность, инвестиционная привлекательность, программное обеспечение, отчет, оценка качества.

Abstract

The article discusses the using of the antonym logic in the calculations of commercial effectiveness of investment projects. The author has developed a methodology for general risk assessment of the investment project and on the base of this methodology the author has developed software in Microsoft Visual Studio 2010 environment. This created program allows choosing the investment project with the highest degree of investment attractiveness, getting a report at a preliminary stage of investment projects evaluation, as well as making a decision without involving any programmers. Such assessment of the quality of the investment project will be complex, as it will allow to optimize not only the values of the project parameters, but also to optimize the risks associated with the project and to choose the most attractive project.

Keywords: antonyms logic, project investment lending, risk, bank, commercial efficiency, investment attractiveness, software, reports, quality assessment.

Согласно Стратегии инновационного развития Российской Федерации, на период до 2020 г. «Инновационная Россия – 2020», банковское инвестиционное кредитование в России определено как одно из приоритетных направлений экономики страны [1]. Банковский сектор является главным держателем финансовых средств страны, определяющих экономический рост.

По состоянию на декабрь 2016 г. активы российских банков составили 77,7 трлн рублей [3], более чем вдвое превысив всю сумму государственного консолидированного бюджета страны, включая внебюджетные фонды [4]. Помимо этого, средства бюджета в большинстве направляются на текущее финансирование; относительно меньшая доля идет на инвестиции. Поэтому увеличение инвестици-

онных ресурсов за счет кредитов – эффективный способ значительного роста инвестиционной активности, поскольку кредит представляет собой более строго контролируемый ресурс по сравнению с инвестициями на безвозмездной основе по линии бюджетных средств. Это обосновано тем, что кредитование осуществляется через банки, которые дорожат своей репутацией, имеют акционеров, внимательно относящихся к имиджу банка, к тому же заемщики могут подвергаться преследованию вплоть до уголовного в случае невозврата кредита (ст. 177 УК РФ). Банки лучше используют интеллектуальные силы, привлекая отечественных и иностранных специалистов. Этим они выгодно отличаются от государственных учреждений, не имеющих достаточных средств для проведения надлежащей квалифицированной экспертизы.

Однако принятию правильного решения о финансировании проекта в рамках инвестиционного кредитования препятствует неопределенность будущего и труднодоступность ключевой информации. Чтобы получить даже простой отчет, требуется напряженная работа большого штата аналитиков, математиков и программистов. При этом важным становится вопрос об инвестиционной привлекательности проекта. Прежде всего это совпадение содержания и целей проекта с требованиями банка, поскольку в своей работе банк сталкивается с проблемой необходимости анализа и оценки большого числа инвестиционных проектов. Если отчетность по ним выполняется всегда по-разному и не совсем соответствует требованиям, а компании, которые нуждаются в долгосрочном финансировании, являются в основном крупными, то задача усложняется. Облегчить ее решение можно за счет реализации методики оценки инвестиционного предложения с использованием логики антонимов [2. – С. 92–112].

Логика антонимов применима в тех случаях, когда исходная информация нечетка и в ней многое не определено. При этом логикой антонимов имеет смысл пользоваться в следующих случаях:

- когда существует большое число параметров для учета, а применение традиционных методов не представляется возможным;
- отсутствует статистический материал или он представлен в ограниченном объеме;

– количественные зависимости между параметрами трудно формулируемы;

– согласно условиям проекта необходимо вести учет состояния данной конкретной системы в рассматриваемый момент времени, а не некоторые усредненные состояния.

Задача предлагаемой методики состоит в максимальном упрощении и формализации взаимоотношений банка и компании. Проводимый анализ должен быть ориентирован на предоставление информации по выбору инвестиционного проекта, имеющего наиболее высокую степень инвестиционной привлекательности при приемлемом уровне риска. При этом проекты должны являться сопоставимыми и быть подверженными анализу с помощью единой системы показателей.

Авторская методика оценки инвестиционного проекта с использованием логики антонимов представляет следующий алгоритм (рис. 1):

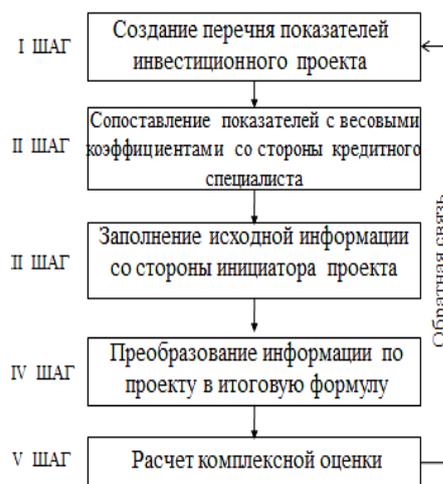

Рис. 1. Алгоритм оценки общего риска инвестиционного проекта

Автором был разработан шаблон специализированного программного обеспечения, в функции которого входит расчет коммерческой эффективности инвестиционного проекта с использованием логики антонимов. Для разработки шаблона программного обеспечения выбрана среда разработки Microsoft Visual Studio 2010. Основным языком программирования был выбран C#.

На **первом этапе** был создан перечень всех инвестиционных проектов (рис. 2). Показатели, общих для расчета (анализа)

Рис. 2. Показатели эффективности инвестиционного проекта

Рассмотрим представленные показатели более подробно:

Общественная эффективность – определяет социально-экономические последствия осуществления проекта для общества в целом.

Рыночная эффективность – ведет учет затрат и результатов, которые связаны с реализацией проекта и при этом допускают стоимостное изменение.

Научно-техническая эффективность – учитывает уровень конкуренции на рынке, наличие аналогов предлагаемой продукции / услуг, использование качественной техники при создании продукта и другие параметры.

Эффективность менеджмента – наиболее важный параметр, поскольку успешная реализация проекта зависит не столько от используемых технологий, сколько от качества проводимого менеджмента.

Коммерческая эффективность – ведет учет финансовых последствий от реализации проекта.

На **втором этапе** каждому из показателей проставляется весовой коэффициент (k), учитывающий важность этого показателя в системе комплексной оценки. Весовые коэффициенты для каждого показателя устанавливает группа экспертов (табл. 1, рис. 3).

Таблица 1

Пример проставления весовых коэффициентов

Показатели общественной эффективности	Весовой коэффициент (k)
Бюджетная	0,3
Социальная	0,4
Экологическая	0,3
Всего:	1

	"Бетта-банк"		"Гамма-банк"	
	весовые коэффициенты			
Коммерческая эффективность				
K1:среднегодовая прибыль	0,9		0,62	
K2:период окупаемости	0,72		0,94	
K3:длительность жизни проекта на рынке	0,97		0,26	
K4:длительность реализации проекта	0,62		0,96	
K5:финансовые риски	0,85		0,83	
Рыночная эффективность				
P1:наличие конкурентов	0,9		0,44	
P2:соотношение качества инновационного продукта с качеством существующего на рынке	0,96		0,84	
P3:коэффициент новизны инновационного продукта	0,83		0,4	
Научно-техническая эффективность				
HT1:научно-техническая сложность	0,6		0,85	
HT2:патентоспособность	0,95		0,2	
HT3:тиражируемость результатов	0,72		0,2	
Эффективность менеджмента				
M1:квалификация команды	0,92		0,9	
M2:полнота команды исполнителей проекта	0,86		0,75	
M3:квалификация лидера	0,93		0,9	
M4:слаженность команды исполнителей проекта	0,8		0,8	
M5:степень мотивации сотрудников	0,7		0,8	
Общественная эффективность				
O1:бюджетная	0,6		0,6	
O2:социальная	0,7		0,7	
O3:экологическая	0,9		0,9	

Рис. 3. Весовые коэффициенты, учитывающие интересы банка

На **третьем этапе** необходимо получить от клиента информацию по анализируемому проекту для оценки его инвестиционной привлекательности, что позволит провести сравнительный анализ и на его основе сформировать заключение о вероятности успешного достижения целей.

Клиенту предлагается заполнить типовой перечень характеристик проекта, который

должен быть весьма прост для понимания и заполнения. В табл. 2 приведен фрагмент типового перечня.

Инициатору проекта нужно только выбрать и пометить в перечне характеристик проекта наиболее близко соответствующие его содержанию (см. рис. 4).

Таблица 2

Перечень характеристик инновационного проекта
(заполняется клиентом)

Показатели общественной эффективности	Характеристика проекта	Значение, выбранное инициаторами проекта
Бюджетная	Результаты реализации проекта обеспечивает дополнительные поступления в:	
	федеральный бюджет	
	региональный бюджет	
	местный бюджет	
	Внедрение проекта не дает бюджетного эффекта	+
Социальная	Проект направлен в первую очередь на улучшение в социальной среде	
	Проект имеет частичную социальную направленность	+
	Проект не внесет заметного положительного вклада в социальную сферу	
Экологическая	Реализация проекта значительно улучшит экологию окружающей среды	
	Проект направлен на выпуск экологически чистого продукта	+
	Реализация проекта не ухудшит экологию окружающей среды	
	Проект принесет частичный вред экологии окружающей среды	

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА

Модуль кредитного специалиста | Модуль инициатора проекта | Модуль оценки показателей | Модуль результатов ранжирования | Оценка выбранным

1	2	А	Б	В	Г
Наименование показателя	Характеристика показателя	Значения, выбранные инициаторами проектов			
K1:среднегодовая прибыль	более 3 млн. долл. от 0,5 до 3 млн.долл. менее 0,5 млн. долл.	☒	☐	☐	☐
K2:период окупаемости	менее 3 лет от 3 до 10 лет более 10 лет	☒	☒	☐	☐
K3:длительность жизни проекта на рынке	более 15 лет менее 10 лет менее 5 лет	☒	☒	☒	☒
K4:длительность реализации проекта	более 15 лет от 5 лет до 15 лет менее 5 лет	☒	☒	☒	☒
K5:финансовые риски	финансирование только из средств банка (ПФ) в бюджет проекта заложены собственные средства (ИК)	☒	☒	☒	☒
P1:наличие конкурентов	конкуренты отсутствуют конкурентов не более 3 конкурентов более 3	☒	☒	☒	☒
P2:соотношение качества инновационного продукта с качеством существующего на рынке	качество значительно выше качество незначительно выше качество одинаковое	☒	☒	☒	☒
P3:коэффициент новизны инновационного продукта	нет аналогов есть аналоги есть аналоги, но худшего качества	☒	☒	☒	☒
HT1:научно-техническая сложность	простой процесс, не требующий для осуществления сложного оборудования простой процесс, осуществляемый с применением известных технологий	☐	☒	☒	☒

Рис. 4. Перечень характеристик проекта, предоставленный клиентом

На четвертом этапе каждый показатель на основании информации, полученной из перечня характеристик проекта, представленного клиентом, оценивается кредитным спе-

циалистом на основе логики антонимов (формулы 1–6, рис. 5).

		"Бетта-банк"	"Гамма-банк"
Проект А	уровень привлекательности	2	4
	цифровой рейтинг	5,59	4,10736842105263
Проект Б	уровень привлекательности	3	2
	цифровой рейтинг	5,14473684210526	4,51263157894737
Проект В	уровень привлекательности	1	3
	цифровой рейтинг	6,59157894736842	4,41105263157895
Проект Г	уровень привлекательности	4	1
	цифровой рейтинг	4,79684210526316	5,18

Рис. 5. Оценка показателей на основе коэффициентов и перечня характеристик проекта

$$H[K;P;H.T.;M;O] = K_K \cdot H[K] + K_P \cdot H[P] + K_{H.T.} \cdot H[H.T.] + K_M \cdot H[M] + K_O \cdot H[O], \quad (1)$$

$$\text{где } H[K] = K_{K1} \cdot H[K1] + K_{K2} \cdot H[K2] + K_{K3} \cdot H[K3] + K_{K4} \cdot H[K4] + K_{K5} \cdot H[K5] \quad (2)$$

$$H[P] = K_{P1} \cdot H[P1] + K_{P2} \cdot H[P2] + K_{P3} \cdot H[P3] \quad (3)$$

$$H[H.T.] = K_{H.T.1} \cdot H[H.T.1] + K_{H.T.2} \cdot H[H.T.2] + K_{H.T.3} \cdot H[H.T.3] \quad (4)$$

$$H[M] = K_{M1} \cdot H[M1] + K_{M2} \cdot H[M2] + K_{M3} \cdot H[M3] + K_{M4} \cdot H[M4] + K_{M5} \cdot H[M5] \quad (5)$$

$$H[O] = K_{O1} \cdot H[O1] + K_{O2} \cdot H[O2] + K_{O3} \cdot H[O3] \quad (6)$$

По итоговой формуле производится расчет комплексной оценки проекта на последнем, пятом этапе (см. рис. 6).

Полученную таким образом комплексную оценку по проекту можно сравнить с аналогичной оценкой, полученной для других инвестиционных предложений. Если на рассмотрение предложен только один проект, то рентабельность вложенных в него средств предлагается оценивать путем сравнения данного проекта с эталонным, который создается с опорой на представления группы экспертов об «идеальном» проекте.

Данная система позволяет упорядочить информацию в специально созданном храни-

лище и уже на основе обработанных данных строить динамические отчеты по анализируемым проектам. И если для первоначального решения по выдаче кредита кредитному специалисту приходится проводить глубокий анализ, то с внедрением данного программного обеспечения ответы будут извлекаться из данных о деятельности того или иного проекта. При этом кредитный специалист взаимодействует с системой напрямую, не используя программиста в качестве посредника.

Такая оценка качества инвестиционного проекта будет являться комплексной, так как позволит оптимизировать не только значения параметров проекта, но и риски, связанные с

реализацией проекта, а также выбрать единственный, наиболее привлекательный проект.

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА								
Модуль кредитного специалиста		Модуль инициатора проекта		Модуль оценки показателей		Модуль результатов ранжирования		Оценка выбранный
	Проект А		Проект Б		Проект В		Проект Г	
	"Бетта"	"Гамма"	"Бетта"	"Гамма"	"Бетта"	"Гамма"	"Бетта"	"Гамма"
Коммерческая эффективность								
K1:среднегодовая прибыль	4,5	3,1	1,8	1,24	1,8	1,24	1,8	1,24
K2:период окупаемости	3,6	4,7	3,6	4,7	3,6	4,7	3,6	4,7
K3:длительность жизни проекта на рынке	9,7	2,6	9,7	2,6	9,7	2,6	9,7	2,6
K4:длительность реализации проекта	1,24	1,92	3,1	4,8	1,24	1,92	1,24	1,92
K5:финансовые риски	8,5	8,3	4,25	4,15	4,25	4,15	4,25	4,15
Рыночная эффективность								
P1:наличие конкурентов	9	4,4	9	4,4	9	4,4	9	4,4
P2:соотношение качества инновационного продукта с качеством существующего на рынке	4,8	4,2	9,6	8,4	9,6	8,4	1,92	1,68
P3:коэффициент новизны инновационного продукта	8,3	4	1,66	0,8	8,3	4	4,15	2
Научно-техническая эффективность								
НТ1:научно-техническая сложность	1,2	1,7	6	8,5	6	8,5	6	8,5
НТ2:патентоспособность	9,5	2	1,9	0,4	4,75	1	1,9	0,4
НТ3:тиражируемость результатов	3,6	1	1,44	0,4	7,2	2	1,44	0,4
Эффективность менеджмента								
M1:квалификация команды	9,2	9	4,6	4,5	9,2	9	1,84	1,8
M2:полнота команды исполнителей проекта	8,6	7,5	4,3	3,75	1,72	1,5	4,3	3,75
M3:квалификация лидера	9,5	9	9,5	9	4,75	4,5	9,5	9
M4:слаженность команды исполнителей проекта	8	8	8	8	4	4	8	8
M5:степень мотивации сотрудников	7	8	5,6	6,4	5,6	6,4	7	8
Общественная эффективность								
O1:бюджетная	3	3	3	3	3	3	3	3
O2:социальная	7	7	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5
O3:экологическая	9	9	7,2	7,2	9	9	9	9

Рис. 6. Шаблон специализированного программного обеспечения в рамках расчета коммерческой эффективности инвестиционного проекта

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года».
2. Голота Я. Я. О формализации вероятностной логики // Логика и развитие научного знания. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. – С. 92–112.
3. Официальный сайт Банка России. – URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 27.01.2017).
4. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: <http://info.minfin.ru> (дата обращения: 27.01.2017).

**Проблемы развития малого и среднего предпринимательства
в Российской Федерации****Ю. Х. Давыдова**

ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36
E-mail: jull13@mail.ru

Р. Х. Давыдов

студент 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: davydovnet@yandex.ru

**Problems of the Development of Small and Medium-sized
Entrepreneurship in the Russian Federation****Yu. Kh. Davydova**

Assistant of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: jull13@mail.ru

R. Kh. Davydov

Fourth-year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: davydovnet@yandex.ru

Аннотация

Развитие малого и среднего предпринимательства является стратегическим фактором, определяющим устойчивое развитие экономики государства. Государственная поддержка является одним из приоритетных направлений для развития малого и среднего предпринимательства. Несмотря на имеющийся прогресс в развитии сектора малого и среднего бизнеса, существует необходимость принятия мер для того, чтобы разрешить актуальные вопросы. Сфера деятельности предпринимательства в Российской Федерации должна стать привлекательной, престижной и доступной для граждан. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, которые затрудняют развитие малого и среднего предпринимательства, а также предлагаются решения проблем на законодательном уровне.

Ключевые слова: предпринимательство, малый и средний бизнес, развитие предпринимательства, государственная поддержка, меры поддержки бизнеса, инновационный бизнес.

Abstract

The development of small and medium-sized entrepreneurship is a strategic factor for sustainable development of the state economy. State support is one of the priority directions for development of small and medium-sized entrepreneurship. Despite progress in the development of the sector of small and medium-sized businesses, there is a need for action in order to resolve current issues. The field of activity of the entrepreneurship in the Russian Federation should become an attractive, prestigious and available to citizens. This article discusses the current problems that imply difficulties for the development of small and medium-sized entrepreneurship, and offers solutions to resolve the problems at the legislative level.

Keywords: entrepreneurship, small and medium business, development of entrepreneurship, state support, measures to support business, innovative business.

Предпринимательство является важной ячейкой экономики страны: именно оно дает сильный рывок в развитии экономики за счет своей мобильности и гибкости. Актуальной проблемой на сегодняшний день является то, что малое и среднее предпринимательство не получает эффективной поддержки со стороны государства, что выражается в медленном развитии предпринимательства в целом.

Сравнительный анализ вклада малого и среднего предпринимательства в ВВП РФ и различных зарубежных стран позволяет сделать следующие выводы: во-первых, уровень развития малого и среднего предпринимательства

в зарубежных странах достаточно высок; во-вторых, доля ВВП от предпринимательской деятельности во многих странах достигает более 50% (США, Япония, Германия), тогда как в Российской Федерации этот показатель достигает отметки в 21% [2]. На рисунке наглядно продемонстрировано сравнение вклада малого и среднего предпринимательства в ВВП разных стран. Также стоит отметить, что страны, которые представлены на рисунке, имеют высокий уровень государственной поддержки, что обуславливает их значительное влияние на ВВП государства.

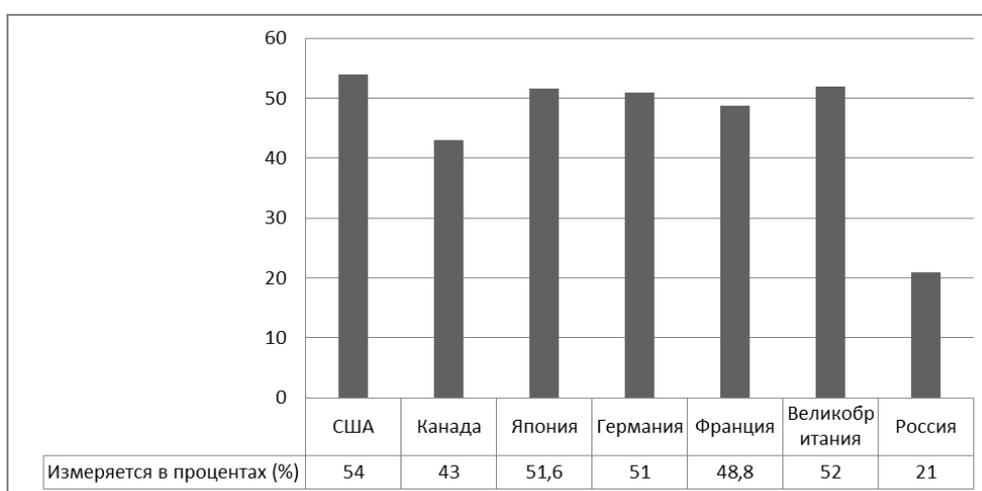

Рис. Вклад малого и среднего предпринимательства в ВВП страны (по данным Росстат)

Малое и среднее предпринимательство в российском законодательстве регламентируется Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹. Закон не содержит определение понятия «малое и среднее предпринимательство», однако устанавливает критерии, позволяющие установить статус конкретных субъектов (см. таблицу). Согласно ст. 4 данного закона, к субъектам малого и среднего предпринимательства относятся зарегистрированные в соответствии с законодательством Российской Федерации хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, про-

изводственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели.

Проблемами развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации занимались такие ученые-юристы, как М. В. Волкова, Г. Б. Казаченко, С. А. Кузнецова, В. Д. Маркова и др.

В настоящее время государство предпринимает попытки создать благоприятные условия ведения бизнеса для того, чтобы сфера деятельности предпринимательства стала привлекательной, престижной и доступной для граждан. В 2015 г. состоялось заседание Государственного совета по вопросам развития малого и среднего бизнеса, на котором рассматривался комплекс мер по его разви-

¹ Собрание законодательства РФ. – 2016. – 4 января. – № 1 (часть I). – Ст. 28.

тию. В частности, обсуждалась проблема повышения эффективности государственной поддержки малого и среднего бизнеса. Были затронуты вопросы об улучшении налогового климата, ограничении проверок со стороны контрольно-надзорных органов, создании благоприятных условий для предпринимателей в кредитной сфере и решении вопросов, связанных с кадровым обеспечением.

Государственная поддержка – это «определенный комплекс мер, который направлен на становление, развитие и стабилизацию малого и среднего предпринимательства» [4]. Правовую основу государственной поддержки составляют Федеральный закон № 209-ФЗ; Приказы Минкомразвития России «Об утверждении Правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета

бюджетам субъектов Российской Федерации»; Государственная программа субъектов Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» и др. Анализ указанных документов показал, что государственная поддержка оказывается в имущественной, финансовой, информационной, консультационной, инновационной, ремесленной и других сферах.

В то же время на практике программы государственной поддержки не разрешают всех существующих в этой сфере проблем. Например, в настоящее время не получили эффективного разрешения вопросы доступа предпринимателей к государственным инфраструктурным ресурсам; регулирования налоговых каникул; упрощения условий входа в малый бизнес.

Категории субъектов малого и среднего предпринимательства

	Максимальная численность работников, чел.	Доля внешнего участия в уставном капитале, %	Максимальный доход за предшествующий календарный год, млн руб.
Микропредприятия	15	25	120
Малое предпринимательство	100	25	800
Среднее предпринимательство	250	25	2

Проблема доступа предпринимателей к государственным инфраструктурным ресурсам состоит в том, что предпринимателям зачастую трудно получить доступ к различным государственным коммуникациям (газовым, водо- и теплоснабжения). В этой связи справедливым представляется мнение В. В. Путина: «Предприниматели по-прежнему обивают пороги чиновничьих кабинетов, выпрашивают то, что им должны предоставить без всяких барьеров. В итоге бизнес буксует, деловая инициатива гаснет». Полагаем, что для решения этого вопроса будет полезно разработать типовые договоры о подключении к газо-, тепло-, водоснабжению по аналогии с договором о подключении к электросетям. Данные договоры могли бы предусматривать льготы, а также рассрочку платежей.

Необходимо урегулировать вопрос, связанный с налоговыми каникулами. По мнению В. В. Путина: «Существует опасность того, что на два года будет создаваться предприятие, а

потом на следующие два года – новое предприятие. Надо на проблему посмотреть исходя из реальной жизни, из той практики, которая у нас есть». На уровне субъектов приняты законы, предусматривающие введение этих каникул. Согласно законам, для предпринимателей, которые зарегистрированы впервые, устанавливается налоговая ставка 0%. Однако ставки могут устанавливаться только в отношении предпринимателей, которые осуществляют свою деятельность в производственной, социальной и научной областях.

По вопросу упрощения условий входа в малый бизнес хотелось бы отметить, что начинать бизнес должно быть легко, а рисковать и допустить ошибку не страшно. Одним из способов упрощения является то, что достаточно приобрести патент и приступить к работе. Под патентом понимается «документ, удостоверяющий исключительное право, авторство и приоритет изобретения, полезной модели либо промышленного образца» [3].

Данный вопрос обсуждался на заседании Расширенной коллегии Министерства финансов, в частности Д. А. Медведев отметил, что данная проблема является главной задачей Правительства РФ. Поэтому в ближайшем будущем будет проводиться патентная реформа.

Необходимо отдельно выделить проблемы развития малого инновационного бизнеса, так как он вносит существенный вклад во внутренний валовой продукт нашего государства. На законодательном уровне само понятие «малое инновационное предпринимательство» не закреплено, однако на практике существует множество подходов к определению данного понятия. Обычно применяется общий подход, при котором малый инновационный бизнес понимается как предприятие, которое в течение нескольких лет имело завершенные новации, т. е. различные исследования, научные открытия, новые продукты или усовершенствованные.

Понятие «инновация» в российской и зарубежной литературе определяется как «использование в той или иной сфере общественного производства результатов интеллектуальной (научно-технической) деятельности, направленной на совершенствование процесса деятельности или его результатов» [4]. Результатом инновационной деятельности является практическая реализация новых технических средств, технологий, новых изделий, материалов, методов организации производства и управления им и другими объектами, именуемыми обычно инновациями или нововведениями.

Главными признаками инноваций являются новизна, научный уровень и производственная применимость, т. е. возможность коммерческой реализуемости и получения дохода [7].

На сегодняшний день предприятий, работающих в сфере технологических инноваций, очень мало. Из них около 15% можно «назвать по-настоящему инновационными, т. е. такими, которые проводят научные исследования, занимаются охраной интеллектуальной собственности и коммерциализаци-

ей нововведений на рынке»¹. К остальной части можно отнести предприятия, созданные при вузах, так как зачастую разработки не доходят до внедрения в промышленность, они ограничиваются лишь различными публикациями и выступлениями на конференциях.

Развитие малого инновационного предпринимательства в Российской Федерации отстает по сравнению с зарубежными странами. Так, доля инновационного бизнеса в ВВП страны составляет приблизительно от 1,5 до 3%. Однако Правительство РФ поставило задачу повышения доли инновационного бизнеса к 2020 г. в Российской Федерации. Для этого необходимо:

1. Предоставить финансовую поддержку для инновационных предприятий на начальных этапах, так как зачастую в Российской Федерации именно на начальных этапах при реализации инновационных идей терпят крах.

Стоит отметить, что финансовая поддержка малого и среднего предпринимательства на региональном уровне осуществляется за счет микрофинансовых организаций. Микрофинансовые организации предоставляют кредиты до 1 млн рублей на срок до 3 лет малым и средним предприятиям.

2. Обеспечить налоговую поддержку со стороны государства. Казалось бы, что каждый налог обоснован, но, если сложить их все вместе, получается значительная сумма. Это неблагоприятно сказывается на бизнесе, особенно на начальных этапах, когда проект еще не реализован.

В настоящее время современной и эффективной поддержкой малого и среднего предпринимательства является введение ограничения на рост ставок по налогам и страховым взносам в государственные внебюджетные фонды до 2018 г., а также введение налоговых каникул для определенных индивидуальных предпринимателей (которые осуществляют свою деятельность в научных, социальных и производственных сферах). Также заметим, что необходимо снизить налоговую нагрузку на уровне субъектов Российской Федерации.

¹ Малый инновационный бизнес: проблемы и перспективы : аналитическая записка. – СПб. : Северо-Западный ресурсный центр «Помощь бизнесу», 2006.

Сегодня рассматривается вопрос о передаче дополнительного норматива отчислений от налога на прибыль в размере 2% бюджетам субъектов Российской Федерации, что должно компенсировать выпадающие доходы местных бюджетов. Уменьшение налоговых ставок для малого и среднего предпринимательства на сегодняшний день является сложным процессом, так как местные бюджеты находятся в непрестом положении (резкое падение цен на нефть, дефицит бюджета РФ). Снижение налоговых ставок приведет к увеличению налоговых поступлений в будущем.

3. Преодолеть низкую предпринимательскую активность. Это объясняется высокими рисками несостоятельности бизнеса и отсутствием спроса на инновации, что отрицательно сказывается на конкуренции между предприятиями. В результате нее инновационная сфера будет развиваться, так как предприятия будут конкурировать между собой, искать и реализовывать новые идеи.

Особое внимание необходимо уделить малому и среднему предпринимательству в регионах. Большинство мер для поддержки предпринимателей должны быть приняты на федеральном уровне. Необходимо снизить налоговую нагрузку на бизнес, оптимизировать надзор за деятельностью субъектов предпринимательства, вести популяризацию предпринимательской деятельности среди населения, обеспечить доступность финансовых средств для малого и среднего бизнеса.

Государство целенаправленно старается урегулировать вопросы, связанные с малым и средним предпринимательством. Об этом свидетельствуют различные заседания и обсуждения. Например, на заседании Расширенной коллегии Министерства финансов по вопросу об упрощении условий вхождения в малый бизнес были предприняты попытки решить данный вопрос. Решение вопроса предполагает внесение поправок в Гражданский кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ и др.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Собрание законодательства РФ. – 2016. – 1 февраля. – № 5. – Ст. 559.
2. Гришаев С. П. Гражданское право : учеб. для средних специальных учебных заведений. – М. : Инфра-М, 2014.
3. Заседание Государственного совета по вопросам развития малого и среднего бизнеса. 7 апреля 2015 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49214>
4. Зенин И. А. Право интеллектуальной собственности: учебник. – М., 2011.
5. Пиленко А. А. Право изобретателя. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Статут, 2013.
6. Шамхаев Ф. А. О государственной поддержке предпринимательства в России. – М. : Экономика, 2014.
7. Шеленговский П. Г. Гражданско-правовая роль интеллектуальных прав в контексте экономического и политического развития современного государства // Молодой ученый : сборник научных статей. – Казань, 2016. – С. 720–723.

Рецепция общего права на Северо-Американском континенте

Р. М. Аллалыев

аспирант, ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36
E-mail: allalyevu.rm@rea.ru

Reception of the Common Law on the North American Continent

R. M. Allalyev

Post-graduate Student, Assistant of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: allalyevu.rm@rea.ru

Аннотация

Англосаксонская правовая семья объединяет около 50 правовых систем (Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Нигерия и др.). Распространенность англосаксонских правовых традиций объясняется историческим фактором: Великобритания осуществляла массовые колониальные экспансии, которые сопровождались привнесением собственного права, и его соблюдение становилось обязательным. Колонизация американского континента началась в XVI в. Испания и Португалия контролировали южный континент, северная часть была занята голландскими, английскими, французскими и испанскими поселенцами. Каждая группа поселенцев несла свою собственную культуру и правовые институты. В данной статье автор изучает их влияние на формирование правовой системы США. Правовая система США имеет много общего с английской ввиду того, что на территории штатов с момента их образования и объединения действовали английские законы и нормы английского общего права, сформулированные в решениях английских судов. В статье автор описывает процесс заимствования основных политических и правовых институтов, а также дальнейшие процессы отказа следовать устаревшим нормам общего права и создания собственных правовых школ, развития собственной юридической мысли.

Ключевые слова: колонизация, Северная Америка, общее право, рецепция, США, английская правовая традиция.

Abstract

Anglo-Saxon legal family comprises about 50 legal systems (UK, USA, Canada, Australia, New Zealand, India, Nigeria, etc.). The prevalence of the Anglo-Saxon legal traditions is due to the historical factor: the UK has carried out a massive colonial expansion that accompanied the introduction of private law and its observance became obligatory. The colonization of the American continent began in the XVI century. Spain and Portugal controlled the southern continent; the northern part was occupied by Dutch, English, French and Spanish settlers. Each group of settlers brought their own culture and legal institutions. In this article the author examines their influence on formation of legal system of the United States. The legal system of the USA has much in common with English due to the fact that on the territory of States since their establishment and gathering the English laws and norms of English common law were acting. In the article the author describes the process of drawing the main political and legal institutions, as well as further processes of refusal to follow an outdated common law rules and establishing its own schools of law, the development of their own legal thoughts.

Keywords: colonization, North America, common law, jurisprudential reception, USA, English legal tradition.

Не все из областей, которые в конечном счете стали частью Соединенных Штатов Америки, были первоначально заселены англичанами. К примеру, были испанские поселения на территории современной Флориды, голландские поселения в Нью-Йорке; фран-

цузы колонизировали Луизиану. В результате законы некоторых штатов США по-прежнему содержат элементы, которые происходят скорее из римского права, чем из общего. Тем не менее право должно было соответствовать ходу политического и экономического разви-

тия государства и английская правовая традиция, принятая условиями Нового света в конечном счете, достигла почти полного господства.

Первым постоянным английским поселением в Америке был основанный в 1607 г. форт и поселок Джеймстаун в Виргинии.

В XVII–XVIII вв. эти и другие колонисты привезли в Новый Свет общее право (common law), а также значительную часть британского законодательства. После войны за независимость в США, окончившейся в 1783 г., большинство из тринадцати бывших колоний формально «получили» в своих конституциях или положениях законов общее право вместе с законодательной базой. В некоторых штатах рецепция общего права была проведена только в отношении судебных прецедентов. Фактическими датами этих рецепций были 1607 (первое поселение в Джеймстауне) и 1776 гг. (подписание Декларации независимости). Таким образом, английские традиции общего права стали правовой базой новой нации.

Среда, в которую было введено общее право, заметно отличалась от Англии, так как изначально американская сцена действий характеризовалась большим многообразием религий, национальностей, социальных групп. В эти плюралистические общества были включены англикане, баптисты, гугеноты, пресвитериане, пуритане, квакеры и католики. Уже в первые дни колонизации англичане, голландцы, немцы, ирландцы, шотландцы и шведы были представлены в Новом Свете. Такое этническое разнообразие неизбежно сопровождается различными культурными ценностями и некоторыми особенностями образа жизни.

К разнообразию на культурном и социальном уровне прибавляется разнообразие на уровне политических и правовых институтов. Некоторые колонии были королевскими провинциями, другие управлялись патентовладельцами, а третьи были частными колониями, где губернатора назначал не король, а лорд-владелец [8]. Каждая колония была настолько обособлена от остальных, насколько это было необходимо правителю колонии, и оставалась такой больше десяти лет после окончания революции.

Несмотря на эти факторы, общее право утвердилось, в первую очередь, в тех колониях, которые восстали в 1775 г. против британской короны.

В начале XVII в. условия жизни в колониях не вызывали необходимости в хорошо развитой правовой системе и юридической профессии. Вначале обученных юристов было очень мало, местная правовая подготовка была плохой и наличие юридической литературы было весьма скудным. Однако к началу войны за независимость США английское частное право (private law) стало применяться повсеместно, и каждая колония стала иметь достаточное количество грамотных, талантливых и уважаемых профессионалов, способных работать над сложными формально-юридическими сторонами вопросов. Особенно в больших городах колониальные юристы с успехом достигают как социального положения, так и материальной выгоды. Показателем важности профессии и ее вовлеченности в политическую жизнь является то, что из пятидесяти шести подписавших Декларацию независимости 1776 г. двадцать пять были юристами.

Однако английское общее право никогда не применялось в колониях в полном объеме и без изменений. Из всей английской правовой доктрины колонисты заимствовали только те правовые нормы метрополии, которые были пригодны к новым условиям. Например, право первородства не было целесообразным для первых поселенцев, мыслящих в более эгалитарном русле, чем английское общество того времени. Также не прижилось английское правило, по которому владельцы крупного рогатого скота были обязаны строить для него ограждения. Не были заимствованы специальные механизмы в условиях профессиональной юридической жизни: к примеру, английское деление адвокатов на солиситоров и барристеров; обычай, по которому судья мог быть избран только из числа барристеров; монополия профессии на юридическое образование.

Тем не менее общие и существенные признаки правовой системы не изменяются. Так, были сохранены стиль юридической мысли и юридическая техника. В гражданском и уголовном судебном разбирательстве судья является центральной фигурой. Осталось

различие, глубоко укоренившееся в английской истории права, между судами общего права и судами справедливости и различие между нормами, установленными ими. В США суды справедливости сохранялись в отдельных штатах, но по мере развития правовых систем штатов право справедливости утратило самостоятельное значение [2].

В публично-правовых отношениях преемственность была гораздо менее заметной. Американская «модернизация» в фундаментальных вопросах права достаточно рано уходит от британской практики и правовых институтов. Этот уход в значительной мере связан с плохой репутацией, которую получили правовые институты британской системы, упраздненные с ходом революции. Монархия и связанные с ней институты были полностью дискредитированы в глазах революционеров. Показательным является то, что самые известные случаи аннулирования суда присяжных произошли в американских колониях, когда присяжные отказывались признавать подсудимого виновным по английскому праву [12. – Р. 17]. Отличительными чертами американского публичного права стали федерализм, президентская республика и особая роль судов в конституционных вопросах. Это были решения проблем, с которыми столкнулись восставшие колонии при формировании государства из отдельных тринадцати штатов. Так, американский эксперимент с федерализмом требовал наличия правовых институтов, сильно отличавшихся от британских [13. – Р. 33].

Для публичного права, в отличие от частного, Война за независимость была своего рода водоразделом. В последующие десятилетия после 1775 г. новые традиции и институты были разработаны на основе конституционных конвенций, законодательства и правоприменительной практики.

Однако революция не определила масштабного ухода английской практики и правовых традиций от развития американского общего права. Безусловно, связи с Англией были ослаблены. По этой причине американские судьи, юристы и законодатели, базируясь на полученном общем праве, стали в более независимой манере развивать правовые институты и доктрины, в которых нашли отражение экономические, политические и со-

циальные реалии нового американского государственного устройства.

Этот период формирования американского права продолжался до Гражданской войны (1861–1865). Важно отметить, что до этого периода нет однородного развития общего права на территории США. Вместо этого присутствовали две отдельные региональные модели дальнейшего развития на Севере и на Юге.

В это время имеет большое значение вклад судебной практики, отмечается плодотворная деятельность судов по адаптации уже существующих норм и принципов, а также созданию новых норм права. Общее право формируется путем увеличения количества прецедентов, и до сих пор нет лучшего описания этого процесса, чем то, что дал массачусетский судья Лемюэль Шоу: «Общее право состоит из нескольких достаточно ясных и всеобъемлющих принципов, подходящих к условиям любых частных случаев и основанных на здравом смысле, естественной справедливости и просвещенной государственной политике. Эти общие принципы справедливости и правопорядка оказались достаточно точными, конкретными и готовыми к использованию, что доказало их эффективность и удобство на практике, но более ценным в этом процессе остается толкование... такое толкование, которое хорошо обосновано и не вызывает споров, становится прецедентом и создает норму права для решения будущих дел, имеющих схожие обстоятельства» [10. – Р. 263, 267].

Таким образом, в 50-е гг. XIX в. американскими судьями были заложены основы развития новой системы общего права. Если утверждать более точно, то совсем небольшое количество судей в каждом штате, находясь в высших судебных инстанциях своего штата, были важнейшими действующими лицами в создании и развитии американской системы общего права, которая заменила унаследованную английскую систему. В 70-е гг. XIX в. принципы американского общего права, разработанные на Севере, были приняты судами южных штатов.

Необходимость развития права, подходящего к новой экономике и постоянно развивающемуся обществу, обязала американские суды относиться менее строго к ценности

прецедентов, имевших место в период правления британской короны. Американская концепция «стоять на решенном» (*stare decisis*) была более либеральной, чего не могла позволить себе английская практика XIX в. К примеру, в отличие от англичан, американский суд мог отменить свое собственное ранее принятое решение. Однако подобные решения никогда не принимались легко и требовали весомого обоснования.

Период формирования также застал возникновение значительной части американских правовых школ. Действительно, труды таких правоведов, как Джеймс Кент и Джозеф Стори оказали большое влияние на юридическую науку не только в США, но и в Великобритании. В течение этого периода юридическое образование в Америке, в отличие от Англии, стало концентрироваться в университетах. Джозеф Стори (1779–1845) был известен не только своей службой в качестве члена Верховного суда США (1811–1845), но и тем, что был одним из первых профессоров права в Гарвардском университете (1829–1845).

Перед правовыми школами стал вопрос об окончательном решении суда, лежащий в основе системы общего права. Кодексы, регулирующие гражданские правоотношения, имеют силу закона, и формально в них выражается воля народа независимо от того, что в них изначально вкладывали субъекты законодательной инициативы. Категория окончательности решения суда гораздо менее понятна. В течение долгого времени юристы общего права утверждали, что судьи не «создают» право своими решениями, а просто «находят» закон, который был присущ природе данных отношений. Позже считалось, что судьи чувствуют общественный порядок в обществе и решают дела таким образом, чтобы его поддерживать.

К концу XIX в. американские юристы начали задаваться вопросом: действительно ли общее право является неотъемлемой чертой естественного или общественного порядка? Оливер Уэнделл Холмс-мл., бостонский адвокат, профессор права и судья Верховного суда США, внес большой вклад в решение данного вопроса. О. У. Холмс утверждал, что судьи общего права никогда не занимались поиском естественно-правовых основ, а решали дела в соответствии со своим чувством

справедливости, которое может вести к конфликту интересов. Иными словами, судьи решали дела так, чтобы достичь результатов, которые они считают правильными в соответствии со своими собственными социальными, экономическими и политическими взглядами. По его мнению, обилие судебных прецедентов и принцип общего права «стоять на решенном» дисциплинировали «правотворчество» такого рода и держали судей в определенных правовых рамках. Он подчеркивал необходимость постоянного наблюдения законодателя за судами и, если необходимо, исправления правотворчества судов. О. У. Холмс видел необходимость такой меры в целях ограждения общества от того, что судьи начнут уходить слишком далеко от социальных норм и ценностей.

Со времен О. У. Холмса американский юридический реализм стал доминирующей школой правовой мысли в Соединенных Штатах Америки. Американские юристы понимают, что их общее право – по большей части продукт смертных судей, и нормы, порожденные общим правом в судах, не являются священным писанием. Такое отношение к нормам обычного права выражает человеческое желание в последовательности и предсказуемости больше, чем в естественном порядке.

В последние годы американский юридический реализм породил «субшколы» критической правовой теории, критической феминистской теории и критической расовой теории. Эти версии американского правового реализма сосредоточены на критике позиций государственной власти, которая признает, что закон является продуктом смертных людей, а не какой-либо высшей силы. Судьи и законодатели, как правило, происходят из традиционно привилегированных социальных слоев населения или тесно связаны с ними. Тот факт, что их правотворчество направлено на закрепление и усиление позиций этих слоев часто в ущерб другим, является центральной темой критических версий правового реализма.

На рубеже веков, национальные юридические школы, начиная с Гарварда, начали доминировать в американском юридическом образовании. Система ученичества оказалась в состоянии упадка, а так как географическая мобильность населения возросла, школы

права, готовившие только для практики на определенной территории, не могли больше привлекать лучших студентов. Национальная школа права обеспечивала полную теоретическую подготовку, с некоторой дополнительной практической работой, чтобы освоить особенности права определенных юрисдикций, таким образом давая возможность сту-

денту заниматься юридической практикой в любом штате.

Экономические, политические и социальные изменения в конце XIX – начале XX в. привели к тому, что акты законодательных и исполнительных органов власти стали гораздо важнее для американского права, чем прецедент.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. – 1994. – 8 декабря. – № 238–239.
2. *Власихин В. А.* Основные черты правовой системы США // Россия и Америка в XXI веке. – 2007. – № 3. – URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=62> (дата обращения: 14.01.2017).
3. Краткая история США : пер. с англ. – М. : ППП (Проза. Поэзия. Публицистика), 1993.
4. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея : пер. с англ. / под общ. ред. Н. Яковлева. – М. : Издательская группа «Прогресс»-«Литера», 1994.
5. *Bingham T.* The Rule of Law, 2010.
6. *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. – Book 1. – Ch. 6 (1765–1769). – London, 1809.
7. Constitution of the United States. – URL: <http://www.archives.gov/exhibits/charters/constitution.html> (дата обращения: 14.09.2016).
8. *Doyle J. A.* English Colonies in America: Volume IV. The Middle Colonies, 1907.
9. *Epstein R. A.* Beyond the Rule of Law: Civic Virtue and Constitutional Structure // Geo. Wash. L. Rev. – 1987. – Vol. 56. – P. 149–151.
10. *Norway Plains Company v. Boston & Maine Railroad*, 10 Mass. (Gray) 263, 267 (1854)
11. *Schweber H.* The Creation of American Common Law 1850–1880. – New York: Cambridge University Press, 2004.
12. *Staples W.* The Documentary History of the Destruction of the Gaspee. – Knowles, Vose, and Anthony, 1845.
13. *Von Mehren A. T., Murray P. L.* Law in the United States. – Cambridge University Press, 2007.

Обязательное предложение по направлению оферты при покупке акций общества как механизм защиты прав миноритарных акционеров

А. М. Моисеев

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: moiseev.andrey.1982@mail.ru

О. В. Калинина

студентка 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: kalininaolgavict@ya.ru

Mandatory Offer in the Direction of Offer with the Shares of the Company as a Mechanism for the Protection of Minority Shareholders

A. M. Moiseev

PhD of Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: moiseev.andrey.1982@mail.ru

O. V. Kalinina

Fourth-year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: kalininaolgavict@ya.ru

Аннотация

В статье раскрыты особенности обязательного предложения как необходимого элемента участия мажоритарных акционеров при выкупе акций у миноритарных акционеров в современных условиях. Рассмотрены сущность и функции обязательного предложения. Приведена практическая характеристика возможности принуждения новых акционеров к направлению обязательного предложения и их ответственность при неисполнении своей обязанности. Даны комментарии к законопроекту № 1117569-6 (внесенный в Госдуму 05.07.2016 г.), освобождающему государственные компании делать обязательную оферту при покупке более 30% акций публичного общества. Рассмотрен институт обязательного предложения при совершении сделок слияния и поглощения в иностранных правовых порядках (раскрыты европейский и американский подходы к защите акционеров). На основе приведенного иностранного опыта сделаны выводы и даны комментарии касательно перспектив развития данного института в России.

Ключевые слова: обязательное предложение, акционерное общество, корпоративный контроль, миноритарные акционеры, мажоритарные акционеры, поглощение, противодействие поглощению, принудительные меры, ответственность, механизм защиты, выкуп акций, иностранный опыт, европейский подход, американский подход, перспективы развития.

Abstract

The article explores the features of the mandatory offer as a necessary element of participation by the majority shareholders upon redemption of shares from minority shareholders under modern conditions. The essence and functions of the mandatory offer. Given the practical feature of the possibility of coercion of new shareholders to the direction of mandatory sentences and their liability for failure to perform his duties. Analyzed commentary bill N 1117569-66 (submitted to the Duma 05.07.2016), which exempts public companies to make a mandatory offer when buying more than 30% of shares of public companies. Considered the institution of mandatory sentences in transactions of mergers and acquisitions in foreign legal systems (disclosed in the European and American approaches to the

protection of shareholders). On the basis of the foreign experience and the comments, made conclusions about the prospects for the development of mandatory institute in Russia.

Keywords: mandatory bid, company limited by shares, corporate control, minority shareholders, majority shareholders, takeover, antitakeover measures, coercive measures, responsibility, protection mechanism, redemption of shares, foreign experience, European approach, American approach, prospects of development.

Вопрос законодательного урегулирования принудительного выкупа акций мажоритарным акционером у миноритариев возник на волне приватизации 90-х гг. В ту пору российский рынок пережил создание огромного количества акционерных обществ. Все работники предприятий, выкупавшие акции общества, становились их акционерами. Многие из них обещанных дивидендов так и не увидели. Доли миноритарных акционеров никто не брал в расчет, поскольку у мажоритария и так был сосредоточен полный контроль в руках, а, соответственно, участие (голос) миноритарного акционера на общем собрании акционеров было чисто символическим. Никто из них не мог обратиться в суд, ведь законодательно данный вопрос урегулирован не был. Проблема корпоративных захватов в то время сводилась к наличию в законодательстве огромных пробелов, обусловленных переходом к рыночному регулированию в 90-е гг. На сегодняшний день проблема оперативного пресечения незаконных действий мажоритарных акционеров все так же актуальна. Примером может служить нежелание судов оперативно принимать обеспечительные меры в отношении имущества либо долей и акций общества; затяжной процесс возбуждения уголовного дела, а также неохотное желание правоохранительных органов вмешиваться в гражданско-правовые споры.

Стоит отметить, что в 2006 г. в Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» были внесены существенные изменения: была введена глава XI.1, определяющая порядок приобретения более 30% акций открытого общества, и приняты некоторые другие законодательные акты РФ, устанавливающие и регламентирующие процедуру принудительного выкупа акций.

Но существенно ли изменилась ситуация? Так ли императивны нормы законодателя в части приобретения акций у миноритариев при шаговом пороге 30, 50, 75%? На наш

взгляд, данная проблема становится еще более интересной в свете законопроекта № 1117569-6.

В соответствии с законом об акционерных обществах, «лицо, которое приобрело более 30% общего количества (обыкновенных акций и привилегированных акций открытого общества, предоставляющих право голоса в соответствии с пунктом 5 статьи 32 настоящего Федерального закона)... с учетом акций, принадлежащих этому лицу и его аффилированным лицам, в течение 35 дней с момента внесения соответствующей приходной записи по лицевому счету (счету депо) или с момента, когда это лицо узнало или должно было узнать о том, что оно самостоятельно или совместно с его аффилированными лицами владеет указанным количеством акций, обязано направить акционерам – владельцам остальных акций соответствующих категорий (типов) и владельцам эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в такие акции, публичную оферту о приобретении у них таких ценных бумаг (далее – обязательное предложение)» (п. 1 ст. 84.2 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

Впервые об обязательном предложении как о специальном корпоративном способе защиты прав акционеров написал Д. В. Ломакин. По мнению автора, «установление механизма обязательного предложения представляется вполне оправданным. Ранее действовавшая статья 80 Закона об акционерных обществах допускала возможность освобождения лица, сконцентрировавшего в своих руках значительное количество акций, от обязанности предложить остальным акционерам продать принадлежащие им обыкновенные акции и эмиссионные ценные бумаги, конвертируемые в обыкновенные акции (абз. 2 п. 2 ст. 80 Закона об акционерных обществах в ред. Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 120-ФЗ). В настоящее время от обязанности предложить акции к продаже не могут освободить ни положения устава, ни

решение общего собрания акционеров» [10. – С. 137].

При этом ряд авторов делают обратный вывод, утверждая, что институт обязательного предложения урегулирован недостаточно конкретно и данные нормы являются более декларативными и редко эффективными на практике. «Так, А. Е. Попов ставит под сомнение обоснованность выбранной российским законодателем величины в 30%. По его мнению, 30% плохо вписываются в созданную российским законодателем систему прав, так как не предоставляют сколь-либо значимых полномочий владельцу» [7. – С. 115].

Помимо основной функции защиты прав миноритарных акционеров в иностранной литературе отмечается направленность применения обязательного предложения и в интересах мажоритарных акционеров. «Так, например, правила о публичной оферте способствуют переговорам мажоритарных акционеров с лицом, намеренным приобрести корпоративный контроль. Обеспечивая выгодную продажу контрольного пакета акций, мажоритарные акционеры предпочитают отчуждение корпоративного контроля не через использование механизма колебания рыночных цен, а через непосредственные переговоры с потенциальными покупателями. Минимизируя лишние расходы, мажоритарные акционеры смогут увеличить выгодность транзакции, возможно, даже в ущерб миноритариям» [11. – С. 50–57].

В иностранной литературе по корпоративным финансам выгоды и преимущества мажоритарного акционера, которыми он обладает по сравнению с другими, получили название *private benefits of control* («частные выгоды контроля»).

«Такое название объясняется тем, что только контролирующий акционер имеет возможность извлекать такие выгоды, и при этом они не разделяются с другими (неконтролирующими) акционерами и самой компанией. Более того, извлечение выгод мажоритарным акционером может негативно отразиться на интересах остальных акционеров. Такое отрицательное влияние проявляется как прямо (снижение прибыли компании и, как следствие, уменьшение дивидендов), так и косвенно» [7. – С. 184].

Прежде чем перейти к рассмотрению института обязательного предложения, хотелось бы осветить некоторые предусмотренные законом способы судебной защиты акционеров в обществе. Так, иски, направленные на защиту самого общества (косвенные иски), могут быть поданы самим обществом либо уполномоченным представителем общества. Прямые иски подаются непосредственно акционерами, директорами и иными участниками правоотношений и направлены на восстановление нарушенного права лиц, заинтересованных в подаче иска.

Косвенные иски, где конечным бенефициаром является само общество, могут быть оспорены по следующим основаниям: общие корпоративные основания (крупные сделки, сделки с заинтересованностью); сделки, нарушающие ограничение полномочий директоров и совершаемые в ущерб обществу (ст. 174 ГК РФ) и сделки, совершенные со злоупотреблением прав и во вред третьим лицам (ст. 10, 168 ГК РФ).

К прямым искам, как уже было сказано, относятся основания, по которым лицо обращается за восстановлением своего нарушенного права. К ним относятся иски об исключении участника в случае причинения существенного вреда обществу; возмещение убытков, причиненных дочернему обществу; ненадлежащее определение цены доли при вытеснении миноритарного акционера; ответственность заинтересованного лица, а также иски о несоответствии требованиям закона обязательного либо добровольного предложения участника общества.

Исходя из анализа российской судебной практики в спорах по корпоративным конфликтам, суды часто отказывают в исключении мажоритарного участника общества по иску миноритарных акционеров, мотивируя это тем, что указанные стороной обстоятельства не являются основанием для исключения участника. Данная позиция является логичной, так как исключение участника, обладающего долей более 50% приведет к прекращению деятельности общества, а равно с ним к ухудшению положения. Исключение участника, обладающего долей в размере более 50%, возможно, только в том случае, если участники общества в соответствии с его уставом не имеют права свободного выхода

из общества. Так, в постановлении ФАС Западно-Сибирского округа по делу от 26 марта 2013 г. № А03-16129/2011, суд указал на невозможность исключения участника из общества, обладающего долей равной 90%. Удовлетворение иска направлено на сохранение общества и восстановление его деятельности. Получается, что суды даже при установлении вины в действиях мажоритарного акционера все равно отказывают в иске миноритарных акционеров, считая, что прекращение деятельности самого общества будет являться более неблагоприятным последствием для общества. Таким образом, можно сделать вывод, что в случае предъявления иска об исключении участника истец должен доказать не только наличие оснований для исключения участника из общества, но и отсутствие угрозы того, что в случае исключения участника из общества его деятельность прекратится.

Следует отметить, что мажоритарный акционер также не может быть исключен из общества вследствие причинения вреда, если не будет установлено, что он действовал недобросовестно или неразумно. Сами по себе негативные последствия, которые несет общество, не могут являться доказательством того, что акционером была нарушена обязанность действовать в интересах общества. Примером является голосование акционера по вопросу повестки дня общего собрания акционеров, экономическая целесообразность решения которого не была известна либо не могла быть предвидена акционером в момент голосования, но в последующем данное решение привело к убыткам в обществе. Таким образом, «совершение участником Общества действий, противоречащих интересам Общества, при выполнении функций исполнительного органа – директора не будет являться основанием для исключения участника из Общества, поскольку в таком случае лицо несет ответственность, предусмотренную статьей 44 Закона об обществах с ограниченной ответственностью» (Постановление ФАС Поволжского округа от 20 июня 2013 г. по делу № А65-18782/2012).

Таким образом, мажоритарный акционер при возникновении вышеуказанных обстоятельств в большинстве случаев обладает неким «судебным иммунитетом» и имеет более привилегированное положение по срав-

нению с миноритарными участниками общества.

Применительно к институту обязательного предложения необходимо заметить, что в случае ненаправления публичной оферты сразу возникает вопрос: могут ли миноритарные акционеры в таком случае в судебном порядке *принудить* акционера к выплате им дивидендов и какова будет *ответственность* последнего за неисполнение своих обязательств?

Правоприменительная практика и ход законодательной мысли позволяют прийти к выводу, что если шансы и есть, то они слишком незначительны. Так, само по себе ненаправление новым акционером обязательного предложения о выкупе акций не нарушает каких-либо корпоративных прав иных акционеров, в связи с чем требование обществу направить обязательное предложение, равно как и требование о выкупе акций по соответствующей цене, не являются способом восстановления какого-либо нарушенного права акционера. Данная позиция подтверждается многочисленной судебной практикой [2; 3; 6].

Таким образом, принудить нового акционера через суд нет возможности. В таком случае, что же законодатель предусматривает в качестве ответственности за неисполнение обязанности?

Суды в данной ситуации отмечают, что при ненаправлении новым акционером обязательного предложения права миноритарных акционеров не могут быть нарушены, так как новый акционер имеет право голоса на собрании кредиторов только по акциям, составляющим 30% таких акций. Из этого следует, что акции, превышающие 30%-ный порог, не являются голосующими и не могут учитываться при определении кворума. Кворум надлежит определять без учета указанных акций [4; 5]. Также законодателем предусмотрена административная ответственность в виде штрафа, но на практике суды обычно ссылаются на то, что ущерб остальных акционеров недоказуем, а акции, превышающие 30%-ный порог и так не учитываются при определении кворума.

Следовательно, когда речь идет об ответственности мажоритарного акционера, можно прийти к следующему выводу. Как бы законодательно данный вопрос не был урегулиро-

ван, на практике, как и в большинстве случаев, все получается иначе. Вопрос принуждения новых акционеров к покупке акций, привлечения их к ответственности остается открытым.

Интересным представляется законопроект № 1117569-6 (внесенный в Госдуму в июле этого года), получивший широкое обсуждение в свете приватизации «Башнефти». «Согласно законопроекту, государственные компании могут освободить от обязанности делать оферту миноритариям при покупке более 30% акций публичного общества. Необходимость поправок разработчик объясняет опасениями спекуляции и повышения цены акций. Это может возникнуть из-за того, что акты главы государства и правительства, для исполнения которых будут приобретаться акции, подлежат публикации, что позволит заранее получить информацию о необходимости направить обязательную оферту и о цене акций» [13].

Опасение вызывает привилегированное положение государства по сравнению с другими участниками оборота, которые приобрели более 30% акций.

Согласно заключению правового управления (размещенному на официальном сайте Госдумы), «рассматриваемые изменения нуждаются в дополнительном обосновании с точки зрения соблюдения принципа равенства участников гражданско-правовых отношений» [14].

Законодательное закрепление освобождения государственных компаний от покупки акций миноритарных акционеров, по сути, ничего не меняет. Сложившаяся практика решения споров прямо демонстрирует перевес решений суда в пользу новых акционеров (мажоритариев). Таким образом, законодатель путем внесения поправок, с одной стороны, ставит точку в вопросе обращения миноритариев за защитой в судебном порядке (для госкомпаний) и, с другой стороны, в очередной раз показывает нежелание вводить в гражданский оборот механизм защиты миноритарных акционеров.

Если смотреть на законодательный аспект регулирования обязательного предложения в иностранных юрисдикциях, то в сравнительном плане можно выделить два подхода к

защите прав миноритарных акционеров: европейский и американский.

«Первый подход – это вариант использования обязательного предложения. Для европейского подхода, кроме того, характерно распространение института обязательного предложения как на случай аккумуляции корпоративного контроля, собирания контрольного пакета акций впервые, так и на случай передачи ранее сформированных пакетов, если конкретный пакет акций превышает определенное пороговое значение, в связи с превышением которого должно быть направлено такое обязательное предложение.

Американский подход предполагает специальное законодательное решение для ситуаций, когда корпоративный контроль аккумулируется впервые, в то время как передача контроля от одного лица к другому каким-либо особым образом законодательно не регламентируется. Институт обязательного предложения о приобретении акций не предусмотрен.

Законом Уильямса в США в 1968 г. введена система мер защиты прав и интересов инвесторов:

– уставы компаний блокируют сделки между приобретателем и поглощаемой компанией до окончания срока одобрения сделки незаинтересованными акционерами (*business combination statutes*);

– недопущение осуществления голосующих прав потенциальным мажоритарным акционером в отношении акций без одобрения акционеров поглощаемой компании (*control share statutes*);

– наличие кворума при принятии большинства корпоративных решений до тех пор, пока справедливая цена не будет предложена акционерам (*fair-price provisions*);

– при приобретении контроля направление предложения всем акционерам по справедливой цене (*cash-out provisions*)» [11. – С. 270–285].

Институт обязательного предложения впервые был закреплен в английском Кодексе Сити (*City Code*). «Согласно Кодексу, при приобретении лицом (в том числе лицами, действующими совместно с ним) акций в количестве, равном или превышающем 30% голосу-

ющих акций компании, указанное лицо обязано сделать публичную оферту о приобретении всех оставшихся акций вне зависимости от того, являются ли они голосующими или нет, по цене не ниже наивысшей цены, уплаченной им за те же акции за последние 12 месяцев, предшествующих публичному объявлению» [15].

В 2004 г. в целях унификации норм была принята директива ЕС «О поглощениях» (European Directive on Takeover Bids), основанная на Кодексе Сити о поглощениях.

«Статья 5 (1) Директивы определяет защиту миноритарных акционеров как цель использования правила об обязательном предложении. Директива содержит следующие положения об обязательном предложении: если физическое или юридическое лицо (или совместно с другими лицами) приобретает контроль над компанией при обладании необходимым процентным содержанием голосующих прав, *члены-государства обязаны обеспечить получение акционерами от покупателя публичной оферты о приобретении акций*. Данная оферта должна быть адресована всем владельцам акций по справедливой цене» [8. – С. 27].

Стоит отметить, что вышеупомянутые положения Кодекса и Директивы Европейского союза об обязательном предложении о приобретении акций были взяты за основу и в других правовых системах.

Так, в 2006 г. в Германии вступил в силу закон, направленный на имплементацию Директивы ЕС «О поглощениях». «Имплементирующий закон установил новую для немецкого права процедуру обязательного предложения. Лицо, намеренное приобрести корпоративный контроль прямо или косвенно, получающее свыше 30% голосующих прав, обязано предложить выкупить оставшиеся акции. Однако в немецком праве существует свое новшество – неопровержимая презумпция: цена, предложенная за акции, является справедливой, если оференту удалось по этой цене в рамках предложения о поглощении или обязательного предложения приобрести более 90% голосующих акций компании» [8. – С. 57].

«В праве Швейцарии также имеется обязанность сделать предложение о поглощении лицом – прямо, косвенно или действуя сообща по соглашению с третьими лицами, — которое приобрело с учетом имеющихся у этого лица акций более 33% (1/3) голосующих акций компании-цели. В уставе компании данный порог может быть поднят вплоть до 49% голосующих акций. Обязательное предложение должно быть сделано не позднее двух месяцев после того, как был превышен соответствующий порог» [9. – С. 115].

Российский законодатель придерживается первой модели отношений (европейский подход к защите прав и интересов миноритарных акционеров), применяя институт обязательного предложения. Однако данный институт в европейских правовых системах работает совершенно иначе. Целью регулирования приобретения корпоративного контроля является защита интересов миноритарных акционеров и возвратность их вложений. Таким образом в европейском подходе государственный аппарат направлен на обеспечение получения акционерами от покупателя публичной оферты о приобретении акций.

Иначе на это смотрит российский законодатель, не считая нужным конкретизировать ответственность для каждой из сторон. В связи с этим суды становятся перегружены наплывом миноритарных акционеров, которые не могут получить судебной защиты и не понимают, как им вернуть денежный эквивалент своих вкладов.

В связи с этим представляется разумным обратиться к иностранному опыту и урегулировать вопрос порядка выплаты дивидендов миноритарным акционерам, а также урегулировать вопрос ответственности новых акционеров в случае нарушения последними своих обязанностей. Необходимо внести поправки в статью 84.2 Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 210-ФЗ, предусматривающие судебную защиту прав миноритарных акционеров, в случае если мажоритарным акционером не будет направлена публичная оферта о приобретении акций. Данные действия будут способствовать внесению ясности в правоприменительную практику для обеих сторон.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Российская газета. – 1995. – 29 декабря. – № 248.
2. Определение Верховного суда РФ 305-ЭС14-4318 по делу № А40-97919/2013 от 23 декабря 2014 г.
3. Определение Верховного суда РФ 305-ЭС15-10690 по делу № А40-132281/2014 от 17 сентября 2015 г.
4. Постановление Арбитражного суда Центрального округа Ф10-3180/2015 по делу № А14-12224/2014 от 14 сентября 2015 г.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа Ф09-771/14 по делу № А07-11919/2013 от 3 апреля 2014 г.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа Ф05-14889/2014 по делу № А40-48880/14-56-307 от 22 декабря 2014 г.
7. *Вершинина Е. В., Новиков М. А.* Регулирование процедуры обязательного и добровольного предложения о приобретении акций по праву Швейцарии // *Гражданское право.* – 2013. – № 6. – С. 37–43.
8. *Гетьман-Павлова И. В., Левинская И. Н.* Защита прав миноритарных акционеров при слияниях и поглощениях в российском и зарубежном законодательстве // *Безопасность бизнеса.* – 2010. – № 3. – С. 19–29.
9. *Ломакин Д. В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – М.: Статут, 2008.
10. *Попов А. Е.* Обязательное предложение: защита прав и интересов акционеров при поглощении. – М.: Инфотропик Медиа, 2012.
11. *Федоренко В. А.* Обязательное предложение: иностранный опыт // *Вестник гражданского права.* – 2016. – № 3. – С. 270–286.
12. *Wymeersch E.* Shareholders in Action: Towards a New Company Paradigm // *European Company Law.* – 2007. – Vol. 4. – Issue 2. – P. 50–57.
13. Госкомпании могут освободить от направления обязательной оферты при покупке 30% акций. – URL: https://zakon.ru/discussion/2016/10/17/goskompanii_mogut_osvobodit_ot_napravleniya_obyazatelnoj_oferty_pri_pokupke_30_akcij_popravki_zakon_ (дата обращения: 14.11.2016).
14. Законопроект № 1117569-6 «О внесении изменения в статью 84.2 Федерального закона "Об акционерных обществах"». – URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=1117569-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=1117569-6) (дата обращения: 14.11.2016).
15. Rules 9.1(a) and 9.5, City Code on Takeovers and Mergers, at F1, F16. – URL: <http://www.thetakeoverpanel.org.uk/wp-content/uploads/2008/11/code.pdf> (дата обращения: 14.11.2016).

**Проблема защиты прав миноритарных акционеров по российскому
и англо-американскому праву**

А. С. Акопджанян

студентка 4-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: astepanovna1994@mail.ru

The Problem of Protecting the Rights of Minority Shareholders under Russian and English Law

A. S. Akopjanyan

Fourth-year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: astepanovna1994@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются способы защиты законных прав и интересов миноритарных акционеров акционерных обществ в Российской Федерации. В современных акционерных обществах существует проблема дисбаланса прав и интересов акционеров, а именно в отношении миноритарных акционеров, права и интересы которых очень часто ограничиваются и нарушаются. Во многих странах, в том числе в Российской Федерации, законодательство направлено на защиту прав и интересов данной категории лиц. Особое внимание уделяется вопросам защиты прав и интересов миноритариев. В статье выносятся на обсуждение тезис о том, что следует учитывать баланс интересов между миноритарными акционерами и мажоритарными акционерами. Обосновывается это тем, что несоблюдение данного баланса может привести к различным отрицательным последствиям для акционерного общества. Также отмечается, что защита прав миноритариев направлена как на создание благоприятных условий развития самих акционерных обществ, так и на совершенствование экономических отношений между учредителями и акционерными обществами. Данная статья посвящена сравнительному анализу положений закона, имеющих отношение к защите прав миноритариев, в России и некоторых странах общего права (Великобритания). Рассматриваются специфические права, предоставляемые законом держателям определенных пакетов акций компании. Рассмотрены возможности дальнейшего совершенствования законодательства в области обеспечения прав миноритарных акционеров.

Ключевые слова: акционерное общество, акционер, гражданское право, корпоративное право, уставные документы, защита прав, миноритарные акционеры, ценные бумаги, общее собрание акционеров.

Abstract

This article examines the issues of methods of protection of the legitimate rights and interests of minority shareholders of joint-stock companies in the Russian Federation. In the modern joint-stock companies there is the problem of the imbalance of the rights and interests of shareholders, namely minority shareholders, rights and interests which are very often are limited and violated. The legislation in many countries, including the Russian Federation, is directed on protection of the rights and interests of this category of persons. Particular attention is paid to protection of rights and interests of minority shareholders. The article is submitted for discussion the thesis that the balance of interests between minority shareholders and majority shareholders has to be considered. This thesis was determined by the fact that the non-observance of this balance can lead to various negative consequences for the company, and it was noted that the protection of minority shareholder rights is aimed at creating favorable conditions for the development of the company and the improvement of economic relations between the founders and joint-stock companies. This article is devoted to the comparative analysis of the provisions of the law relating to the protection of the rights of minority shareholders in Russia and some common law countries (UK). Also it discusses the specific rights granted by law to holders of certain shares of the company and considered some possibilities of further improvement of legislation in the sphere of ensuring rights of minority shareholders.

Keywords: joint-stock company, shareholder, civil law, corporate law, statutory documents, protection of rights, minority shareholders, securities, general meeting of shareholders.

Развитие и становление акционерных отношений стало возможно с переходом к рыночной экономике, и отличает таких участников имущественного оборота их неравное положение.

Полномочия компании реализуются на общем собрании совета директоров и акционеров, следовательно, именно они принимают решения по принципу большинства, а меньшинству остается только принять последствия решения акционеров, принятых большинством голосов. В такой ситуации существует риск нарушения контролирующими акционерами прав миноритарных акционеров.

Уже несколько лет обсуждается вопрос развития корпоративного управления в акционерных обществах в позитивном русле для миноритарных акционеров, но до сих пор доктрина не выработала единого подхода защиты прав миноритариев.

Попросту говоря, если правовая система конкретной страны не обеспечивает соответствующий уровень защиты прав меньшинства по сравнению с другими акционерами в той или иной стране, то инвестиционная привлекательность страны резко спадет.

Ключевыми факторами, влияющими на необходимость защиты прав миноритариев, выступают:

1. Отделение собственности от контроля.
2. Защита акционеров как инвесторов.
3. Защита права собственности.

4. Конституция, которая в случае с принудительным выкупом не является абсолютной.

25 июня 2016 г. Правительство РФ во главе с Д. А. Медведевым выработало дорожную карту для улучшения состояния прав миноритарных акционеров в Российской Федерации, призвав законодателей усовершенствовать Федеральный закон «Об акционерных обществах» путем открытия доступа к информации для миноритариев публичных акционерных обществ для повышения инвестиционного климата страны [2].

Актуальность проблемы защиты прав миноритарных акционеров состоит в том, что высшие суды Европейского союза и России неоднократно обращались к отдельным аспектам защиты прав миноритарных акционеров, что также отмечается российскими учеными и практиками.

Например, доктор юридических наук Д. В. Ломакин отмечает, что задачей любой корпорации является минимизация конфликтов корпоративных интересов. Существует две модели корпоративного управления:

1. Англо-американская модель. Она характеризуется дисперсной «распыленной» структурой акционерного капитала. Здесь отдельному акционеру сложно прийти к единому мнению. Конфликт возникает только между акционером и управляющими (менеджментом) акционерного общества.

2. Континентальная модель. Здесь имеет место концентрированная структура капитала. Она состоит в том, что в акционерном обществе ярко выражается мажоритарный акционер. Корпоративный конфликт возникает между миноритарным и мажоритарным акционером.

В этой связи разрешение конфликта между мажоритарием и миноритарием является острой проблемой всяческого разрешения корпоративного управления.

Не зря начиная с 2011 г. взят курс на деофшоризацию: в этой связи бизнес будет интенсивно развиваться, и, скорее всего, возникнет острая проблема защиты прав миноритариев, которые вложили немалые денежные средства в развитие бизнеса с целью получения прибыли.

Доктор юридических наук, профессор И. С. Шиткина при обсуждении проблемы прав миноритариев высказала мнение: «Защита прав миноритарных акционеров стоит так же остро, как и защита остальных участников общества в ходе корпоративных отношений» [5. – С. 498].

Чтобы сформулировать общее определение понятия «миноритарный акционер», стоит отметить, что ни в прецедентах, ни в законе об акционерных обществах, ни в нормативно-правовых актах ЕС, ни в доктрине не упоминается миноритарный акционер – определение отсутствует.

В связи с этим имеются разные подходы к определению данного понятия:

1. Управление инвестиционным риском (наименьшим (миноритарий) и наибольшим (мажоритарий)).

2. Определяется противоположность (меньшинство / большинство).

3. Пороговое значение (минимальное / пороговое).

4. Участие (безусловное участие – от 1% пакета акций до 25%, условное – пакет акций от 25% голосующих акций + 1% до 50% голосующих акций).

Широкий подход к определению понятия «миноритарный акционер» обусловливается критерием владения пакетом акций 50% минус 1 акция.

Обращаясь к зарубежным источникам, можно найти схожесть в определениях миноритарных акционеров. Так, британский ученый Пол Дэвис рассматривает миноритарных акционеров как акционеров, неспособных к принятию самостоятельных решений из-за отсутствия у них достаточного количества акций [7. – Р. 216]. В американских источниках миноритарный акционер понимается как владелец настолько незначительного количества акций общества, что он лишен возможности контролировать управление обществом или избирать директоров [6. – Р. 997].

Однако ни тот, ни другой случай не дает четкого определения понятия «миноритарий»; разграничение понятий «мажоритарий» и «миноритарий» зависит от конкретного случая. Например, в ПАО «Газпром» миноритарием нельзя назвать акционера, владеющего пакетом акций 50% минус 1 акция.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что миноритарный акционер – это акционер, обладающий незначительным количеством акций.

Важнейшим принципом гражданско-правовых отношений является равенство всех участников в обороте, но в преломлении корпоративных отношений принцип равенства претерпевает трансформацию.

К примеру, каждая обыкновенная акция акционерного общества (но в некоторых случаях и привилегированная предоставляет одинаковый объем прав, но различие в количестве акций порождает неравенство акционеров в осуществлении ими как имущественных, так и неимущественных прав¹.

Пороговыми значениями владения акциями являются:

– 1% акций – предоставляет право обратиться в суд с иском как к члену совета директоров, так и к единоличному исполнительному органу управления. Иск о возмещении убытков, причиненных обществу по их вине.

Право требовать для ознакомления список лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров;

– 2% акций – предоставляют право на внесение вопросов в повестку дня годового общего собрания акционеров и на выдвижение кандидатов в органы управления и контроля (п.1 ст. 53 Федерального закона «Об акционерных обществах»);

– 10% акций – предоставляют право требовать созыв внеочередного общего собрания акционеров²; право требовать осуществления ревизии финансово-хозяйственной деятельности³;

– 25% акций – предоставляют право доступа к документам бухгалтерского учета и к протоколам заседаний коллегиального исполнительного органа⁴.

Принципы корпоративного управления организации экономического сотрудничества позволяют определить различия между правами акционеров:

Право ex ante (материальное право)	Право ex post (процессуальное право)
Квалифицированное большинство при принятии решений. Преимущественные права при выпуске акций	Позволяет обращаться к судебной защите после того, как права уже нарушены

В Российской Федерации защита прав понимается как судебная защита (ex post).

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что защита прав миноритарных акционеров – это совокупность охранительных и регулятивных отношений, которым свойственны следующие особенности:

1. Регулятивные отношения предусматривают права миноритариев путем создания

¹ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Российская газета. – 1995. – 29 декабря. – № 248. – П. 1. – Ст. 49.

² Там же. – П. 1. – Ст. 55.

³ Там же. – П. 3. – Ст. 85.

⁴ Там же. – Ст.91.

механизма «сдержек и противовесов», а также создают ряд базовых положений, защищающих права участников публичной компании.

2. Охранительные отношения включают в себя способы, формы, средства.

Наиболее подходящими способами, закрепленными в Гражданском кодексе РФ, являются [1. – Ст. 12]:

– восстановление корпоративного контроля наряду со способами, являющимися типично корпоративными (выкуп и отчуждение акций)¹;

– оспаривание решений собраний.

Иск является процессуальным средством защиты прав.

В 2009 г. произошло закрепление исков, типичных для защиты миноритариев:

– косвенный иск – иск о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, участником которого является миноритарий;

– групповой иск – требование многочисленной группы миноритариев к нарушившему их права крупному акционеру.

Форма может быть как юрисдикционной, так и неюрисдикционной.

Юрисдикционная предусматривает судебную защиту гражданских прав (ст. 11 ГК РФ).

Неюрисдикционная предусматривает:

1. Внутрикorporативный порядок урегулирования возможных конфликтов.

2. Соблюдение кодекса корпоративного управления.

3. Деятельность независимых директоров и т. д.

Далее, Федеральный закон «Об акционерных обществах» для решения ряда вопросов устанавливает правило о том, что для изменения устава общества², реорганизации / ликвидации общества, определения количества и стоимости объявленных акций (которые общество вправе размещать дополнительно к уже размещенным)³, приобретения обществом собственных размещенных акций, решения об одобрении крупной сделки (стоимость которого составляет 25 и более процентов балансовой стоимости активов общества), уменьшения уставного капитала обще-

ства путем уменьшения номинальной стоимости акций (решение принимается лишь по предложению совета директоров)⁴, избрания первоначальных органов управления⁵ требуется согласие $\frac{3}{4}$ голосов от участвующих в собрании.

Также имеются случаи, когда Федеральный закон «Об акционерных обществах» разрешает установить и более высокую квоту уставом общества. Например, вопросы, относящиеся к изменению устава, ограничивающие права владельцев привилегированных акций (при этом здесь требуется отдельно набрать $\frac{3}{4}$ голосов от участвующих в собрании обыкновенных акций и отдельно $\frac{3}{4}$ голосов владельцев привилегированных акций)⁶, размещению акций путем закрытой / открытой подписки обыкновенных акций, составляющих более 25% ранее размещенных обыкновенных акций⁷.

Преобразование АО в некоммерческое партнерство возможно только при единогласном решении всех акционеров⁸.

Более того, общество может своим уставом определить перечень вопросов, решение по которым принимается органами управления общества квалифицированным большинством или единогласно⁹.

Еще один из ключевых методов обеспечения прав меньшинства – кумулятивное голосование при выборе членов совета директоров общества¹⁰. При кумулятивном голосовании число голосов, принадлежащих одному голосующему, умножается на число мест в избираемом органе управления. Получается, что акционер, который владеет 10% акций, одновременно имеет возможность выбрать 10% членов совета директоров. Проблема состоит в том, что если число акций меньше 10%, то с представительством миноритария могут возникнуть проблемы.

В Федеральный закон «Об акционерных обществах» предлагается ввести главу XI.1, которая регламентирует приобретение более 30% акций общества. Глава, в частности,

⁴ Там же. – Ст. 29

⁵ Там же. – П. 4. – Ст. 9.

⁶ Там же. – П. 4. – Ст. 32.

⁷ Там же. – П. 4. – Ст. 39.

⁸ Там же. – П. 1. – Ст. 20.

⁹ Там же. – П. 3. – Ст. 11.

¹⁰ Там же. – П. 4. – Ст. 66.

¹ Федеральный закон № 208-ФЗ. – Ст. 75, 84.7–84.8.

² Там же. – Пп. 1–3, 5, 17. – П. 1. – Ст. 48.

³ Федеральный закон № 208-ФЗ. – П. 3. – Ст. 79.

вводит понятия «добровольное предложение» и «обязательное предложение» о покупке голосующих акций акционерного общества (здесь имеются в виду публичная оферта об их приобретении)¹.

Так, лицо, приобретшее более 30 / 50 / 75% акций публичного акционерного общества, обязано направить остальным акционерам «обязательное предложение», т. е. публичную оферту о приобретении и остальных акций по цене не ниже расчетной (определяемой по результатам предшествующих публичных торгов или при отсутствии таковых независимым оценщиком)².

Далее, если кто-то приобрел в результате такого добровольного или обязательного предложения более 95% голосующих акций общества, он обязан выкупить и остальные акции, если этого потребуют их владельцы³.

Цена таких сделок оценивается независимым оценщиком, и, в случае если миноритарий не согласен с оценкой стоимости выкупаемых у него акций, он имеет право подать иск о возмещении убытков (нужно отметить, что сам факт этого иска не делает выкуп недействительным).

Относительно прав на доступ информации общество обязано обеспечить доступ акционеров к таким документам, как устав, годовые отчеты, протоколы общих собраний и т. д., а также акционерам, владеющим не менее 25% голосующих акций, обеспечить получение дополнительного права на доступ к документам бухгалтерского учета и протоколам заседаний коллегиального исполнительного органа (правления)⁴.

Суммируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что закон об акционерных обществах предусматривает такие виды защиты прав миноритарных акционеров, как:

1. Требование большинства голосов при решении определенных вопросов на общем собрании акционеров;
2. Кумулятивное голосование при выборе членов совета директоров;
3. Право получения определенной информации.

4. Для владельцев 1% пакета акций предоставляется право на производные иски к руководству компании.

5. Миноритарии имеют право продать свою долю акционеру, чья доля в обществе превысила квоту 30 / 50 / 75, а также 95% по результатам добровольного или обязательного предложения по цене не ниже определенной законом.

Так, в странах с континентальной правовой системой (к ней относится не только Россия, но и большинство континентальных стран Европы, развивающихся стран и стран с переходной экономикой) уровень защиты прав миноритарных акционеров всегда будет ниже, чем в странах с англо-американской моделью, где присутствует более раздробленная система акционерного капитала.

На примере Великобритании и США рассмотрим используемые ими методы защиты прав миноритарных акционеров.

Великобритания

Как уже было сказано, в странах общего права (common law) действует дисперсная «распыленная» структура акционерного капитала.

В 2008 г. был принят новый закон о компаниях (Companies Act 2006). Этот закон интересен тем, что он во многом представляет собой консолидацию и усовершенствование формулировок старого закона, но также содержит и много новых элементов.

Закон о компаниях ввел такие способы голосования на общих собраниях акционеров, как голосование поднятием рук (show of hands) или голосование подсчетом голосов (poll).

В первом случае каждый акционер (или его представитель), присутствующий на собрании, имеет один голос независимо от числа акций, которыми он владеет. Во втором случае один голос соответствует одной акции, а не одному акционеру. Кроме того, возможно принятие решения письменной резолюцией акционеров. В этом случае каждой акции также соответствует один голос [3].

Метод голосования поднятием рук призван облегчить процедуру подсчета, а также он уравнивает положения мажоритариев и миноритариев. Получается, что даже акционер с одной акцией имеет те же права, что и

¹ Федеральный закон № 208-ФЗ. – Ст. 84.1–84.2.

² Там же. – Пп. 1, 4. – Ст. 84.2.

³ Там же. – Ст. 84.7.

⁴ Там же. – Ст. 91.

держатель крупного пакета акций. Для российского понимания бизнеса это абсурдно.

Также закон предусматривает два вида решений, которые принимаются акционерами: обыкновенной резолюцией, т. е. простым большинством (по данному классу акций) и специальной резолюцией, т. е. большинством не менее 75% (по данному классу акций).

В целях избегания ущемления прав меньшинства при слиянии публичных компаний следует получить одобрение держателей 75% акций каждого класса компании. Аналогичная процедура и при разделении компании.

Все страны Европейского союза обязаны имплементировать в свое законодательство Директиву ЕС о приобретении компаний (Директива). Положения Директивы относятся лишь к ценным бумагам, которые допущены к обращению на регулируемом рынке (ст. 1 Директивы). Великобритания имплементирует Директиву в разделе 28 (Takeovers etc.) Закона Великобритании «О компаниях» [8. – Р. 12].

Согласно Директиве, в случае публичного предложения о покупке всех акций компании либо миноритарий принудительно продает свои доли (sell-out), либо принудительно выкупают у миноритария (squeeze-out).

В любом случае цена выкупа должна быть справедливой (ст. 15 Директивы). При аналогичных условиях любой акционер, не принявший изначального предложения оферента, получает право принудительной продажи оференту своей доли также по справедливой цене (ст. 16 Директивы).

Миноритарий, несогласный с условиями принудительного выкупа или принудительной продажи, может обратиться в суд, который имеет право увеличить сумму вознаграждения, если признает ее несправедливой, а также иным образом исправить условия сделки [3].

Также любой акционер имеет право потребовать от компании предоставления ему последней годовой финансовой отчетности, отчета директоров, отчета аудитора (а для котируемых компаний еще и отчета о вознаграждении директоров) (ст. 431–432 Закона Великобритании «О компаниях»), а также предоставления документа на бумажном носителе (hard copy) (ст. 1145 Закона Великобритании «О компаниях»).

Миноритарий, владеющий 5 и 10% акций, имеет право:

- требовать созыва общего собрания акционеров;

- требовать проведения аудита отчетности компании, даже если он необязателен по закону (ст. 476 Закона Великобритании «О компаниях»);

- предъявления тому или иному лицу требования о раскрытии его интереса в акциях данной публичной компании (ст. 476 Закона Великобритании «О компаниях»);

- обратиться в суд с иском об аннулировании специальной резолюции о перерегистрации компании из публичной в частную (владелец 5% акций);

- требовать направления на рассмотрение акционеров проекта письменной резолюции, заявление данной группы акционеров по вопросу, рассматриваемому на общем собрании, а также направления акционерам проекта резолюции общего собрания публичной компании (владелец 5% акций);

- подать иск от имени компании к ее директору за совершение политических пожертвований (с которыми они не согласны);

- обратиться в суд с иском о том, что дела компании ведутся несправедливо по отношению ко всем или некоторым из ее акционеров (ст. 994 Закона Великобритании «О компаниях»);

- подавать производные иски (derivative claims) от имени компании (речь идет об исках о возмещении убытков к руководству компании, не исполняющему свои обязанности должным образом) (ст. 260 Закона Великобритании «О компаниях»).

Итак, британское законодательство о компаниях защищает интересы миноритарных акционеров путем требования специальной резолюции акционеров (принимаемой квалифицированным большинством) для вынесения определенных решений; предоставления права получения определенной информации; предоставления права производного иска. Некоторые права (созыва общего собрания и т. д.) предусмотрены для держателей пакетов в размере 5 и 10% акций. В соответствии с Директивой ЕС, британский закон предусматривает возможность снятия «оборонительных» ограничений, предусмотренных уставом

компании, при приобретении компании сторонним инвестором. Далее, в соответствии с требованиями той же Директивы, оферент, приобретший по результатам публичного предложения не менее 90% акций, к которым предложение относилось, получает право принудительно выкупить и остальные акции по той же цене. Если же по результатам предложения оферент получил контроль над 90% всех акций компании, оставшиеся миноритарные акционеры имеют право принудительно продать свои пакеты оференту.

Следует отметить, что во многих западных государствах отношения на рынке ценных бумаг имеют длительную историю (и, как следствие, юридическую и экономическую практики), способствующую активному применению некоторых решений по защите прав миноритарных акционеров, которые не особо распространены на территории Российской Федерации.

В первую очередь это соглашения между крупными акционерами и миноритариями, направленные на создание условий равноценного участия в управлении акционерным обществом. В частности, такие соглашения могут предусматривать принятие решений по особо важным вопросам не просто квалифицированным большинством, а при согласии владельцев еще большего процента голосующих акций или единогласно.

Также допускаются соглашения, обязывающие мажоритарных акционеров выкупать долю миноритариев при соблюдении определенных объективных условий, связанных с эффективностью управления акционерным обществом (например, при существенном снижении прибыли организации). При этом подобные требования будут легальными только после возникновения экономических последствий, а не на этапе принятия на общем собрании акционеров решения, которое, по мнению миноритария, может к ним привести. Это подтверждается и тем, что спор о том, какой вариант голосования более правильный, по сути, является коммерческо-экономическим, а не юридическим [4. – С. 655].

В то же время одной из потенциальных проблем, связанных с процессуальной защитой прав миноритарных акционеров, стало введение в утвержденные Государственной

Думой РФ во втором чтении поправки к ГК РФ обязанности акционера заблаговременно уведомлять других акционеров и саму организацию о намерении обратиться в суд. Необходимость уведомления акционерного общества представляется мерой разумной и необходимой, однако уведомление всех акционеров может стать фактически барьером для обращения в суд.

Порядок уведомления на настоящий момент не урегулирован, но, принимая во внимание сложившуюся практику письменного уведомления об обращении в суд и учитывая, что число акционеров во многих акционерных обществах превышает десятки, а иногда и сотни тысяч человек, отметим, что подобная мера может стать непреодолимым барьером для обращения в суд миноритарного акционера в силу необходимости значительных затрат как времени, так и материальных средств. Тем более что затраты на ведение судебных споров по подобной категории дел и так считаются достаточно высокими. Очевидно, что до вступления подобной нормы в законную силу требуется тщательно проработать и законодательно регламентировать максимально необременительный для обращающегося в суд акционера механизм уведомления остальных членов акционерного общества.

Используя зарубежный опыт и выводы из сложившейся российской практики, расширяя список диспозитивных норм, рекомендующих включение в уставы акционерных обществ механизмов защиты прав миноритарных акционеров и по необходимости придавая некоторым из диспозитивных норм императивный характер, можно утверждать, что возможно соблюдение определенного баланса между правами всех участников акционерного общества.

Решение обозначенной проблемы представляется проблематичным, так как излишнее расширение прав миноритарных акционеров либо затронет право мажоритариев, либо вступит в противоречие с основополагающими принципами гражданского права, однако проведение грамотной поддержки миноритарных акционеров является необходимым условием для развития здоровой экономики.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. – 1994. – 8 декабря. – № 238–239.
2. Распоряжение Правительства РФ от 25 июня 2016 г. № 1315-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») "Совершенствование корпоративного управления"».
3. Закон Великобритании от 8 ноября 2006 г. «О компаниях» (The Companies Act 2006). – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents> (дата обращения: 15.11.2016).
4. Камышанский В. П., Параскевова С. А., Попова Ю. А., Мнацакянц А. С. Ответственность за нарушение акционерного соглашения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 80 (06). – С. 649–655.
5. Шиткина И. С. Корпоративное право : учебный курс. – 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. И. С. Шиткина. – М. : СТАТУТ, 2016.
6. Black's Law Dictionary. – 6th ed. – St. Paul. Minn., 1990.
7. Davies P. Introduction to Company Law. – Oxford, 2010.
8. Directive 2004/25/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on takeover bids, OJ L 142, 30.04.2004.

Особенности правового обеспечения блокчейн-технологий

Т. Э. Зульфугарзаде

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Specifics of Blockchain Technology Legal Support

T. E. Zulfugarzade

PhD of Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Аннотация

Сложившееся в обществе недоверие к существующим финансовым и бизнес-инструментам, нестабильность институтов предпринимательства и банковского сектора, развитие глобализационных процессов, все более минимизирующих функциональные возможности отдельных государственных образований, бурное развитие электронной торговли, рост миграции и профессиональной мобильности объективно определяют развитие новационных методов и цифровых технологий, направленных на упрощение и ускорение процедур взаимодействия между потребителями и поставщиками товаров (работ, услуг), требующих, в свою очередь, совершенствования правового обеспечения такого рода взаимодействия в современных условиях экономики совместного доступа. В работе приведены результаты исследования особенностей правового обеспечения технологий блокчейн, применяемых в платежных системах, определены основные направления возможного применения указанного вида технологий в сфере миграционного, образовательного регулирования, а также перспективного правового обеспечения в области физической культуры и спорта, здравоохранения и предоставления юридических услуг.

Ключевые слова: право, юриспруденция, гражданское законодательство, технологии, блокчейн, электронная торговля, транзакции, экономика совместного доступа.

Abstract

Existing distrust in the society and the of existing financial and business instruments, the instability of entrepreneurship and the banking sector, the development of globalization, more and more functional minimizing the possibility of a separate state formations, the rapid development of electronic commerce, the growth of migration and professional mobility objectively determine the development of innovative techniques and digital technologies aimed at simplifying and speeding up procedures of interaction between consumers and suppliers of goods (works, services), requiring, in turn, to improve legal provision for this kind of interaction in modern conditions of economy sharing. The paper presents the results of research of features of legal maintenance of the blockchain technology used in payment systems, the main directions of possible application of this type of technologies in the field of migration, educational regulation and future legal support in the field of physical culture and sport, health and legal services.

Keywords: law, jurisprudence, civil law, technology, blockchain, electronic commerce, transactions, economy of sharing

В современной глобальной экономике, все более отдаляющейся от жесткого регулирования, осуществляемого на уровне национального законодательства отдельных государств, все более подчиняющейся правилам экономики совместного доступа, развиваются все новые и новые технологии, направленные

на обеспечение платежей при осуществлении электронной торговли. Наиболее ярким примером тому является блокчейн – одноранговая (p2p) [4] сеть, в которой нет выделенного центра и в которой валидность транзакций гарантируется не единым выделенным центром, а криптоалгоритмом и, со-

ответственно, всеми участниками интернет-сети [3]. Блокчейн представляет собой новационную технологию хранения и передачи цифровых данных, подтверждающих права и принятые обязательства, имеющую программно-математическую криптозащиту от постороннего несанкционированного доступа [7].

Впервые термин «блокчейн» (от англ. blockchain: block – блок, chain – цепочка) появился как название распределенной базы данных, реализованной в криптовалюте «Биткойн» или «Биткойн»¹ (англ. bitcoin, от bit – «бит» и coin – «монета») – пиринговая платежная система, использующая одноименную расчетную единицу и одноименный протокол передачи данных. Для обеспечения функционирования и защиты системы используются криптографические методы. Вся информация о транзакциях между адресами системы находится в открытом доступе.

Таким образом, по авторитетному мнению, высказанному британским финансовым обозревателем, автором книг «Биткойн: Будущее денег?» (2014) и «Жизнь после государства» (2013) Домиником Фрисби, блокчейн представляет собой «цепочку блоков транзакций, т. е. выстроенную по определенным правилам цепочку из формируемых блоков транзакций» [8]. Другими словами, блокчейн технологии позволяют «заключить любой контракт, перевести любые ценности, получить доступ к любой конфиденциальной информации без участия государства и вообще любой другой управляющей инстанции. Когда банки для проведения транзакций будут пользоваться блокчейном, банк нельзя будет отключить от блокчейна, как его можно отключить от SWIFT» [3].

При осуществлении электронной торговли проводимые сделки необратимы, электронный платеж между двумя сторонами торговой сделки осуществляется без посредников. Но существует возможность привлечения третьей стороны в качестве гаранта при помощи мультиподписи по аналогии с центром регистрации электронной подписи, нотариусом или органом по государственной регистрации

прав на недвижимость либо юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и т. п. Перечисляемые по сделкам в электронной торговле денежные средства никто не может заморозить (банковские учреждения – посредники отсутствуют), даже временно, за исключением самого владельца в лице покупателя-плательщика либо продавца. Для того, чтобы транзакция считалась достоверной (подтвержденной), ее формат и подписи должны проверить и затем группу транзакций записать в специальную структуру – блок. Информацию в блоках можно быстро перепроверить. Каждый блок всегда содержит информацию о предыдущем блоке. Все блоки можно выстроить в одну цепочку, которая содержит информацию о всех совершенных когда-либо операциях в этой базе. Самый первый блок в цепочке – первичный блок (genesis block) – рассматривается как отдельный случай, поскольку у него отсутствует так называемый «родительский» блок.

Блок состоит из заголовка и списка транзакций. Заголовок блока включает в себя свой хеш, хеш предыдущего блока, хеши транзакций и дополнительную служебную информацию. В системе «Биткойн» первой транзакцией в блоке всегда указывается получение комиссии, которая станет наградой пользователю за созданный блок.

Далее идут все или некоторые из последних транзакций, которые еще не были записаны в предыдущие блоки. Для транзакций в блоке используется древовидное хеширование, аналогичное формированию хеш-суммы для файла в протоколе BitTorrent. Транзакции, кроме начисления комиссии за создание блока, содержат внутри атрибута input ссылку на транзакцию с предыдущим состоянием данных (в системе «Биткойн», например, дается ссылка на ту транзакцию, по которой были получены расходуемые биткойны). Комиссионные транзакции могут содержать в атрибуте любую информацию (для них это поле носит название coinbase parameter), поскольку у них нет родительских транзакций.

На практике технология блокчейн представляет собой огромный цифровой файл. Любое лицо, имеющее доступ в Интернет, может просмотреть данные, хранящиеся в этом файле: он открыт для всех. Никто не ведет этот файл. Он поддерживается не ка-

¹ Российским аналогом, например, является «битрубль» – зарегистрированный платежной системой Qiwi товарный знак. Поддерживает блокчейн-технологии и Сбербанк России. Подробнее см., напр. [2].

кой-либо личностью, компанией или государственным органом, а 8 000–9 000 компьютерами в распределенной интернет-сети в разных местах по всему миру на добровольной основе. Владельцы этих компьютеров приняли решение добавить свои компьютеры к этой сети, поскольку услуги за использование их компьютеров для поддержания блокчейн-технологий в определенных случаях оплачиваются. Любой желающий вправе подключить свой компьютер к этой сети в любое время.

По действующим правилам блокчейн-технологий, вся информация в этом файле является постоянной – она не может быть изменена – и в каждом компьютере сети хранится копия файла, чтобы убедиться в этом. Если злоумышленники осуществят попытку взлома этой системы, им придется взломать каждый компьютер в ней, что на практике оказалось бы невозможным, несмотря на многочисленные попытки, в том числе самых лучших специалистов-хакеров из Агентства национальной безопасности США. Коллективная, суммарная мощность всех этих компьютеров больше, чем 500 лучших в мире суперкомпьютеров вместе [8].

Новая информация добавляется к этому файлу каждые несколько минут, но она может быть добавлена только в том случае, когда все компьютеры этой сети сигнализируют о своем одобрении, что они делают, только если получают удовлетворительные доказательства того, что информация, которая будет добавлена, корректна. Все знают, как работает система, но никто не может изменить алгоритм ее работы. Она полностью автоматизирована. Принимаемые пользователями решения или их поведение не влияют на работу блокчейн-технологий.

Система была бы уязвимой, если какая-либо компания или государственная организация несли бы ответственность за ведение этого файла: например, частная компания может обанкротиться и ликвидироваться, а госорган – упразднен. Но в распределенном файле блокчейн-технологий не существует единой точки уязвимости. Такой файл децентрализован. Время от времени некоторые компьютеры могут выйти из строя, но это не будет иметь значения для бесперебойной деятельности файла блокчейн-технологии. Копии файла на всех остальных компьютерах

и их единогласное одобрение ввода новой информации будет означать, что файл сам по себе является безопасным.

Рассматриваемый блокчейн-файл, вполне возможно, стал самым значительным и подробным в истории, структурой с открытым исходным кодом постоянной памяти, которая растет органически. Таким образом, блокчейн является новационной прорывной технологией, находящейся в основе децентрализованной электронной (крипто)валютной (платежной) системы. Предполагается, что в скором времени рассматриваемые технологии получат более широкое применение, и не только в сфере электронных платежей.

Обратимся в данной связи к более детальному рассмотрению правового обеспечения «Биткоин». Практически у каждого современного человека имеется банковский счет-онлайн в рублях, долларах, евро или какой-либо другой национальной валюте. Эти деньги полностью цифровые, они не существуют в реальном мире. Они представляют собой не более чем цифры в каком-то цифровом регистре. Лишь около трех процентов национальной валюты фактически существует в физической форме; остальные являются цифровыми. Премияльные баллы от супермаркетов, а также бонусные авиа-мили и т. п. тоже не существуют физически, они лишь символы, другими словами, преференции, которые тем не менее можно обменять на какой-то товар или услугу, хотя и в ограниченной сфере; так что они тоже являются деньгами.

При совершении сделки купли-продажи в магазине за наличный расчет, оплата в виде наличных денег проходит напрямую от покупателя к продавцу без участия какого-либо третьего лица. Но если оплата товара будет совершена с помощью банковской карты, то в этой сделке примет участие посредник – платежная система и банковское учреждение, данную систему поддерживающее. Но если покупатель примет решение воспользоваться своими преференциями и, например, потратить свои премиальные баллы от супермаркетов либо бонусные авиа-мили, то за посредничеством ему необходимо обратиться в соответствующий супермаркет или авиакомпанию, минуя посредников в лице платежных систем и банковских учреждений.

С началом 1980-х гг. разработчики программного обеспечения пытались найти способ воспроизведения сделки за наличный расчет в цифровой форме, прямой, так называемой «от А-к-В» сделки, но никто не мог найти работоспособный способ. Указанная проблема получила название проблема двойного расходования¹. Если послать по электронной почте сообщение, фото или видео – в любой форме компьютерного кода – можно при желании скопировать, вставить этот код и отправить его одному, или ста, или миллиону других людей. Если это возможно будет сделать с деньгами, деньги вскоре потеряют свою полезность. Никому не удавалось найти обходного пути без использования какого-нибудь посредника, верифицирующего и обрабатывающего денежные транзакции, но в этот момент деньги перестают быть наличными. К середине 2000-х гг. программисты полностью отказались от этой идеи. Она была признана неразрешимой. А потом, в конце 2008 г., незаметно появилась «Биткоин» в малоизвестном списке рассылки.

Позднее, к концу 2009 г., программисты получили сообщение о том, что Сатоши Накамото решил проблему двойного расходования. Решением стал блокчейн – автоматизированная регистрация без посредника. Вместо обработки процесса транзакции каким-либо банком, транзакции начали обрабатываться 8 000–9 000 компьютерами, распределенными в сети «Биткоин» в традиции коллективного сотрудничества с открытым исходным кодом. Если такие компьютеры оснащены системами криптографической и математической защиты (процесс оснащения занимает незначительное время), они одобряют

сделку и завершают ее. Информация об оплате – время, сумма, адреса электронных кошельков – добавляется в базу данных, или, применяя современную терминологию, к цепочке информации добавляется еще один блок данных – отсюда и название блокчейн. Это просто цепочка блоков информации.

В настоящее время одной из важнейших проблем современной электронной торговли является использование так называемых подтверждений заказа (order confirmations), в которых определяется предмет договора поставки – количество и ассортимент товара, который требуется поставить приобретателю. В указанной связи профессор Р. А. Курбанов отмечает, что гражданское законодательство России допускает согласование условий договора (в том числе условий относительно количества товара) в форме обмена факсами и электронной почтой. Во-первых, это прямо предусмотрено п. 2 ст. 434 ГК РФ с одним лишь условием – возможностью достоверно установить, что договор исходит от стороны по договору. Во-вторых, согласно п. 2. ст. 452 ГК РФ, установившей общий порядок изменения договора (подписание его в той же форме, что и договор), возможно изменение данного правила путем указания в договоре на особый порядок его изменения. В завершение рассмотрения данной проблемы Р. А. Курбанов пишет: «Очевидно, что дополнение условий договора поставки «подтверждениями партии товара подпадает под это правило» [6. – С. 65]. Представляется, что разрешение указанных проблемных вопросов лежит как раз в плоскости возможностей использования блокчейн-технологий при заключении сделок в электронной торговле. Аналоги могут быть также использованы и при выдаче независимой гарантии как формы обеспечения исполнения обязательств [1. – С. 18], а также при реализации Правил применения при грузовых воздушных перевозках электронно-вычислительных устройств, утвержденных Монреальским протоколом № 4, суть которых сводится к отказу от использования авиагрузовых накладных на бумажном носителе информации и замене их электронными записями, содержащими необходимые сведения о грузе и его перевозке [5. – С. 45–46].

¹ Двойное расходование (англ. double-spending) – ситуация в децентрализованных платежных системах (криптовалютах), когда пользователь попытается повторно использовать ранее переданное. Обычно сеть не примет такую транзакцию как действительную. Но в параллельных ветках блоков могут находиться транзакции, которые по-разному распоряжаются одним и тем же. Вероятность существования параллельных цепочек блоков крайне мала и экспоненциально уменьшается с ростом длины цепочки и количества независимых майнеров (пользователей блокчейн-сети, осуществляющих проверку и распространение данных, а также создание новых блоков). Таким образом, чем больше подтверждений имеет транзакция, тем менее вероятна отмена транзакции из-за отмирания содержащей ее цепочки блоков.

Известно, что деньги требуют доверия – доверия в центральных банках, коммерческих банках, других крупных учреждениях, доверия к самой купюре. На однодолларовой купюре отпечатаны слова: «С нами Бог». Поклонники «Биткоин» любят говорить: «Мы доверяем доказательствам». «Блокчейн», работа которого прозрачна благодаря автоматизации, математическим и криптографическим доказательствам, устранил необходимость такого доверия, практически устранил человеческий фактор при фиксации фактов, в том числе юридически значимых. Он предоставил возможность людям платить цифровыми наличными непосредственно от одного человека к другому с такой же легкостью, с какой любой человек смог бы отправить текст или сообщение по электронной почте без необходимости наличия посредника.

Таким образом, «Биткоин» стала платежным средством для пользователей Интернета. Она не предназначена для замены доллара США или чего-то подобного, как считают отдельные из ее сторонников, но у нее на самом деле есть множество применений. И на практике они работают.

Определенного рода подтверждением негативного характера вышеприведенных фактов может стать наблюдающийся в последние пять лет бурный рост черного онлайн-рынка. Предполагается, что ежедневно на черном рынке продаются незаконные товары и услуги на сумму порядка 1,5 млн долларов США [3; 8], оплачиваемые биткоинами. Введение в платежный оборот биткоина и других видов криптовалют при непосредственном использовании блокчейн-технологий, способствовали этому быстрому росту электронного торгового оборота. В этой связи важно отметить следующее: несмотря на то, что каждая сделка с биткоинами независимо от того, насколько она мала, записывается в блокчейне, а личность лица, совершившего эту сделку, может быть скрыта при желании, отсюда и его привлекательность. В грандиозной системе финансового оборота 1,5 млн долларов США в день не так уж много, но тот факт, что обычные люди на черном рынке используют биткоины фактически на постоянной основе в качестве способа оплаты товаров и услуг, показывает, что данная технология является работоспособной. Вы-

ступая в качестве противников черных рынков, тем не менее необходимо отметить, что такие экономические образования зачастую одними из первых применяют приемлемую для них новую технологию. В рассматриваемых случаях применения блокчейн-технологий черные рынки стали первыми институтами, которые начали извлекать выгоду из Интернета, получать прибыль, обезличивать плательщиков, что требует введения регулирования в исследуемой сфере отношений, прежде всего в целях противодействия терроризму и иным противоправным деяниям. Черные рынки, не связанные большими задолженностями или необходимостью обращаться за помощью к капиталам, вложенным в рискованные предприятия, обязаны быстро и практически применять новые технологии.

Завершая исследование, отметим, что сегодня потенциальное применение «Биткоин» выходит далеко за рамки черных рынков и широко распространяется в легальной сфере. Прежде всего, блокчейн-технологии используются при оплате доступа к платному интернет-контенту, если читатель не хочет оплачивать ежегодную подписку, но, например, имеет желание обратиться к средству массовых коммуникаций для прочтения одной статьи.

В недалеком будущем блокчейн-технологии позволят производить оплату авторам произведений литературы и науки, а также художественных произведений, размещенных в интернет-сети, напрямую. Прогнозируется переход клиентов платежных систем и систем денежных переводов, где перевод валюты по транс-курсу может превышать двадцать процентов от суммы платежа или денежного перевода в систему, обеспечиваемую блокчейн-технологиями, сводящими транзакции к нулевой стоимости.

Полагаем целесообразным также обратить внимание на огромное количество интернет-сервисов, получивших в последние годы широкое распространение, немалое число которых уже предоставляет платные услуги. Количество популярных сервисов в области интернет-знакомств, интернет-игр, массовых коммуникаций и т. п. возрастает, что приводит к неуклонному росту платных услуг, предоставляемых виртуально. Существует весьма высокая вероятность, что все

большая часть таковых платежей будет постепенно переводиться на блокчейн-технологии.

Еще одним массовым применением блокчейн-технологий может стать обмен сообщениями между интернет-пользователями без почтовых сервисов. Подобный информационный обмен позволит переписывающимся сторонам ограничить возможность несанкционированного доступа к конфиденциальной и (или) личной информации со стороны третьих лиц. Появится возможность децентрализованного облачного хранения информации без привязки к конкретному поставщику подобного рода услуг. Аналогичные технологии могут появиться и в сфере мобильной связи. Например, стартап Trustonic уже проводит работы над новой блокчейновой операционной системой мобильного телефона, призванной создать условия, конкурентные с технологиями Android и MacOS.

Несмотря на прямые призывы ввести запрет на применение и распространение рассматриваемых технологий¹, в последующем подобно тому, как блокчейн фиксирует каждый биткоин в данный момент времени и данные о том, кто им владеет, блокчейн-технологии могут быть использованы для записи о праве собственности на любые активы. Затем для торговли данными об этих активах, например, заменят депозитари, хранящие сведения о ценных бумагах, а также сведения об объектах движимого имущества, принадлежащего не только юридическим, но и физическим лицам, что будет востребовано при наследовании имущественных прав, подтверждении полномочий лиц, действующих по доверенности или по договорам представительства, закреплении доказательств, закреплении прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации (депонирование рукописей, новые формы патентования и др.), и т. п. Еще одним важным применением для рассматриваемых новационных технологий может явиться запись о заключенных трудовых договоров, что явится логичным продолжением политики прекращения использования

трудовых книжек в странах бывшего СССР. Первые шаги в данном направлении уже предприняты в Российской Федерации и направлены на введение так называемых «электронных трудовых договоров». Позднее блокчейн-технологии могут быть использованы в сфере регистрации объектов недвижимости, в правоохранительной и правозащитной, в том числе судебной, практике, при проведении электронных голосований акционеров и при проведении прямых выборов в представительные органы власти.

Еще одним вариантом развития новационных блокчейн-технологий, который нельзя исключать, является постепенный отход от традиционных государственных функций, который может привести к уходу от государственных форм управления, параллельно с переходом на глобальный блокчейн. Прообразом подобного рода перехода является введение «международных удостоверений» студентов, преподавателей, научных работников. В недалеком будущем такая принадлежность может расширится до удостоверений работников конкретных специальностей (по аналогии с паспортом моряка, удостоверениями летного состава работников авиакомпаний и т. п.), востребованных на рынках труда, спортсменов (прежде всего имеется в виду спорт высоких достижений), пациентов лечебных учреждений, имеющих возможность практически беспрепятственного доступа к лечебным учреждениям для получения медицинской помощи в любой точке мира и т. п., что способно привести к внесению серьезных, конституирующих изменений в миграционное законодательство, правовые основы об образовании (особенно о профессиональном и послевузовском), здравоохранении, порядке и правилах предоставления юридических услуг, о налогах и сборах и др.

¹ См.: Доклад (2016) RAND Corporation (США) «Значение виртуальной валюты для национальной безопасности». Подробнее см. [2].

Список литературы

1. Гарантии и инвестиции во внешнеэкономической деятельности : учебное пособие / под ред. Р. А. Курбанова. – М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016.
2. *Евтушенко А., Поляков Е.* По цепочке до России. Что такое блокчейн и почему эта технология вскоре изменит мир // Газета.Ру. – URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2016/02/01/8038769/blockchain.shtml/> (дата обращения: 05.01.2017).
3. *Латынина Ю.* Блокчейн – электронный аналог свободы // Subscribe.ru. – URL: <http://subscribe.ru/digest/business/school/n237664155.html/> (дата обращения: 05.01.2017).
4. *Носов Н.* Перспективы блокчейн в России // PCWeek. – URL: <https://www.pcweek.ru/idea/article/detail.php?ID=182389/> (дата обращения: 05.01.2017).
5. Особенности правового регулирования международных перевозок грузов : учебное пособие / под. ред. Р. А. Курбанова. – М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016.
6. Подотрасли международного частного права : учебное пособие / под. ред. Р. А. Курбанова. – М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016.
7. *Simons W.* Блокчейн для бизнеса простыми словами в примерах – i Program // LiveJournal. – URL: <http://walter-simons.livejournal.com/434231.html/> (дата обращения: 05.01.2017).
8. *Frisby D.* In Proof We Trust. Blockchain Technology Will Revolutionise Far More than Money: it Will Change Your Life. Here's How It Actually Works // Guardian News. – URL: <https://www.theguardian.com/profile/dominic-frisby/> (дата обращения: 05.01.2017).

Особенности защиты прав участников реорганизуемого юридического лица**А. М. Белялова**

научный сотрудник ИЗиСП.

Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»,
117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: mos-ssp@mail.ru

Features of Protection of the Rights of Participants of the Reorganized Legal Entity**A. M. Belyalova**

Researcher of the IZAK.

Address: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 B. Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: mos-ssp@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы механизмы защиты прав участников реорганизуемого юридического лица в соответствии с новейшим законодательством. Проведя сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодательства, имеющего целью защиту прав данной категории субъектов, автор пришел к двум основным выводам. В частности, предложено поддержать подход отечественного законодателя в том, что решение о признании реорганизации несостоявшейся должно являться крайней мерой. Вместе с тем в целях избегания расширенного судебного усмотрения в решении столь важного вопроса целесообразно установить закрытый перечень оснований «несостоявшейся» реорганизации. Кроме того, проанализировав европейскую практику корпоративного права, автор приходит к выводу о целесообразности внесения существенных изменений в ст. 60.1 ГК РФ, которая регламентирует последствия признания решения о реорганизации недействительным.

Ключевые слова: участник, юридическое лицо, реорганизация, защита прав, зарубежный опыт, несостоявшаяся реорганизация, решение о реорганизации, недействительность.

Abstract

The article analyzes the mechanisms of protection of the rights of participants of the reorganized legal entity in accordance with the latest legislation. The author has made a comparative analysis of domestic and foreign laws aimed at right protecting of this category of subjects, and have come to two main conclusions. In particular, the author proposed to maintain the approach of the domestic legislator that a decision on the recognition of the reorganization failure should be a measure of last resort. However, in order to avoid extended judicial discretion in addressing such an important issue it is advisable to establish a closed list of "failed" reorganization grounds. In addition, analyzing the European practice of corporate law, the author comes to conclusion about whether substantial changes to article 60.1 of the Civil Code, which regulates the effects of the recognition of the decision on reorganization as invalid.

Keywords: participant, legal entity, reorganization, rights protection, foreign experience, failed reorganization, decision on reorganization, invalidity.

Реорганизация юридического лица затрагивает права не только его кредиторов. Этим вопросам в российской доктрине посвящено большое количество работ различного уровня. Вместе с тем защита прав участников такого юридического лица представляется не менее важным аспектом. Более того, именно проблемы защиты данной категории на сегодняшний день являются одной из основных злободневных тем корпоративного права.

Объясняется это тем, что в процессе реорганизации юридического лица имущественное и корпоративное положение его участников может существенно измениться.

До реформы гражданского законодательства ГК РФ не содержал каких-либо норм о гарантиях участников реорганизуемого лица, в результате чего сложилась весьма неоднозначная практика. Так, например, суды стали отказывать в требованиях участникам акцио-

нерных обществ, исключенных из числа участников в процессе реорганизации в форме преобразования, ввиду того, что такие участники голосовали против осуществления реорганизации или вовсе не участвовали в голосовании.

В качестве примера можно привести сложившуюся ситуацию при преобразовании ОАО «Нефтяная компания Сургутнефтегаз» в общество с ограниченной ответственностью, когда владевший одной акцией общества акционер П. не стал участником ООО, поскольку не принимал участия в голосовании. Он обратился в суд с требованием признать за ним право на долю размером 0,0000095% в уставном капитале нового общества, однако решением суда ему было отказано. Обосновывая отказ в удовлетворении требований, суд сослался на действующий порядок преобразования. В частности, было выяснено, что принятое о преобразовании решение соответствует закону, поскольку истец был включен в список общего собрания акционеров, ему были направлены бюллетени для голосования и документы для реализации права требования выкупа акций общества. При этом, в соответствии с уставом реорганизуемого ОАО, акционеры, не вошедшие в состав учредителей общества, вправе получить компенсацию в размере выкупной цены акции. Несмотря на то, что истец был надлежащим образом уведомлен о времени и месте проведения собрания учредителей создаваемого общества, участия в нем он не принимал. В итоге суд пришел к выводу о том, что, поскольку учредительный договор он не подписывал, его нельзя признать участником общества¹.

Отметим, что в подобных делах при отсутствии специальных способов защиты своих прав истцы вынуждены были использовать

¹ См.: Определение ВАС РФ от 18 октября 2007 г. № 13330/07 по делу № А-75-3282/2006 (В передаче дела по иску о признании права на долю в уставном капитале общества для пересмотра в порядке надзора судебных актов отказано, так как суд, отказывая в удовлетворении иска, правомерно исходил из того, что решение о преобразовании компании в общество с ограниченной ответственностью принято в соответствии с законом, истец в проведении собрания учредителей вновь создаваемого общества не принял участия и имеет право на компенсацию в сумме, равной выкупной цене акции) // СПС «КонсультантПлюс».

общие положения ГК РФ и, в частности, правил ст. 12 о восстановлении положения, существовавшего до нарушения прав. Однако суды не усматривали в подобных требованиях намерения заявителей восстановить корпоративный контроль².

Иначе данный вопрос решался в российской доктрине. Как утверждает С. В. Сарбаш, «восстановление корпоративного контроля посредством восстановления положения, существовавшего до нарушения права (ст. 12 ГК РФ), возможно применить независимо от того, каким именно способом участник юридического лица был лишен указанного контроля... В области корпоративных отношений реализация данного способа защиты может выражаться в виде присуждения истцу соответствующей доли участия в уставном капитале хозяйственного товарищества или общества» [6]. Данная позиция была поддержана Е. А. Сухановым [8] и А. А. Валеевой [1].

В процессе реформы гражданского законодательства этот вопрос был решен на законодательном уровне посредством включения в текст ГК РФ новой статьи – ст. 60.2.

Первое, на что следует обратить внимание, это на использование терминологии. Судя по названию статьи, речь идет о признании реорганизации несостоявшейся. При этом в пункте 3 данной статьи указывается на «незаконность» реорганизации. Считаем, что о незаконности реорганизации следует говорить во всех случаях, когда она осуществляется с нарушением любых предписаний закона. Однако текстуальный анализ рассматриваемой статьи свидетельствует об обратном.

Пункт 1 данной статьи определяет круг лиц, которые могут обратиться с соответ-

² См., например: Постановление ФАС Уральского округа от 21 января 2014 г. № Ф09-13860/13 по делу № А47-16756/2012 (Требование: о признании недействительной реорганизации общества. Обстоятельства: договор купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью признан недействительным. Собственник доли указал, что участия в собрании при принятии решения о преобразовании в закрытое акционерное общество не принимал, так как был лишен права корпоративного контроля. Решение: в удовлетворении требования отказано, поскольку собственником избран ненадлежащий способ защиты права, суд указал на невозможность приведения сторон в первоначальное положение, констатация факта недействительности реорганизации не приведет к восстановлению нарушенных прав) // СПС «КонсультантПлюс».

ствующим требованием в суд, а также необходимые для положительного решения условия. Так, правом на обращение в суд законодатель наделил участников корпорации, которые голосовали против реорганизации или вовсе не принимали участия в голосовании. Таким образом, из числа потенциальных заявителей были исключены участники, которые приняли участие в голосовании и голосовали за проведение реорганизации общества, что представляется оправданным.

Однако, на наш взгляд, наделение подобным правом участников, которые изначально голосовали против проведения реорганизации, на практике может привести к неконтролируемым различным злоупотреблениям, поскольку с формальной точки зрения для подачи иска в суд достаточно подтверждения факта голосования участником-заявителем против проведения реорганизации или же факта непринятия участия в голосовании.

Не понятно также, почему законодатель не наделил правом обращения в суд иных лиц, в первую очередь лиц, осуществляющих государственный контроль в данной области. Суд может признать реорганизацию несостоявшейся только в двух случаях.

Во-первых, если решение о реорганизации не принималось участниками реорганизованной корпорации, а во-вторых, если в документах, представленных для государственной регистрации возникающих в процессе реорганизации лиц, содержатся заведомо недостоверные сведения. К сожалению, в данном случае возникает больше вопросов, чем есть на них ответов. Исходя из буквального толкования положений ст. 60.2 мы можем сделать вывод о том, что во всех иных случаях нарушения закона в ходе реорганизации признать ее несостоявшейся возможности нет. Кроме того, в статье использованы оценочные категории, значение которых на законодательном уровне не определено: что понимается под «заведомо недостоверными сведениями», для кого они должны были быть «заведомо недостоверными», речь идет обо всех сведениях в представленных документах или же только о значимых, существенных (если это так, то как определить их значимость) и т. д.?

В итоге структура анализируемой статьи позволяет предположить, что любой участник, если он голосовал против реорганизации или

же не принимал участие в голосовании при условии любых, даже незначительных, искажений сведений, содержащихся в представляемых на регистрацию документах, способен «блокировать» весь процесс реорганизации, что дает правовые основания для корпоративного шантажа и иного злоупотребления своим правом.

Вызывают сомнения и некоторые нововведения относительно правовых последствий признания реорганизации несостоявшейся. В соответствии с подпунктом 1 пункта 2 данной статьи, в случае принятия судом соответствующего решения юридические лица, существовавшие до реорганизации, восстанавливаются, при этом юридические лица, созданные в результате такой реорганизации, прекращаются.

В доктрине сразу же данное положение было раскритиковано за используемую терминологию. Так, А. В. Габов указал на неоднозначное толкование учеными категории «восстановления юридического лица» [2]. Справедливо отмечают авторы постатейного комментария к главам 1–5 ГК РФ: «Если принять во внимание, что организации уже нет и все правоотношения, в которых она состояла, уже прекратились, то, по существу, можно сказать, что восстанавливается только запись о существовании юридического лица, т. е. констатируется факт того, что юридическое лицо вновь правоспособно» [3].

Следует также поддержать исследователей в том, что закон не определяет последствия такого восстановления: подлежат ли восстановлению трудовые отношения с его работниками, восстанавливаются ли выданные ему ранее лицензии и т. д. Нет ответа и на вопрос об уполномоченном лице, которое будет «восстанавливать» юридическое лицо, точнее, кто вправе принимать решения, связанные с возвратом его правоспособности, в том числе связанные с возвратом ему имущества и т. д. [2]. Безусловно, отсутствие четкого механизма восстановления юридического лица может привести к невозможности исполнения данной нормы закона либо к неоднозначно формируемой судебной практике.

Считаем, что в данном случае эти вопросы должны быть четко определены в принимаемом решении суда о признании реорганизации несостоявшейся. Наиболее целесообразно

разным видится передача этих функций органам управления «восстанавливаемого» юридического лица, существующим на момент принятия им решения о реорганизации. Однако подобные правила должны быть урегулированы на уровне специальных законов о конкретных организационно-правовых формах, что обусловлено их спецификой.

Второе последствие признания реорганизации несостоявшейся состоит в том, что все сделки возникших в результате реорганизации юридических лиц с лицами, которые «добросовестно полагались на правопреемство», сохраняют силу для восстановленных юридических лиц, которые являются солидарными должниками или, соответственно, солидарными кредиторами по таким сделкам. С одной стороны, логика законодателя оправдана, для добросовестного лица не должны наступать неблагоприятные последствия. Только в данном случае недоумение вновь вызывает используемая в законе терминология. В частности, что имеется в виду под «сохранением силы» сделок? Вероятно, законодатель использовал именно такую формулировку по причине возможности признания заключенных сделок недействительными. Если не будет доказана добросовестность лиц, с которыми созданные в процессе реорганизации юридические лица заключили сделки, то должны действовать общие правила о последствиях ничтожной сделки.

С другой стороны, подобное правило не сможет стать реальным защитным механизмом имущественных и неимущественных прав корпоративных участников, поскольку на момент восстановления юридического лица «возвращать» будет просто нечего. Защищая в данном случае интересы добросовестного приобретателя, законодатель оставил юридическую возможность в результате, например, рейдерского захвата оставить реорганизованное юридическое лицо без ценного имущества. Таким образом, в подобной ситуации все усилия борьбы с рейдерством будут напрасными, оно лишь примет новые юридические формы «отбора» имущества.

Данное положение соответствует третьему последствию признания реорганизации несостоявшейся, а именно исключению из еще одного (четвертого) последствия – признания несостоявшимся перехода прав и обя-

занностей. «Отмена правопреемства» не применяется в отношении предоставления (платежи, услуги и т. п.), осуществленного в пользу юридического лица, созданного в результате реорганизации, должниками, добросовестно полагавшимися на правопреемство на стороне кредитора. Такое предоставление считается совершенным в пользу управомоченного лица.

С учетом вышеизложенного, а также в результате действия названного исключения из правила «обратного правопреемства» на практике может сложиться ситуация, когда восстановленное лицо, лишившись наиболее ценного имущества, не сможет продолжать свою деятельность. Это приведет к его несостоятельности, а в дальнейшем и к банкротству. Во избежание появления новых схем «отбора» имущества и целенаправленного преднамеренного банкротства корпораций целесообразно возвращать все права и обязанности восстанавливаемого юридического лица, существующие на момент принятия решения о правопреемстве.

В связи с этим можно исключить из ст. 60.2 ГК РФ подпункт 2 пункта 2, а подпункт 3 пункта 2 изложить в следующей редакции: «3) переход всех прав и обязанностей, существующих на момент принятия решения о реорганизации юридического лица, признается несостоявшимся. Убытки добросовестным приобретателям по сделкам, заключенным ими с созданными в процессе такой реорганизации юридическими лицами, возмещаются за счет лиц, по вине которых реорганизация была признана несостоявшейся».

Вместе с тем заслуживает внимания и одобрения еще одно новое последствие признания реорганизации несостоявшейся: если за счет имущества одного из реорганизуемых юридических лиц были исполнены обязанности другого из них, перешедшие к юридическому лицу, созданному в результате реорганизации, к отношениям указанных лиц применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения, т. е. положения главы 60 ГК РФ.

Правом предъявления соответствующего заявления обладает юридическое лицо, за счет средств которого были исполнены обязательства. Однако сделать это можно только в том случае, если получатель исполнения

знал или должен был знать о незаконности реорганизации. Такое условие существенно снижает возможность практической реализации данного последствие, поскольку не во всех случаях есть возможность предоставить достоверные доказательства того, что получатель исполнения владел или должен был владеть подобной информацией.

Последним (четвертым) последствием признания реорганизации несостоявшейся в законе является восстановление долей участия в реорганизуемых юридических лицах. Реализация данного последствие зависит от факта смены участников. По общему правилу участники реорганизованного юридического лица признаются обладателями долей в том размере, в каком они принадлежали им до реорганизации.

Иные правила установлены при смене участников. Статья 60.2 ГК РФ содержит отсылку к норме п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, в соответствии с которой участник, который помимо своей воли в результате неправомерных действий иных участников или третьих лиц утратил право участия в корпорации, может требовать возвращения ему доли участия от лиц, которым она перешла, с выплатой им определяемой судом справедливой компенсации, а также возмещения убытков за счет лиц, которые виновны в признании реорганизации несостоявшейся.

Вместе с тем, если при рассмотрении соответствующего иска суд придет к выводу о том, что возможное возвращение доли участника приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет «крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия», он уполномочен отказать в возвращении доли заявителю с присуждением ему справедливой компенсации, размер которой должен быть определен в решении суда. Однако данное нововведение закона не лишено недостатков.

В частности, и на это уже обращалось внимание в юридической литературе, не понятно, каким образом суд должен определить «справедливость» компенсации [3]. Более того, предоставляемая на законном основании суду возможность отказать в возвращении доли участнику по причине возможного наступления «крайне негативных социальных и других публично значимых последствий»

превращает механизм защиты прав участников незаконно реорганизуемого лица в неэффективное средство защиты, поскольку в данном случае очень многое зависит от объективной оценки суда.

Еще одна новая статья – ст. 60.1 ГК РФ – устанавливает последствия признания недействительным решения о реорганизации юридического лица. В соответствии с п. 1 данной статьи, по иску участника (участников) реорганизуемого юридического лица и иных лиц, если они наделены таким правом законом, суд может признать решение о реорганизации недействительным.

В этой связи следует отметить, что специальные законы несколько иначе определяют круг лиц, обладающих правом обжалования в судебном порядке принятого решения: к таким лицам относятся исключительно участники общества, которые не принимали участие в голосовании или голосовали против принятия соответствующего решения (ст. 49 Закона об АО, ст. 43 Закона об ООО, ст. 17.1 Закона о производственных кооперативах). В этой связи надлежит привести нормы специальных законов в соответствие с правилами ГК РФ. Однако в данном вопросе не понятна логика законодателя: каких лиц он планирует наделить таким правом и не приведет ли это к различного рода злоупотреблениям.

На наш взгляд, основной недостаток рассматриваемого положения состоит в отсутствии оснований недействительности принятого решения, что представляется проблемой в регулировании данных отношений, поскольку нет определенности в его применении. Как представляется, решение о реорганизации может быть признано недействительным как из-за нарушения предписаний как ГК РФ (т. е. общих положений о реорганизации), так и специальных законов. Более того, считаем, что на законодательном уровне должен быть закреплен конкретный перечень оснований для признания его недействительным.

Принимая во внимание важность стабильности хозяйственного оборота (а последствия недействительности решения о реорганизации, равно как и признание самой реорганизации несостоявшейся, является его потенциальной угрозой), невозможно согласиться с ранее высказанным в российской доктрине мнением, в соответствии с которым

«...учитывая, что реорганизация представляет собой сложный юридико-фактический состав, вероятнее всего, закреплять в законодательном порядке какие-либо специальные основания ее недействительности в целом не требуется. Единственный момент в данном случае, который бы следовало детально урегулировать, – это заявление исков, направленных на устранение юридических фактов, лежащих в основании создания юридического лица: подобные иски, в том числе об аннулировании государственной регистрации, если и могут допускаться, то исключительно в рамках крайне ограниченного во временном отношении срока» [7. – С. 65].

В отличие от «несостоявшейся» реорганизации признание недействительным решения о ее проведении влечет иные последствия. В частности, закон прямо указывает на то, что недобросовестная реорганизация юридического лица не должна повлечь ликвидацию образовавшегося в результате реорганизации лица, а также являться основанием для признания недействительными сделок, совершенных таким юридическим лицом. Что касается правопреемства в рассматриваемой ситуации, отметим существование особого (нового) механизма. Так, если решение признано судом недействительным до окончания государственной регистрации всех создаваемых в процессе реорганизации юридических лиц, правопреемство наступает только в отношении таких уже зарегистрированных организаций, а в остальной части права и обязанности сохраняются за прежними юридическими лицами.

В рамках защиты участников реорганизуемого юридического лица законодатель предусмотрел возможность защиты нарушенных прав путем солидарного взыскания убытков не только с юридических лиц, созданных в результате реорганизации, но и с лиц, недобросовестно способствовавших принятию признанного судом недействительным решения о реорганизации (п.4 ст. 60.1 ГК РФ).

Как отмечается в юридической литературе, «...в настоящее время гражданское законодательство пошло по пути восстановления нарушенных в результате реорганизации юридического лица прав через процедуру деликтной ответственности, в том числе персональной гражданской ответственности лиц,

чьи неправомерные действия по осуществлению реорганизации юридического лица привели к причинению ущерба» [5].

Учитывая столь различные последствия признания реорганизации несостоявшейся и признания недействительным решения о ее проведении, считаем необходимым установить на законодательном уровне основания недействительности решения о реорганизации, что позволит избежать ошибок в правоприменительной практике.

Однако положения статьи 60.1 ГК РФ с установленным механизмом «недореорганизации» вызывают большие сомнения.

Во-первых, не понятно, почему признание недействительным основания реорганизации (т. е. решения о реорганизации) порождает пусть даже в определенной части последствия, на которые она направлена. Это положение, как представляется, противоречит основам права и действующему законодательству. Напомним, что, в силу пп. 1.1 абз. 2 п. 1 ст. 8 ГК РФ, права и обязанности возникают в случаях, предусмотренных законом, в том числе и из решений собраний. Во-вторых, с учетом экономической направленности реорганизации не вызывает сомнений то, что экономический эффект не доведенной «до конца» реорганизации будет далек от запланированного, если исходить из правомерных целей ее осуществления. В-третьих, не вполне согласуется логика законодателя с положениями абз. 3 п. 4 ст. 57 ГК РФ, в соответствии с которым не допускается государственная регистрация юридического лица, создаваемого в результате реорганизации (в случае регистрации нескольких юридических лиц – первого по времени государственной регистрации), ранее истечения соответствующего срока для обжалования решения о реорганизации. В чем же заключается идея данной отсрочки, если признанное судом недействительное решение о реорганизации не влияет на правосубъектность созданных в процессе такой реорганизации юридических лиц?

Обобщая изложенное, можно считать предусмотренные ст. 60.1 ГК РФ последствия признания решения о реорганизации недействительным противоречащими как общим принципам права, так и действующему законодательству. Признание недействительным

решения о реорганизации юридического лица должно повлечь за собой признание несостоявшейся всей реорганизации.

В этой связи наибольший интерес для нас представляет зарубежный опыт. Как следует из ряда Директив Европейского союза¹, реорганизация признается незаконной если установлено, что решение общего собрания является ничтожным или оспоримым в соответствии с положениями национального права. В то же время, когда возможно устранить недостатки, послужившие причиной признания реорганизации незаконной, компетентный судебный орган предоставляет заинтересованным обществам срок на исправление недостатков.

Интересно также отметить, что сам факт признания реорганизации незаконной до момента опубликования соответствующего решения суда никак не влияет на возникшие до этого обязательства; каждое из обществ-получателей несет солидарную ответственность по своим обязательствам, возникшим после дня вступления решения о реорганизации в силу и до дня опубликования решения о незаконности реорганизации.

Однако необходимо напомнить, что в европейском праве и в национальных правовых системах ряда европейских государств (Германии, Бельгии и ряде иных) реорганизация осуществляется в судебном порядке, что позволяет со стороны государства осуществлять первичный контроль за подобными трансформациями компаний.

Кроме того, в Первой директиве Европейского союза «О координации гарантий в государствах – членах Европейского союза при создании хозяйственных обществ»² в числе оснований признания общества недействительным также названо отсутствие учредительного акта и несоблюдение требования

предварительного контроля за созданием общества, которые установлены национальным законодательством членом ЕС.

Однако не все государства четко следуют положениям данных региональных актов.

В частности, как отмечает Е. А. Дубовицкая, не отвечает требованиям Первой директивы национальное право Великобритании, поскольку оно не устанавливает гарантий «обратного действия» признания компании недействительной [4. – С. 115]. Проанализировав нормы региональных актов и ряда европейских стран, она приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу о том, что в европейском корпоративном праве «опасность для оборота имеется, прежде всего, в тех случаях, когда национальное законодательство не содержит четкого закрытого перечня оснований недействительности, а также когда недействительность компании обладает обратным действием» [4. – С. 114].

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, следует поддержать подход отечественного законодателя в том, что решение о признании реорганизации несостоявшейся должно являться крайней мерой. В целях избежания расширенного судебного усмотрения в решении столь важного вопроса целесообразно установить закрытый перечень оснований «несостоявшейся» реорганизации. Во-вторых, с учетом европейской практики корпоративного права считаем необходимым внести существенные изменения в ст. 60.1 ГК РФ о последствиях признания решения о реорганизации недействительным.

¹ См.: Директива Совета ЕС от 9 октября 1978 г. № 78/855/ЕЭС «О слиянии акционерных обществ» // Вестник ЕС. – № L 295. – С. 36; Директива Совета ЕС от 17 декабря 1982 г. № 82/891/ЕЭС «О разделении акционерных обществ» // Вестник ЕС. – № L 378. – С. 47.

² First Council Directive 68/151/EEC of 9 March 1968 on coordination of safeguards which, for the protection of the interests of members and others, are required by Member States of companies within the meaning of the second paragraph of Article 58 of the Treaty, with a view to making such safeguards equivalent throughout the Community // Official Journal. – 1968. – L 065. – P. 8–12.

Список литературы

1. *Валеева А. А.* К вопросу о корпоративном контроле и его восстановлении // Юрист. – 2015. – № 14. – С. 39–46.
2. *Габов А. В.* Реорганизация и ликвидация юридических лиц : научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). – М. : ИЗИСП; Инфра-М, 2014.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов и др.; под ред. Л. В. Санниковой. – М. : Статут, 2015.
4. *Дубовицкая Е. А.* Европейское корпоративное право: Свобода перемещения компаний в Европейском сообществе. – М., 2004.
5. *Каплин С. Ю.* Вопрос-ответ: Имеются ли правовые основания для признания решения о реорганизации юридического лица недействительной сделкой и применения последствий ее недействительности? // Подготовлен для СПС «КонсультантПлюс».
6. *Сарбаш С. В.* Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. – 2008. – № 4. – С. 70–79.
7. *Степанов Д. И.* Аннулирование реорганизации: повод задуматься над концептуальными подходами в области создания юридических лиц // Закон. – 2007. – № 3. – С. 60–69.
8. *Суханов Е. А.* Комментарий к ст. 65.1–65.3 ГК РФ // Вестник гражданского права. – 2014. – № 3. – С. 107–130.

Соотношение категорий «своя воля» и «интерес» в гражданском праве**С. Д. Людвиг**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: ludwig08@rambler.ru

Ratio of Categories "Self-Will" and "Interest" in Civil Law**S. D. Ludwig**

PhD of Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: ludwig08@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию соотношения категорий «своя воля» и «интерес», которое закреплено в качестве принципа российского гражданского законодательства. Рассматриваются психологические и юридические аспекты понятий воли и интереса, а также проблемы их надлежащего правового обеспечения. Большое внимание уделяется вопросу о дееспособности личности и определению наличия воли как таковой у того или иного субъекта не в конкретном случае, а в принципе. Также в работе поднимается вопрос о волеиспособности, которая возникает при необходимости определения вменяемости субъекта, и указывается, что отсутствие или порок воли является достаточным основанием для установления невменяемости. Дается определение юридического интереса, где следует понимать правовую связь, возникающую между участниками общественных отношений на основании правовой инициативы, проявляемой одним в отношении другого, имеющую своим содержанием связанность субъекта, ожидающего благоприятных юридических последствий собственной правовой инициативы.

Ключевые слова: право, принцип, воля, интерес, потребность, защита, дееспособность, юридический интерес, вменяемость, договор.

Abstract

The article is devoted to the study of the correlation of the categories has its «self-will» and «interest», which is enshrined as a principle of Russian civil legislation. The author examines the psychological and legal aspects of concepts of will and interest, and their appropriate legal support. Great attention in the article is paid to the question of the capacity of the person and determination of the existence of the will itself of someone, not in the specific case, but in principle. The work also raises the question of will capability in respect of sanity determination, and mentions that the absence or defect of the will is a sufficient basis for establishing insanity. The author suggests the definition of the legal interest, it is a legal relations arising between the participants of public relations on the basis of the initiative shown by one against another, having as its content the coherence of the subject, pending a favorable legal consequence of their own legal initiatives.

Keywords: law, principle, will, interest, need, protection, legal capacity, legal interest, responsibility, contract.

Одним из базовых принципов гражданского права, закрепленных в п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, является принцип действия своей волей и в своем интересе. При этом в практике зачастую возникают проблемы с точки зрения толкования понятий «воля» и «интерес» как категорий гражданского права.

Понятие «воля» часто используется в психологии, физиологии, философии и не имеет единого и однозначного значения. В психологии воля – это способность человека осознанно руководить своими поступками и эмоциями, в нейронауках – высшие когнитивные функции, контролирующие поведение человека. Как философская категория воля представляет собой способность разума при-

нимать осознанные решения, определяющие и контролирующее поведение и деятельность субъектов.

Для сферы права проблемы толкования термина «воля» возникают, прежде всего, в связи с необходимостью соотнесения юридического понятия «воля» с психологическим. В настоящее время отсутствует однозначное мнение о том, что считать «волей» в юридическом смысле и разумно ли разделять психологическое и юридическое значение термина. Несмотря на давнее происхождение этой проблемы, она по-прежнему проработана достаточно слабо, и вопросы, связанные с толкованием данного термина, зачастую приходится решать непосредственно в правоприменительной практике.

Следует выделить основные вопросы, связанные с толкованием термина «воля» в юридической практике:

1. Какова связь категории воли с такими важными юридическими категориями, как «дееспособность» и «вменяемость»?

2. Что понимать под волей – внутренний психологический процесс, факт волеизъявления или их сочетание?

3. Проблема выявления подлинной воли, например, в случаях заключения договора по принуждению, под угрозой или в результате заблуждения.

Наконец, проблемным является вопрос о формировании воли юридических лиц.

Первый вопрос имеет принципиальное значение, так как затрагивает проблему дееспособности личности и связан с проблемой определения наличия воли как таковой у того или иного субъекта не в конкретном случае, а в принципе. Дееспособность в современном гражданском праве связана с достижением гражданами определенного возраста и возникновением у них возможности своими волевыми действиями самостоятельно приобретать гражданские права и обязанности. Любой гражданин, достигший совершеннолетия, обладает волей по умолчанию.

В. А. Ойгензихт писал, что воледееспособность заключается в возможности руководить своими поступками, и, следовательно, юридический смысл понятия «воля» здесь совпадает с психологическим [5. – С. 97]. Однако в действительности здесь налицо не столько

совпадение, сколько серьезное различие, ведь с психологической точки зрения нет никаких оснований утверждать, что субъект обретает волю строго в момент достижения совершеннолетия. Иначе говоря, понятия воледееспособности и дееспособности несимметричны: дееспособный человек может оказаться неволедееспособным, и наоборот.

Вопрос о воледееспособности, наряду с ее интеллектуальным критерием, возникает при необходимости определения вменяемости субъекта, и, как правило, отсутствие или порок воли является достаточным основанием для установления невменяемости. Хотя категория вменяемости применима прежде всего в уголовном праве, она связана с таким понятием, как деликтоспособность. Здесь связь юридического понятия «вменяемость» с психологическим понятием «воля» довольно прочна, хотя и в данном вопросе принятие решения о невменяемости происходит в процессе юридической процедуры, где психологическая экспертиза служит лишь одним из оснований правоприменительного решения.

Однако в гражданских правоотношениях нет необходимости в подробном исследовании внутренней воли, поэтому для гражданского права характерна презумпция совпадения волеизъявления и воли, т. е. предполагается, что внешнее выражение воли лица (волеизъявления) совпадает с его подлинной волей. Данное предположение называется «внутренний формализм воли» [3].

Второй проблемный вопрос связан с различием таких аспектов воли, как внутренние психологические процессы и их внешние проявления. С одной стороны, внутренний акт воли с абсолютной точностью может быть зафиксирован субъектом исключительно интроспективно (т. е. путем самонаблюдения), либо в момент собственно внутреннего волевого акта, либо постфактум (в памяти), при этом такие наблюдения не поддаются формализации и поэтому не могут быть положены в основу принятия юридических решений. Поэтому установить истинный внутренний акт воли невозможно, следовательно, надо опираться на факты, свидетельствующие о наличии воли к тому или иному действию, например, исключительно на предусмотренных законом актах волеизъявления. Согласно

этой позиции, воля и волеизъявление в юридическом смысле неразделимы. Эта позиция представлена, например, Ю. С. Гамбаровым, с точки зрения которого воля как психический феномен внутренней жизни человека не имеет для права никакого значения [1. – С. 712–713]. Такого рода формализм не лишен логики и, казалось бы, значительно упрощает проблему определения воли. Однако в некоторых случаях такая позиция неприменима в связи с тем, что не все внешние факты волеизъявления свидетельствуют о наличии внутренней воли субъекта и могут быть совершенны не «по своей воле», а по чужой, например, под влиянием, по принуждению, под угрозой и т. п. В этих случаях принцип действия своей волей и в своем интересе, заложенный в п. 2 ст. 1 ГК РФ, будет несправедливо нарушен.

Наиболее распространенное понимание воли выражается в том, что внутренний и внешний волевые акты неразрывно связаны и не могут быть рассмотрены в отрыве друг от друга. Отсюда следует, с одной стороны, что не каждое действие, формально подходящее под критерии акта волеизъявления, совершено им по своей воле. Второе логическое следствие состоит в том, что мысль или желание, не воплощенное в действии, не является волевым актом и не может быть названо волей. Понимание воли в психологии и психиатрии указывает на необходимость волевого действия как неперемного компонента воли.

В. А. Ойгензихт полагал, что «под волевым нужно понимать не только физическое действие, но и умственное» [5. – С. 13]. Однако «умственное действие», не получившее никакого внешнего выражения (хотя бы словесного), не может иметь никакого юридического значения и, следовательно, не подлежит учету в сфере гражданского права.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что для соблюдения принципа автономии воли, установленного п. 2 ст. 1 ГК РФ, следует соотносить между собой внутренний и внешний аспекты проявления воли.

Существует два возможных способа выявления наличия субъективной воли в юридических процедурах: во-первых, обращение к помощи специалистов в области психологии и психиатрии, т. е. психологическая экспертиза; во-вторых, интерпретация текста. Речь идет

прежде всего о том, что Ф. Шлейермахер называл психологической интерпретацией, т. е. восстановление через текст психологического портрета автора [8. – С. 45]. Текстом здесь можно считать не только непосредственно вербальные тексты (показания, речь, текст договора и т. д.), но и тексты социальные – поведение гражданина, его жизненные обстоятельства и т. д.

Необходимость выяснения истинной воли гражданина возникает главным образом в тех случаях, когда есть основания полагать, что воля субъекта не совпадает с волеизъявлением (например, основанием может являться заявление гражданина, столкнувшегося с неожиданными для себя юридическими последствиями своего волеизъявления). Такие сделки являются оспоримыми и могут быть признаны недействительными, в соответствии со ст. 178 или ст. 179 ГК РФ.

В том случае, если гражданин не способен осознавать значение своих действий и руководить ими, нарушается процесс формирования внутренней воли и выражения ее вовне. Поэтому в случаях, когда юридически значимое действие, в том числе и сделка, совершается лицом, находящимся в состоянии, когда оно не способно осознавать окружающую его обстановку, понимать значение осуществляемых им действий и руководить ими, должна быть предоставлена возможность для признания такого действия недействительным. Причиной данного состояния могут быть различные жизненные обстоятельства, такие как тяжелая болезнь, алкогольное (наркотическое, токсическое) опьянение, серьезный стресс, сильное душевное волнение, спровоцированное определенным событием или действием.

Доказать наличие таких обстоятельств достаточно сложно, при этом наиболее проблематичным является процесс доказывания наличия недееспособности лица именно во время совершения сделки. Основными доказательствами в данном случае должны выступать данные о внутреннем, психическом состоянии лица на момент совершения сделки, поэтому в судебной практике используются результаты медицинских обследований, а также заключения экспертов, позволяющие

получить квалифицированную оценку психического состояния лица.

Согласно п. 13 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»¹, во всех случаях, когда по обстоятельствам дела необходимо установить психическое состояние лица в момент совершения им определенного действия, должна быть проведена судебно-психиатрическая экспертиза, в частности, при рассмотрении дел о признании недействительными сделок по мотиву заключения их гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ).

Заключение судебно-психиатрической экспертизы в настоящее время признается основным доказательством, подтверждающим неспособность лица понимать значение своих действий или руководить ими. Другие доказательства также могут быть исследованы судом, однако, если отсутствует соответствующее заключение судебно-психиатрической экспертизы, суд не может вынести решение о недействительности сделки по данному основанию.

Ввиду ориентации суда прежде всего на факты волеизъявления доказать такое несоответствие с волей субъекта зачастую является проблематичным. Например, показательным является решение Химкинского городского суда Московской области от 24 января 2013 г., согласно которому истцу было отказано в удовлетворении иска о признании недействительной доверенности на квартиру и договора дарения на основании заблуждения истца в значении ее волеизъявления. Верховным судом РФ была рассмотрена кассационная жалоба истца, и решение суда было отменено, а дело направлено на повторное рассмотрение. Основным аргументом в пользу отмены решения было отсутствие необходимой интерпретации обстоятельств, на которые истец ссылался как на основания иска и которые могли бы прояснить его истинную волю, а именно: было ли волеизъявление сделано на основании заблуждения, насколько заблуждение существенно для данного участника сделки в контексте ст. 178 ГК РФ,

были ли другие обстоятельства, способные повлиять на искажение воли истца².

Отдельно возникает вопрос о воле и волеизъявлении юридических лиц, также являющихся основными участниками гражданского оборота. Вопрос этот является довольно хорошо исследованным, однако консенсус среди ученых в нем до настоящего времени не достигнут.

Кроме того, для прояснения понятия «воля юридического лица» большое значение имеет исследование органа юридического лица. В соответствии со ст. 52 ГК РФ, юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает гражданские обязанности через свои органы. Здесь трудность заключается в том, что на сегодняшний день единое понимание правовой природы органа юридического лица в науке отсутствует.

При исследовании связи понятия «интерес» и гражданского права возникают следующие основные вопросы:

1. Соотношение понятий «интерес», «законный интерес» и «право».
2. Соотношение понятия «интерес» с такими близкими понятиями, как «потребность», «желание» и «воля».
3. Субъективным или объективным является интерес в праве?

Необходимость в определении понятия «интерес» применительно к правовой сфере тем не менее неизбежно отсылает к другим гуманитарным сферам: философской и психологической. Прежде всего следует разобраться, о каком интересе идет речь в п. 2 ст. 1 ГК РФ.

Для рассмотрения вопроса о соотношении категорий «интерес», «законный интерес» и «право» следует отметить, что в правовой сфере интерес может выражаться в правовых нормах. В этих случаях он уже становится законным интересом. Однако понимание законного интереса шире, чем интерес, определенный конкретными нормами права. Законный интерес следует понимать как интерес, который не противоречит закону и принципам права.

¹ См.: Российская газета. – 2008. – 2 июля. – № 140.

² Определение Верховного суда РФ от 25 марта 2014 г. № 4-КГ13-40.

Количество интересов существенно больше количества правовых норм. Система права является динамичной и развивающейся, и ей необходимо ориентироваться на новые интересы, возникающие в процессе общественного развития, при этом в ГК РФ речь идет не о конкретной группе интересов, установленных нормами права, а обо всех интересах, не являющихся противозаконными.

В юриспруденции интерес раскрывается через понятия «потребность», «выгода», «благо», однако все они в той или иной степени являются не вполне некорректными.

Условия общественной жизни являются одной из причин возникновения интересов. В то же время все факторы общественной жизни, принимая вид интересов, неизбежно должны пройти через сознание людей. Что касается потребностей, то они, проходя через сознание людей, принимают ту или иную форму сознательных побуждений, определяющих целенаправленность и волевой характер их деятельности, поэтому наиболее приемлемым для теории права и, в частности, гражданского права является определение понятия «интерес» через понятие «потребность».

С точки зрения юридических наук интерес – это осознанная потребность субъекта в конкретном благе, которая определяет волевой характер действий субъекта и цель данных действий.

Относительно природы интереса существуют три основные точки зрения:

- субъективное происхождение интереса;
- объективное происхождение интереса;
- смешанное субъективно-объективное происхождение интереса.

На человека оказывают воздействие потребности, складывающиеся и формирующиеся под действием законов общественного развития. Эти потребности имеют объективную природу: их содержание не зависит от сознания тех или иных индивидов. Однако влияние потребностей на поведение людей предполагает, что эти потребности опосредованы волей и сознанием. В свою очередь осознанные потребности, содержание и направленность которых уже зависят от сознания индивидов, и являются интересами.

Можно констатировать, что у потребности осознанной изменяется ее социальная сущность, она приобретает иное качество.

На основе метода гражданского права решение данных научно-юридических вопросов достигается, на наш взгляд, за счет использования конструкции юридического интереса. Так, юридический интерес обладает свойством формально-юридически определить положение субъектов права как потенциальных участников гражданского правоотношения, что становится решающим фактором при согласовании формального и фактического равенства в гражданском праве.

При этом юридический интерес возникает вследствие диспозитивности гражданского права и представляет собой юридическую конструкцию, которая учреждается на основе волеизъявления субъекта гражданского права. Суть данной юридической конструкции раскрывается следующим образом.

Под юридическим интересом следует понимать правовую связь, возникающую между участниками общественных отношений на основании правовой инициативы, проявляемой одним в отношении другого, имеющую своим содержанием связанность субъекта, ожидающего благоприятных юридических последствий собственной правовой инициативы, пониманием правовых целей его поведения, возникшим у адресата правовой инициативы.

Речь, таким образом, идет о методологическом значении юридического интереса в механизме гражданско-правового регулирования общественных отношений. Отметим, что одним из свойств метода гражданско-правового регулирования в цивилистике признается правовая инициатива субъектов гражданского права. Взаимосвязь интереса и инициативы имеет место постольку, поскольку юридический интерес основан на дозволении, которое гарантировано государством и выражается в стремлении субъекта пользоваться определенным социальным благом.

При этом волеизъявление инициатора не всегда обладает всеми признаками юридического факта и влечет возникновение, изменение или прекращение гражданского правоотношения.

Так, в теории гражданского права юридические действия по признаку направленности воли субъекта разделяются на юридические акты и юридические поступки. В свою очередь юридические поступки делятся на материальные, которые имеют объективированный результат в форме объекта интеллектуальной собственности, и нематериальные (уведомление, признание долга, принятие долга), рассматриваемые в качестве элемента существующего гражданского правоотношения и обеспечивающие движение последнего.

Понятие интереса нередко соединяют с понятием права в едином феномене в качестве объекта правовой охраны и защиты. Вероятно, это происходит в связи с бытующим в юридической сфере убеждением о том, что право призвано выражать частные и общественные законные интересы, что оно объективирует их, и, следовательно, имплицитно эти интересы уже содержатся в праве. Но, как уже было указано, должное не всегда соответствует существу, и часто развитие права отстает от развития общества. Разумеется, правовые нормы призваны отражать и закреплять интересы граждан, дабы закон мог гарантировать их соблюдение и защиту. Тем не менее следует согласиться с В. В. Субочевым, что важно отделить законный интерес от права как самостоятельный объект правовой охраны и защиты [6. – С. 79–80].

Что касается соотношения интереса с другими психологическими феноменами, то, несмотря на разногласия и споры, имеющиеся в отношении этого понятия, наиболее устойчивой является позиция, представляющая интерес как нечто производное от потребности (нехватки чего-либо). Интерес базируется на потребности, связан с осознанием потребности и пониманием того, что именно необходимо для ее удовлетворения. Тонким моментом является отличие интереса от желания. Интерес, признаваемый большинством исследователей как побудительная причина любых действий, содержит в себе целевой элемент, в отличие от желания, которое может быть неосознанным, а лишь эмоционально ощущаемым.

При постановке вопроса о замене в национальном праве понятия «интерес» понятиями «желания» и «потребности» некоторые

исследователи высказываются против, приводя в качестве аргумента то, что желания и потребности являются более узкими понятиями, не несут признака публичности и потому не подходят для права, которое является средством регулирования публичных отношений [4]. Тем не менее ключевым моментом являются именно осознанность и наличие интенции к действию, т. е. наличие целевого элемента в интересе. Интерес, вырастающий из потребности, несет в себе элементы цели и может приравниваться к так называемой целевой причине. Интерес служит платформой для воли: «Достижение поставленной цели обусловлено определенными волевыми процессами, усилиями воли. В основе же последних лежит не что иное, как интерес» [6. – С. 24].

Сочетание в феномене интереса субъективного и объективного компонентов на сегодняшний день признается большинством исследователей. Теория объективного интереса, основанная на марксистской философии, была довольно популярна в советской юриспруденции. Согласно этой теории, интерес понимается как что-то существующее независимо от субъекта и независимо от осознания, интерес влияет на поведение субъекта в обществе, и, значит, интерес определяется условиями существования субъекта.

Похожую объективистскую позицию занимал В. П. Грибанов, говоря об интересе как об объективно существующем феномене, находящемся под влиянием экономических, национальных, культурных и других факторов [2]. Субъективный фактор в феномене интереса связан как с его психологической основой, так и со сферой применения в области субъективного права, где важна, как уже было сказано, фиксация принадлежности интереса индивидуально определенному физическому или юридическому лицу, на что указывает притяжательное местоимение «свой».

По принадлежности к субъекту интересы можно разделить на частные и общие категории. К общим относятся, например, национальные интересы. Право постоянно вынуждено искать соотношение между частными и общими интересами. Однако можно с уверенностью сказать, что Гражданский кодекс направлен прежде всего на регулирование

частных интересов, следовательно, в п. 2 ст. 1 ГК РФ речь идет о частном интересе.

Кроме анализируемых понятий «воля» и «интерес» в п. 2 ст. 1 ГК РФ требует прояснения момент, связанный с приобретением и осуществлением гражданских прав. Важной здесь является возможность отказа от приобретения и осуществления права.

Следует отличать отказ от осуществления права, оговариваемый в ст. 9 ГК РФ, и отказ от права. Указанные явления связаны с феноменом воли и могут быть различены по наступающим последствиям. Так, при отказе от осуществления права воля субъекта на аннулирование права не усматривается, субъект отказывается только от совершения действий, этим правом предусмотренных. При отказе же от права необходимым условием является наличие у субъекта воли, выраженной в волеизъявлении, на прекращение принадлежащего ему гражданского права. Процедура отказа от ряда гражданских прав регулируется ст. 218, 225, 226, 236 ГК РФ. Существуют также оговоренные ГК РФ сделки об отказе, признаваемые ничтожными, например, отказ от права участника полного товарищества знакомиться с документацией по ведению дел товарищества (п. 2 ст. 71 ГК РФ), отказ от права выйти из полного товарищества (п. 2 ст. 77 ГК РФ) и др.

Существует также проблема дереликции (оставления права) как способа прекращения вещного права. В п. 1 ст. 235 ГК РФ указание на бездействие собственника по отношению к своему праву собственности как способ утраты права отсутствует. Таким образом, неясной является процедура перехода оставленного собственником имущества в статус бесхозяйственного: возникает необходимость выявления истинной воли субъекта права и выяснения, направлена ли она на избавление от права. Трудности связаны с возможностью неоднозначного толкования бездействия в качестве волеизъявления. Предлагается такое решение: связывать наступление состояния дереликции по отношению к праву собственности с соответствующими специально оговоренными сроками, по наступлении которых право предыдущего собственника пре-

кращается [7]. Таким образом, отказ от осуществления права через определенное время может перейти в отказ от права, выраженный в виде дереликции. Иллюстрацией может служить ситуация с затоплением имущества: если затонувшее имущество было поднято, оно может быть истребовано собственником только в том случае, если с момента затопления прошло не более года (п. 1 ст. 111 КТМ РФ).

Таким образом, основной проблемой в интерпретации и применении п. 2 ст. 1 ГК РФ является определение и смысловое наполнение терминов «воля» и «интерес», связанных с принципом свободы в гражданском праве. Связь этих понятий с психологической сферой требует от практикующих юристов базового знания психологии (например, нужно обладать основами психологической грамотности, чтобы потребовать проведения психологической экспертизы на предмет вменяемости и дееспособности). Субъективный характер феноменов воли и интереса требует от юристов наличия навыков психологической интерпретации для выявления истинного состояния субъекта права с ориентацией не только на формальное объективное выражение данных феноменов, но и на их психологические составляющие.

Процессы, происходящие в общественной жизни, требуют объективизации субъективных интересов граждан для реализации основополагающих принципов гражданского права, при этом судебная практика показывает, что зачастую в вопросах гражданского права более важным является соблюдение базовых принципов, в частности, принципа действия своей волей и в своем интересе, нежели ориентация по формальному признаку на букву закона.

Юридическое значение принципа действия своей волей и в своем интересе следует рассматривать как право каждого субъекта гражданского правоотношения по собственному усмотрению выбирать и применять формы и способы удовлетворения своих интересов, а также как запрет кому-либо навязывать свою волю другим лицам.

Список литературы

1. *Гамбаров Ю. С.* Гражданское право. – М., 2003.
2. *Грибанов В. П.* Принципы осуществления гражданских прав // Вестник Московского университета. Серия XII: Право. – 1966. – № 3. – С. 10–23.
3. *Зезекало А. Ю.* Существенность заблуждения в мотивах сделки: формирование европейской доктрины и позиция российского правопорядка // Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права. Вып. IV (2007–2009) / под ред. Б. Л. Хаскельберга, Д. О. Тузова. – Томск : Пеленг, 2010. – С. 314–333.
4. *Иванова Н. Н.* Интерес в праве как основополагающий элемент национальной правовой системы России // Вестник Оренбургского государственного аграрного университета. – 2008. – № 83. – С. 129–131.
5. *Ойгензихт В. А.* Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права). – Душанбе, 1983.
6. *Субочев В. В.* Законные интересы / под ред. А. В. Малько. – М., 2008.
7. *Суханова Ю. В.* Отказ от субъективных гражданских прав : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2009.
8. *Шлейермахер Ф.* Герменевтика. – СПб., 2004.

Применение судебным приставом обеспечительной меры в виде ограничения права на выезд из Российской Федерации

М. М. Фокина

аспирантка кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36
E-mail: margofokina@mail.ru

Application of Interim Measures in the Form of Restrictions on the Right to Exit from the Russian Federation by the Bailiff

M. M. Fokina

Post-graduate Student of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: margofokina@mail.ru

Аннотация

В последнее время законодательству об исполнительном производстве уделяется повышенное внимание. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» постоянно развивается и совершенствуется. Вопрос об исполнении требований исполнительных листов должниками непрерывно анализируется как учеными со стороны науки, так и юристами-практиками. С введением нового Федерального закона № 229 с 2007 г. закреплено новое исполнительное действие – ограничение должника в праве на выезд за пределы Российской Федерации судебным приставом-исполнителем. Указанное исполнительное действие является обеспечительной мерой, введенной для быстрого, результативного исполнения должником требований исполнительного листа. В данной статье на практике анализируется применение судебным приставом-исполнителем указанного исполнительного действия, а также предлагаются положения для усовершенствования законодательства в данной части.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель, должник, право на свободное перемещение, обеспечительные меры.

Abstract

Lately law on enforcement proceeding gets an incredibly increased attention. The Federal Law N 229-FZ of 02.10.2007 "On enforcement proceedings" is in constant development and improvement. The issue of execution of the writ obligatory requirements by the debtors continually evaluated by scientists from the science and legal practitioners. After introduction of the new Federal Law N 229 of 2007 the new executive action was enshrined – limiting the debtor's right to travel outside the Russian Federation by the judicial bailiff – executor. Specified executive action is a security measure for fast, efficient execution by the debtor of requirements of the writ. This article analyzes the practical application by the judicial bailiff – executor of the specified enforcement actions, and proposes provisions to improve the legislation in this part.

Keywords: enforcement proceedings, bailiff, debtor, right to free movement, security measures.

Законодательство в сфере исполнительного производства за последнее время претерпело различные изменения. Исполнение судебных решений и актов других органов и должностных лиц касается как граждан и юридических лиц, так и государственных структур. Вопросы исполнения таковых в настоящее время являются одними из самых обсуждаемых как в России, так и за рубежом. Реальное и полное исполнение судебных

решений и актов является сложным процессом, который подчас заканчивается безрезультативностью, связанной с такими проблемами, как большая нагрузка на приставов, ограниченный спектр исполнительных действий, закрепленный за судебным приставом, законодателем, нежеланием должника исполнять требования исполнительного листа.

Так, в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об

исполнительном производстве» (далее – Закон), судебный пристав-исполнитель должен осуществлять свои полномочия на основании следующих принципов:

- 1) законности;
- 2) своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения;
- 3) уважения чести и достоинства гражданина;
- 4) неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи;
- 5) соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения¹.

Исполнительные действия и меры принудительного исполнения в действующей редакции закона закреплены на основе указанных принципов, однако при дальнейшем рассмотрении вопроса такого исполнительного действия, как ограничение должника в праве на свободное перемещение за пределы Российской Федерации, выявлены некоторые правовые проблемы.

Правовая природа ограничения права на выезд должника за пределы Российской Федерации

Законодателем в законе закреплены исполнительные действия, которые направлены на создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на поощрение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе². Среди достаточно большого перечня исполнительных действий с принятием в 2007 г. новой редакции закона за судебным приставом-исполнителем закреплено право устанавливать временное ограничение на право выезда должника за пределы Российской Федерации в том случае, если должник уклоняется от исполнения.

Ограничение личных прав должника, связанных с конституционностью, является новым институтом в исполнительном производстве, появление которого связано с большим

количеством неисполнения судебных решений и актов должниками и недостаточностью эффективности принимаемых мер принудительного взыскания приставами. Ограничение права выезда должника за пределы Российской Федерации является одним из самых действенных исполнительных действий, принимаемых приставами, в рамках исполнения должником требований исполнительного листа, так как затрагивается личное право на перемещение как по стране, так и за ее пределами. Дальнейшее развитие института ограничения права должника на выезд за пределы Российской Федерации является одним из главных направлений в развитии системы исполнительного производства в рамках проводимой работы приставами.

Ограничение права на выезд затрагивает такое конституционное право гражданина, как свобода передвижения. Часть 2 ст. 27 Конституции Российской Федерации установлено следующее: «Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию»³. Внедрение института временного ограничения права на выезд должника предусмотрено в законе впервые. До вступления закона в силу ограничение права на выезд регулировалось Федеральным законом от 15 августа 2016 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Так, п. 5 ст. 15 Закона устанавливает: «Право гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено в случаях, если он уклоняется от исполнения обязательств, наложенных на него судом, до исполнения обязательств либо до достижения согласия сторонами»⁴. Однако некоторые судебные органы признавали постановления судебных приставов на ограничение незаконными, так как решение об ограничении должно приниматься уполномоченным на то органом внутренних дел. Между

¹ Федеральный закон от 02.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве», «Российская газета», № 223, 06.10.2007.

² Там же.

³ Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

⁴ Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Российская газета. 1996. – 22 августа. – № 159.

тем, согласно позиции Конституционного суда, ограничение права должника на выезд за пределы Российской Федерации не может считаться нарушающим его права, так как такая мера направлена на защиту конституционно значимых целей.

Пунктом 3 ст. 55 Конституции установлено, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹. В законе содержится отдельная статья, регулирующая применение приставам права на временное ограничение выезда должника за пределы Российской Федерации. Учитывая то, что ограничение на перемещение является личным конституционным правом каждого гражданина, закрепление в законе в виде исполнительного действия, а равно, полномочия пристава, являлось необходимой мерой. Кроме того, вопрос о конституционности ограничения права на перемещение рассматривался Конституционным судом Российской Федерации. В Постановлении от 4 мая 2012 г. № 1-П суд указал, что положения, закрепленные в Федеральном законе № 229 в части ограничения права на перемещение, не противоречат Конституции. Между тем вышеуказанное исполнительное действие характеризуется следующими отличительными признаками:

1) ограничение свободы передвижения должника является обеспечительной мерой, затрагивающей личное право на перемещение, которое направлено на реальное исполнение требований, установленных в исполнительном листе. Такая мера для должника носит стимулирующий характер, побуждающий к скорейшему исполнению требований исполнительного документа;

2) вынесение постановления об ограничении права на выезд является личным ограничением, связанным непосредственно с правами человека, тогда как применение исполнительных действий имущественного харак-

тера направлено на объекты материального мира, которыми должник обладает. Такого рода постановления предполагают самостоятельное личное исполнение со стороны должника. Участие судебного пристава при указанном исполнительном действии сведено к минимуму, что упрощает процедуру понуждения к исполнению. Применяя ограничение в выезде, судебный пристав задействует косвенные меры понуждения должника, направленные на скорейшее самостоятельное исполнение требований исполнительного листа, тогда как меры прямого воздействия сообразно принимать в том случае, если у должника имеется имущество. Однако, как показывает практика, должники эффективно укрывают свое имущество, приобретая его на третьих лиц, либо же не имеют имущества вовсе. При отсутствии имущества судебный пристав ограничивается в применении спектра мер прямого воздействия. Таким образом, применяя ограничение личного права должника на определенный период времени, судебный пристав обеспечивает эффективное исполнение требований исполнительного листа.

Процедура применения права на ограничение свободы передвижения должника

Судебный пристав, применяя на практике данное право, должен учитывать один из принципов исполнительного производства – соотношение объема мер и требований взыскателя. Это один из основополагающих принципов, на котором строится исполнительное производство. В целях обеспечения интересов взыскателя при исполнении требований исполнительного листа и должника судебный пристав должен исходить из баланса целей и интересов сторон. В соответствии со ст. 67 Закона, судебный пристав может применить указанное право при наличии ряда условий:

1) у судебного пристава находится на исполнении исполнительный документ, выданный на основании судебного акта или являющийся судебным актом;

2) сумма взыскания по исполнительному листу превышает 10 тыс. рублей;

3) требования, установленные в исполнительном листе, должником добровольно не

¹ Конституция Российской Федерации.

исполнены в установленный законодателем, пятидневный срок.

Судебный пристав применяет данное исполнительное действие по заявлению взыскателя, в соответствии с ч. 2 ст. 30 Закона, или по собственной инициативе, вынося постановление о временном ограничении должника на выезд за пределы Российской Федерации. Основанием для ограничения является неисполнение требований должником в добровольном порядке без уважительных причин. Законодатель не определяет перечень уважительных причин, которыми судебный пристав может руководствоваться при вынесении подобного постановления, в связи с чем возникают коллизии ситуации в неправомерном ограничении в личных правах должника для реализации взыскания в пользу взыскателя. Несмотря на отсутствие перечня уважительных причин, приставом при вынесении соответствующего постановления должен быть зафиксирован факт уклонения от добровольного и последующего исполнения.

Так, в К. межрайонную прокуратуру города Москвы в июле 2016 г. обратился должник А. со следующим заявлением на нарушение закона об исполнительном производстве судебным приставом-исполнителем. Судебным приставом-исполнителем на основании исполнительного листа возбуждено исполнительное производство о взыскании с А. денежной суммы в размере 29 036 000,00 рублей в пользу ООО «Б». Для осуществления взыскания судебным приставом после возбуждения исполнительного производства направлена копия постановления о возбуждении исполнительного производства для исполнения по месту работы должника (у должника на момент вынесения судебного решения отсутствовало какое-либо имущество, на которое можно обратить взыскание). С марта 2015 г. ежемесячно работодателем производились удержания в размере 50% с заработной платы должника. Взыскатель обратился к судебному приставу с заявлением о вынесении постановления об ограничении на выезд должника за пределы Российской Федерации, так как должником не исполнены требования исполнительного листа добровольно в установленный пятидневный срок.

Судебным приставом-исполнителем К. РОСП УФССП России по г. Москве в отношении А. вынесено постановление об ограничении должника на выезд за пределы Российской Федерации. А. подал заявление об отмене постановления об ограничении в связи с наличием определенных уважительных условий: необходимость лечения несовершеннолетнего ребенка за границей. К заявлению приложены необходимые документы, подтверждающие факт необходимости лечения за пределами Российской Федерации. На момент подачи обращения в межрайонную прокуратуру заявление А. судебным приставом не рассмотрено.

Рассматривая указанное обращение А. и проводя проверочные мероприятия, прокурор установил следующее. Требования исполнительного листа превышают 10 тыс. рублей, исполнительное производство возбуждено на основании судебного акта, кроме того, должником указанная сумма в пятидневный срок добровольно не выплачена, в материалах исполнительного производства имеется заявление взыскателя об ограничении должника в праве на передвижение. Учитывая установленные законодателем условия в ч. 1 ст. 67 Закона, судебный пристав теоретически поступил законно. Однако имеются иные основания, на которые при вынесении постановления судебный пристав не обратил внимания. Так, при возбуждении исполнительного производства приставом направлена копия постановления об исполнении исполнительного листа работодателю должника с целью ежемесячного удержания с заработной платы. Так как сумма взыскания исчисляется в миллионах, у должника в настоящее время отсутствует реальная возможность исполнения обязательства исполнительного листа в полном объеме в пятидневный срок. Кроме того, должником добросовестно и в полном объеме исполняются требования исполнительного листа путем ежемесячного удержания с заработной платы в размере пятидесяти процентов. Таким образом, судебным приставом не может быть зафиксирован факт уклонения от исполнения требований исполнительного листа.

Также в ходе проведения прокурором проверки исполнительного производства установлено, что заявление, поданное взыскателем об ограничении права должника на выезд за пределы Российской Федерации, не отвечает требованиям ч. 2 ст. 30 Закона, а именно: взыскателем не приложена информация о должнике, подтверждающая имущественное положение А., которое имеет значение для своевременного и полного исполнения требований исполнительного документа.

В результате проведения проверки прокурором сделан вывод о том, что судебный пристав-исполнитель необоснованно вынес постановление об ограничении права должника на выезд за пределы Российской Федерации, не учел всех обстоятельств и уважительных причин должника. На основании ст. 23 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1-ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» прокурором вынесен протест на противоречащий закону правовой акт.

Анализируя вышеуказанный случай, можно прийти к выводу о том, что теоретически судебный пристав поступил верно исходя из положений ч. 1 ст. 67 Закона: должником добровольно не исполнены требования исполнительного листа; требования превышают 10 тыс. рублей, кроме того, имеется заявление взыскателя об ограничении права на передвижение. Однако, так как в законе отсутствуют положения об уважительных причинах, судебному приставу предоставляется право на самостоятельное трактование таких причин. Трактую и устанавливая уважительные причины, судебный пристав подчас склоняется в сторону взыскателя, не исследуя в полном объеме создавшиеся условия у должника, тем самым нарушая баланс интересов сторон. Так как исполнительное действие в виде временного ограничения на выезд должника за пределы Российской Федерации является обеспечительной мерой, направленной на борьбу от уклонения и эффективное исполнение должником требований, в указанном случае такое исполнительное действие неприменимо. Должником в полном объеме (который указан в постановлении о возбуждении и направлении копии работодателя для удержания заработной платы в раз-

мере 50%) исполняются требования, также он не уклоняется от исполнения исполнительного листа. Кроме того, у должника имеется несовершеннолетний ребенок, нуждающийся в периодическом лечении за пределами Российской Федерации. Таким образом, неисполнение в добровольном порядке исполнительного листа в связи с безденежностью перед взыскателем в отсутствие факта уклонения от исполнения не является самостоятельным и достаточным основанием для ограничения должника в праве на свободное передвижение.

В связи с вышеизложенным случаем законодателю предлагается внести соответствующие изменения в ст. 67 Закона об исполнительном производстве на предмет введения понятия уважительных причин, в связи с которыми должник не исполняет добровольно требования исполнительного листа, а также ввести положения, устанавливающие случаи, при которых судебный пристав не имеет право вынести постановление об ограничении права на выезд (к примеру, наличие несовершеннолетнего ребенка, нуждающегося в лечении за границей).

Также должнику не может быть установлено ограничение на выезд за пределы Российской Федерации в случае, если его работа связана с поездками в другие страны и субъекты Российской Федерации, поскольку использование подобного исполнительного действия судебным приставом также не отвечает целям и принципам исполнительного производства. В случае если в трудовом договоре должника прописано, что выполнение трудовых функций работника связано с периодическими командировками, судебным приставом не может быть вынесено постановление, так как должник в таком случае не сможет исполнять требования исполнительного листа, потому что высока вероятность потери работы, а следовательно, потеря заработных денежных средств (в случае, если предметом исполнения является взыскание денежных средств). Так, в ходе осуществления приставом исполнительных действий, должник должен представить ему соответствующие документы, подтверждающие необходимость со-

вершения выездов за границу в целях осуществления трудовой функции.

Исходя из вышеизложенного, судебный пристав-исполнитель при осуществлении своих обязанностей в рамках исполнительного производства должен руководствоваться тем, что обеспечительные меры стоит принимать в случае стимулирования и понуждения должника к самостоятельному исполнению требований исполнительного листа, а не в случае уже имеющегося факта периодическо-

го исполнения требований исполнительного листа в рамках еще большего понуждения. Совершая исполнительные действия, направленные на скорейшее исполнение требований исполнительного листа в пользу взыскателя, не стоит забывать о правах должника в рамках исполнительного производства и принципах исполнительного производства, на основе которых базируется взыскание.

Список литературы

1. *Быков А.* Ограничение на выезд за пределы РФ // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 1.
2. *Валеев Д. Х.* Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (с постатейными материалами). – М. : Статут, 2011.
3. Настольная книга судебного пристава – исполнителя : учебно-практическое пособие / под ред. В. А. Гуреева, С. В. Сазанова. – 2-е изд. – М. : Статут, 2013.
4. *Парфенчиков А. О.* Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения в Российской Федерации : сборник материалов 6-й Международной научно-практической конференции. 8–10 сентября 2015 г. – Улан-Удэ, Республика Бурятия, 2015. – С. 2–5.
5. Письмо ФССП РФ от 15 ноября 2007 г. № 12/01-12863-АП «О судебной практике, сложившейся в Российской Федерации, по ограничению выезда должников из Российской Федерации».

Проблемы реализации права на обращение в суд с заявлением о признании гражданина банкротом

А. О. Дарькин

консультант Апелляционной коллегии Верховного суда Российской Федерации.
Адрес: Верховный суд Российской Федерации, 121260, Москва, ул. Поварская, д.15.
E-mail: HKUSP45CT@yandex.ru

Problems of Realization of the Right to Appeal to the Court for Recognition of a Citizen as Bankrupt

A. O. Darkin

Consultant of the Appeal Board of the Supreme Court of the Russian Federation.
Address: The Supreme Court of the Russian Federation,
15 Povarskaya Str., Moscow, 121260, Russian Federation.
E-mail: HKUSP45CT@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы реализации права на обращение в арбитражный суд с вопросом о признании гражданина банкротом. Указываются категории лиц, в отношении которых ставится вопрос о признании их банкротом. Приводятся примеры из судебной практики и освещается толкование применения норм Закона о банкротстве в соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 13 октября 2015 г. № 4. Делается вывод о том, что статус индивидуального предпринимателя в качестве главы крестьянско-фермерского хозяйства имеет существенное значение для возможности применения к последнему положений о банкротстве граждан, поскольку является определяющим при установлении, какие положения Закона подлежат применению в случае несостоятельности такого индивидуального предпринимателя. В данной работе указывается, что, если на стороне гражданина-должника имеется неисполнение обязательств из кредитных правоотношений, кредитор вправе обратиться в суд с заявлением о признании такого гражданина банкротом.

Ключевые слова: признание лица банкротом, крестьянско-фермерское хозяйство, денежные обязательства, неплатежеспособность гражданина.

Abstract

The article deals with the problem of the right to appeal to the Court of Arbitration with the question of recognition of a citizen as bankrupt. Include categories of persons in respect of which raises the question of recognition of their bankruptcy. Examples of judicial practice and highlights the interpretation of the application of the Law on bankruptcy, in accordance with the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 13.10.2015 N 4. The conclusion is that the status of the individual businessman as head of KFH is essential to allow the use of the latest provisions of the Bankruptcy citizens, because it is decisive in determining which provisions of the law to be applied in the event of insolvency of the individual entrepreneur. In this study indicated that if on the side of the citizen – the debtor has outstanding obligations from credit relations, the creditor may apply to the court for recognition of the citizen as bankrupt.

Keywords: face recognition bankrupt, peasant-farm, liabilities, insolvency citizen.

Федеральный закон РФ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает круг лиц, в отношении которых возможно предъявление требования о признании банкротом в соответствии с главой X указанного Закона.

По смыслу статьи 213.1 Закона в круг субъектов, на которых распространяется действие главы X Закона, входят граждане и индивидуальные предприниматели. В то же

время в Законе содержится оговорка о неприменении положений, предусмотренных параграфом 1.1 главы X Закона, к отношениям, связанным с банкротством крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) (п. 2 ст. 213.1 Закона).

Между тем Законом предусмотрены особенности банкротства КФХ, положения о которых содержатся в параграфе 2 главы X

Закона, из чего можно прийти к выводу о том, что КФХ, также относится к кругу лиц, на которых распространяется действие положений о банкротстве граждан (глава X Закона).

Согласно позиции Верховного суда РФ, закрепленной в Постановлении Пленума ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 45 положения Закона, касающиеся банкротства граждан, не применяются к отношениям, связанным с банкротством крестьянских (фермерских) хозяйств. Банкротство крестьянских (фермерских) хозяйств осуществляется по общим правилам Закона с особенностями, установленными параграфом 3 главы X Закона.

Указанное Постановление Пленума Верховного суда РФ отдельно отмечает, что отмеченные положения Закона не применяются к отношениям с банкротством КФХ, в том числе когда заявление о признании банкротом подается в арбитражный суд в отношении гражданина, являющегося одновременно индивидуальным предпринимателем – главой крестьянского (фермерского) хозяйства.

Справедливо заметить, что такая позиция прямо не следует из содержания действующего законодательства. Так, по смыслу ст. 23, 81 ГК РФ, КФХ может быть создано без образования юридического лица, что существенно отличает его от других форм объединения граждан, желающих вести совместную экономическую деятельность. При этом в соответствии с п. 2 ст. 1 Закона, фермерское хозяйство может быть создано одним гражданином, который должен быть зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя (абз. 2 п. 5 ст. 23 ГК РФ).

Таким образом, личность индивидуального предпринимателя обуславливает существование КФХ, т. е. неразрывно связана с последним.

Вероятно, именно поэтому Пленум придерживается позиции, согласно которой КФХ в любом случае рассматривается в качестве юридического лица даже при условии, что оно не было зарегистрировано в качестве такового. Так, абзацем 2 п. 3 ст. 1 Закона о крестьянских (фермерских) хозяйствах предусмотрено, что к отношениям применяются правила гражданского законодательства, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из феде-

рального закона, других нормативных правовых актов или существа правовых отношений.

Из вышеизложенного, очевидно, следует, что статус индивидуального предпринимателя в качестве главы КФХ имеет существенное значение для возможности применения к последнему положений о банкротстве граждан, поскольку является определяющим при установлении, какие положения Закона подлежат применению в случае несостоятельности такого индивидуального предпринимателя.

Таким образом, к субъектам, на которые распространяются положения главы X Закона относятся: граждане; индивидуальные предприниматели, не являющиеся главами КФХ; крестьянские (фермерские) хозяйства только в части применения параграфа 3 главы X Закона. Индивидуальные предприниматели – главы КФХ при несостоятельности приравниваются к КФХ.

В то же время исходя из положений Закона нельзя сделать однозначного вывода о: 1) возможности заявить требование о признании гражданина банкротом и как индивидуального предпринимателя, и как гражданина; 2) в результате осуществления какой деятельности к индивидуальному предпринимателю может быть предъявлено требование о признании его банкротом. Во многом положения о банкротстве индивидуальных предпринимателей в данной части также уточнены Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45. Так, в п. 2 указанного Постановления отмечается, что для целей возбуждения дела о банкротстве не имеет значения, какие обязательства, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности или нет, были не исполнены должником. В то же время при наличии у должника статуса индивидуального предпринимателя возможно возбуждение и рассмотрение только одного дела о его банкротстве.

Следовательно, положения, предусмотренные главой X Закона, применяются в отношении должника – индивидуального предпринимателя независимо от характера неисполненного обязательства, однако возбуждение и рассмотрение одновременно двух дел о банкротстве такого лица – как гражданина и как индивидуального предпринимателя – не допускается.

В каком же порядке осуществляется опубликование сведений в реестре о банкротстве?

Сложности возникают при определении порядка применения п. 2.1 ст. 7 Закона в отношении споров о признании гражданина банкротом, которым установлена обязанность конкурсного кредитора – кредитной организации до обращения в арбитражный суд с требованием о признании гражданина¹ банкротом не ранее чем за 15 календарных дней опубликовать уведомление о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом путем включения его в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц.

Данное положение было введено Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ, т. е. до внесения изменений в законодательство о банкротстве в отношении граждан, и действует в редакции, не учитывающей указанные изменения, в связи с чем, исходя из прямого толкования Закона нельзя сделать однозначного вывода о том, существует ли у кредитных организаций обязанность по соблюдению требования п. 2.1 ст. 7 Закона при реализации права на обращение в арбитражный суд о признании гражданина банкротом.

Между тем, согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45, при обращении с заявлением в суд о признании гражданина банкротом необходимость предварительного опубликования заявителем уведомления о намерении подать такое заявление отсутствует. При этом важно отметить, что наряду с разъяснением вопроса о применении п. 2.1 ст. 7 Закона Пленум отдельно подчеркивает, что необходимость опубликования намерения отсутствует как у кредитных организаций, так и у любых других юридических лиц при условии соблюдения требований п. 2 ст. 7 Закона, что является существенным разъяснением для формирования правоприменительной практики.

Так, например, Седьмой арбитражный апелляционный суд в своем Постановлении от 25 мая 2016 г. по делу № А27-24868/2015 указал следующее:

¹ Здесь и далее по тексту под гражданином в данном случае понимаются все субъекты, на которых распространяется действие главы X Закона.

«В п. 7 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» также разъяснено, что в отличие от общих правил, предусмотренных п. 2.1 ст. 7 и п. 4 ст. 37 Закона о банкротстве, при обращении с заявлением о признании гражданина банкротом на основании ст. 213.3, 213.4 и 213.5 Закона необходимость предварительного опубликования заявителем (в том числе кредитной организацией) уведомления о намерении подать такое заявление отсутствует.

В этой связи довод апелланта о том, что в нарушение ст. 7 Закона о банкротстве кредитором уведомление о намерении обратиться с заявлением о признании должника банкротом не было опубликовано в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц, отклоняется арбитражным судом апелляционной инстанции за необоснованностью».

Вместе с тем в отдельных случаях, предусмотренных в п. 2 ст. 213.5 Закона, у кредитора все же возникает обязанность по опубликованию намерения, однако указанное положение Закона распространяет свое действие только на случаи признания банкротом гражданина, который является индивидуальным предпринимателем.

Наряду с этим также необходимо отметить важную особенность в отношении реализации кредитными организациями на обращение в суд в соответствии с абз. 2 ч. 2 ст. 7 Закона. Согласно указанному положению, право на обращение в арбитражный суд возникает у конкурсного кредитора – кредитной организации с даты возникновения у должника признаков банкротства, установленных Законом. Однако до недавнего времени в судебной практике не существовало однозначной позиции о том, в каких отношениях должны состоять должник и кредитная организация, чтобы последняя в случае выявления у должника признаком несостоятельности могла реализовать свое право на основании абз. 2 ч. 2 ст. 7 Закона. Так, согласно первой позиции, ст. 7 не предусматривает такого ограничения для кредитных организаций, как возможность применения к ним абз. 2 ч. 2

ст. 7 Закона, только при условии реализации ими специальной правоспособности, т. е. в случае, если задолженность возникает, например, из кредитного договора (см., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 октября 2013 г. по делу № А41-15150/2015, Определение Арбитражного суда города Москвы от 26 ноября 2015 г. по делу № А40-175600/2015, Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25 мая 2016 г. по делу № А27-24868/2015).

Напротив, другая позиция судов основывалась на том, что определяющим для применения абз. 2 п. 2 ст. 7 Закона является реализация кредитной организацией своей специальной правоспособности. Иначе говоря, кредитор вправе обратиться в суд с требованием о признании должника банкротом на основании указанного положения Закона только в случае, если кредитор (кредитная организация) и должник находились в кредитных правоотношениях.

Так, в определении от 17 июня 2016 г. по делу № А76-250/2016 Арбитражный суд Челябинской области отметил следующее:

«Для решения вопроса о применении в отношении кредитной организации требования абз. 1 п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве следует учитывать, вытекают ли требования кредитора – кредитной организации из его специальной правоспособности... Поскольку в рассматриваемом деле требование Банка «Национальная Факторинговая Компания» (АО) основано на договоре уступки права требования и не подтверждено вступившим в законную силу судебным актом, а также имеется иное заявление кредитора о признании должника банкротом, суд применительно к п. 3 ст. 48 Закона о банкротстве отказывает заявителю во введении наблюдения в отношении ООО «КамАЗАвтоМаркет» и оставляет заявление о признании должника банкротом без рассмотрения».

Аналогичную судебную практику можно встретить и в актах судов других субъектов Российской Федерации (см., например, Определение Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 апреля 2016 г. по делу № А60-63534/2015).

Точку в данном вопросе поставил Верховный суд РФ. В своем определении от 12 ок-

тября 2016 г. № 306-ЭС16-3611 по делу № А57-16992/2015 Суд установил, что в качестве критерия, допускающего возбуждения дела о банкротстве подобным способом (на основании абз. 2 п. 2 ст. 7 Закона), должен рассматриваться не сам статус кредитной организации, обращающейся с соответствующим заявлением, а реализуемая ею деятельность по осуществлению банковских операций на основании специального разрешения (лицензии) Банка России. Суд пришел к выводу, что «сам статус заявителя по делу о банкротстве, чьи требования вытекают из подобного рода деятельности, не имеет решающего значения при возникновении вопроса о допустимости применения абз. 2 п. 2 ст. 7 Закона».

Из вышеприведенных положений закона и судебной практики следует, что в случае если на стороне гражданина-должника имеется неисполнение обязательств из кредитных правоотношений, кредитор-лицо, в том числе не являющееся кредитной организацией и имеющее признаки несостоятельности, кредитор вправе обратиться в суд с заявлением о признании такого гражданина банкротом. При этом кредитор обязан предварительно опубликовать в Едином федеральном реестре сведения о фактах деятельности юридических лиц только в случаях, прямо предусмотренных ст. 213.5 Закона.

Следует осветить порядок обращения гражданина в суд с заявлением о признании должника банкротом.

Законом установлен круг лиц, которые обладают правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом. К числу указанных лиц Закон относит конкурсного кредитора, уполномоченный орган, а также самого должника.

Право обратиться с заявлением возникает при наличии признаков банкротства, определенных в ст. 33, 213.3 Закона.

Между тем, в отличие от иных случаев обращения в суд с заявлением о признании гражданина банкротом, в Законе установлены специальные правила об обращении самого гражданина с заявлением о признании его банкротом. Так, ст. 213.4 Закона предусматривает случаи, при которых у гражданина возникает обязанность обращения в суд с подобным заявлением, а также случаи, при

которых у гражданина возникает соответствующее право.

Согласно п. 1 ст. 213.4 Закона, для возникновения у гражданина обязанности по обращению в суд с заявлением о признании его банкротом должны соблюдаться одновременно следующие условия:

1) если удовлетворение требований одного кредитора или нескольких кредиторов приводит к невозможности исполнения гражданина денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей в полном объеме перед другими кредиторами;

2) размер указанных в п. 1 обязательств и (или) обязанности составляет в совокупности не менее 500 тыс. рублей.

Вместе с тем Постановление Пленума от 13 октября 2015 г. № 45 более подробно раскрывает второе условие, указывая, что размер неисполненных должником денежных обязательств и (или) обязанности по уплате обязательных платежей (как с наступившим сроком исполнения, так и с ненаступившим) составляет не менее 500 тыс. рублей независимо от того, связаны они с осуществлением предпринимательской деятельности или нет.

Касательно права должника обратиться с заявлением о признании его банкротом необходимо отметить следующее. Согласно п. 2 ст. 213.4 Закона, гражданин вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом в случае предвидения банкротства при условии наличия:

1) обстоятельства, свидетельствующих о невозможности исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в срок;

2) признаков неплатежеспособности и (или) признаков недостаточности имущества.

При этом, как отмечается в Постановлении Пленума от 13 октября 2015 г. № 45, при

реализации указанного права размер неисполненных обязательств значения не имеет (п. 11 Постановления). Однако необходимо учитывать, что для определения размера неисполненных обязательств учитываются только те денежные обязательства, которые прямо предусмотрены п. 2 ст. 4 Закона. В случае если размер обязательств состоит только из тех, которые не предусмотрены указанным положением, у гражданина не возникает права на обращение в суд с заявлением о признании его банкротом. Аналогичные выводы подтверждаются судебной практикой (см., например, постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28 сентября 2016 г. № Ф08-6954/2016 по делу № А53-3028/2016, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 апреля 2016 г. № Ф07-2026/2016 по делу № А56-71879/2015).

Таким образом, реализация гражданином права на обращение в суд с заявлением о признании его банкротом возможна только с учетом системного толкования норм Закона, а также положения Постановления Пленума от 13 октября 2015 г. № 45.

Подводя итог, необходимо отметить, что в настоящее время законодательство о банкротстве в части применения его в отношении граждан содержит в себе очень много проблем, которые не разрешены на законодательном уровне в силу небольшого количества времени, прошедшего с момента введения в действие главы X Закона в новой редакции. И, безусловно, впоследствии будут приняты новые федеральные законы, а также разъяснения Верховного суда РФ, направленные на совершенствование действующего законодательства.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. на 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп. на 03.07.2016). // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2015. – № 12.

Согласие потерпевшего как одно из условий производства дознания в сокращенной форме

Е. Н. Арестова

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Ekaterina-arestova@ya.ru

Н. И. Крюкова

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: upp2013reu@yandex.ru

Consent of the Victim as One of the Conditions of the Inquiry in Abbreviated Form

E. N. Arestova

PhD of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Ekaterina-arestova@ya.ru

N. I. Kryukova

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: upp2013reu@yandex.ru

Аннотация

В статье произведен правовой анализ положений главы 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Дознание в сокращенной форме»), регламентирующих одно из обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме – наличие возражений потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме. Проанализированы международные правовые акты, ведомственные нормативные правовые акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации, правовая позиция Верховного суда Российской Федерации в части, касающейся рассматриваемых вопросов. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего производство дознания в сокращенной форме, а также правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве авторами внесено предложение по совершенствованию действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующего правовой статус потерпевшего при производстве дознания в сокращенной форме; предложена новая редакция статьи 226.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме»).

Ключевые слова: дознание, дознание в сокращенной форме, потерпевший, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, УПК РФ, процессуальный статус участника уголовного судопроизводства, дознаватель.

Abstract

The article presents a legal analysis of the provisions of Chapter 32.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation ("the Inquiry in an abbreviated form"), which regulates one of the circumstances excluding manufacture of inquiry in abbreviated form – there are objections against the victim of the inquiry in abbreviated form. Analyzed international legal acts, regulatory legal acts of the Prosecutor General of the Russian Federation, the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation concerning the issues under consideration. Based on the analysis of criminal procedure legislation regulating the manufacture of inquiry in abbreviated form, as well as the legal position of victims in criminal proceedings, the authors proposed to improve the current Criminal procedure code of the

Russian Federation regulating the legal status of the victim in the manufacture of inquiry in abbreviated form, the proposed new version of article 226.2 of the Criminal procedure code of the Russian Federation ("the Circumstances excluding manufacture of inquiry in abbreviated form").

Keywords: inquiry, inquiry in abbreviated form, the victim, the Criminal procedure code of the Russian Federation code of criminal procedure, the procedural status of a party to criminal proceedings, the investigator.

Согласно статье 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, потерпевшим является:

1. Физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред.

2. Юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Однако вне зависимости от того, какое именно лицо признано по уголовному делу потерпевшим – физическое или юридическое, потерпевший является участником уголовного судопроизводства, который имеет в уголовном процессе свои собственные интересы, для защиты которых он наделен правами стороны обвинения.

Роль и значение потерпевшего в уголовном судопроизводстве трудно переоценить. Значимость данного участника уголовного судопроизводства неоднократно подчеркивалась как в национальном уголовно-процессуальном законодательстве, так и в правовых актах международного уровня.

В частности, в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г., Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. 40/34), а также в соответствии с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса», охрана законных интересов потерпевшего, уважение его достоинства, повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию является важной и неотъемлемой функцией уголовного правосудия.

Статья 52 Конституции Российской Федерации в свою очередь устанавливает, что права потерпевших от преступлений охраняются законом.

Вышеуказанные декларативные правовые положения неоднократно отражены и в дей-

ствующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, которое также придает большое значение соблюдению прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений.

В частности, в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» прямо указано, что строгое соблюдение норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве, служит важной гарантией реализации лицом, пострадавшим от преступления, своего конституционного права на доступ к правосудию, судебную защиту и компенсацию причиненного ему ущерба.

Сказанное актуально для всех форм предварительного расследования уголовных дел, в том числе и для производства дознания в сокращенной форме.

Вместе с тем дознание в сокращенной форме как процессуальный институт является новым для Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не имеет истории, традиций, достаточного объема правоприменительной практики, пока слабо разработано и в специальной юридической литературе.

При этом установленная процедурная форма сокращенного дознания предусматривает целый ряд существенных особенностей производства по уголовным делам, касающихся процессуальных сроков, оснований, условий производства расследования и др.

Сказанное актуализирует потребность в тщательной теоретической разработке проблем производства дознания в сокращенной форме в целях выработки практически значимых рекомендаций по применению дознавателями органов внутренних дел и иных органов дознания положений главы 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Дознание в сокращенной форме»).

Следует отметить, что необходимость в создании упрощенной формы производства по уголовным делам, не представляющим существенной сложности в расследовании, т. е. в случаях, когда очевидно событие преступления и еще в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении установлено лицо, его совершившее (как правило, задержано с поличным), назрела уже давно и активно обсуждалась как учеными-процессуалистами, так и практиками. Поэтому назначение нового процессуального института – дознания в сокращенной форме, на наш взгляд, очевидно. С одной стороны, упрощенная процедура дознания призвана (в теории) сократить временные, материальные и трудовые затраты на расследование таких уголовных дел. С другой – сделать данный процесс, выражаясь фигурально, «взаимовыгодным» как для органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, так и для лиц, подвергнутых таковому (подозреваемых, обвиняемых). Так, согласно части 6 ст. 226.9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в случае, если суд по итогам рассмотрения по существу уголовного дела, расследование которого осуществлялось в форме сокращенного дознания, придет к выводу о виновности подсудимого в совершении инкриминируемого деяния и вынесет обвинительный приговор, то назначенное наказание не может превышать одну вторую максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Однако для того, чтобы данное правовое предписание могло быть реализовано, еще на этапе досудебного производства дознаватель должен соблюсти ряд законодательных требований. При этом в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации особо оговорено, что для того, чтобы производство дознания в сокращенной форме стало возможным, дознавателю необходимо установить и документально закрепить наличие всех без исключения условий одновременно. И при отсутствии хотя бы одного из них дознание по уголовному делу должно производиться в общем порядке, установленном главой 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В числе таких требований согласие потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме.

Значимость неукоснительного соблюдения требований главы 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, безусловного реагирования на выявленные нарушения законов на всех этапах процессуальной деятельности с момента поступления сообщения о преступлении до принятия окончательного решения по уголовному делу независимо от ведомственной принадлежности поднадзорных органов специально подчеркивается и в Приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 3 июля 2013 г. № 262 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме» (в ред. Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 180).

В частности, п. 1.3. названного документа предписывает прокурорам в ходе изучения материалов уголовного дела акцентировать особое внимание на обеспечении, в соответствии со ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, права потерпевшего на доступ к правосудию в разумный срок, исходя из того, что, согласно ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела либо после получения данных об этом лице.

При выявлении фактов нарушения закона прокуроры обязаны принимать меры прокурорского реагирования, в том числе инициировать вопрос о привлечении соответствующего должностного лица органа дознания к установленной законом ответственности.

При выявлении обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, или несоблюдения условий его производства прокуроры обязаны выносить постановления об отмене незаконного или необоснованного постановления дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме, в котором должны также содержаться мотивированные указания о производстве дознания в общем порядке.

Как уже отмечалось, в числе таких условий наличие возражений потерпевшего о про-

изводстве дознания в сокращенной форме в порядке, предусмотренном гл. 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

О значимости вышеуказанного условия свидетельствует и Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 февраля 2015 г. № 83 «Об утверждении и введении в действие форм федерального статистического наблюдения N 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и N 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения N 1-Е, 1-ЕМ».

В частности, данным нормативным правовым актом (в числе прочего) введена в действие ежемесячная форма N 1-ЕМ (МВД) «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания органов внутренних дел». Данная форма предусматривает специальную графу, содержащую сведения о количестве вынесенных постановлений о производстве дознания в общем порядке, в том числе в связи с поступившим ходатайством потерпевшего или его представителя, которые управления, отделы МВД России по районам, городам и иным муниципальным образованиям, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, отделы МВД России по закрытым административно-территориальным образованиям, линейные отделы МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, ОВД (УВД) и ЗАТО, на особо важных и режимных объектах должны предоставлять соответствующему прокурору (на бумажном носителе и в электронном виде) до 3-го числа месяца, следующего за отчетным периодом, и вышестоящим по подчиненности организациям до 5-го числа месяца, следующего за отчетным периодом.

Однако, прежде чем положительно решить вопрос о разъяснении подозреваемому права на заявление ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме, т. е. еще до первого допроса лица в качестве подозреваемого, дознавателю необходимо убедиться, что потерпевший не возражает против производства дознания в сокращенной форме.

При этом в законе (ч. 2 ст. 226.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Феде-

рации) прямо указано, что в случае, если обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, станут известны дознавателю или возникнут уже после принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме, но до направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления, дознаватель обязан вынести постановление о производстве дознания в общем порядке.

Поскольку согласие потерпевшего является обязательным условием производства дознания в сокращенной форме, а следовательно, и одним из обстоятельств, позволяющих дознавателю разъяснить подозреваемому право на заявление ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме, полагаем целесообразным производить допрос потерпевшего до первого допроса подозреваемого с фиксацией его мнения по данному вопросу в протоколе допроса потерпевшего.

Истребование согласия потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме предполагает предварительное разъяснение ему порядка и правовых последствий производства дознания в сокращенной форме, а также права возражать против производства дознания в сокращенной форме и заявлять ходатайства о прекращении сокращенного дознания в любой момент производства по делу вплоть до удаления суда в совещательную комнату.

Факт разъяснения указанных обстоятельств и прав, а также согласие (несогласие) потерпевшего представляется целесообразным отражать в протоколе его допроса или в отдельном протоколе.

В случае если потерпевший в ходе допроса выразит свое несогласие с производством дознания в сокращенной форме и это зафиксировано в протоколе его допроса, подозреваемому следует разъяснить не право на заявление соответствующего ходатайства, а причины невозможности заявления такового (возражения потерпевшего).

После того, как будут установлены и документально подтверждены все без исключения условия для производства дознания в сокращенной форме подозреваемому разъясняется право на заявление ходатайства о производстве дознания в порядке главы 32.1

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Вместе с тем анализ положений указанной главы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в действующей своей редакции она не содержит каких-либо изъятий, касающихся собственно процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства, установленных специальными нормами (статья 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («потерпевший»)).

В части 3 ст. 226.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указано лишь, что потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Такое ходатайство подлежит удовлетворению лицом, в производстве которого находится уголовное дело.

Отметим, однако, что данное законодательное предписание представляется более чем спорным и вызывающим сомнения в правовой целесообразности. Наличие законной возможности для потерпевшего (его представителя) отказаться от своего волеизъявления относительно производства дознания в сокращенной форме, в том числе и после окончания такового, составлением обвинительного постановления, утверждения его прокурором и принятия дела судом к своему производству, как прямо указано в законе, влечет за собой производство дознания в общем порядке с соблюдением всех процедур, установленных главой 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В итоге замысел законодателя об установлении упрощенной процедуры досудебного производства по уголовным делам, не представляющим существенной сложности в расследовании, на деле может оказаться несостоятельным.

При этом нельзя не учитывать то обстоятельство, что соответствующие законодательные предписания сформулированы таким образом, что нельзя однозначно утверждать, что отказ потерпевшего от производства уже

начатого дознания в сокращенной форме и заявление им ходатайства о производстве дознания в общем порядке лишает его правовой возможности вновь заявить ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме и спустя некоторое время вновь отказаться от него.

В результате на практике может возникнуть ситуация, при которой реализация потерпевшим (его представителем) своих прав, установленных частью 3 ст. 226.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, приведет не к экономии временных и трудовых затрат при производстве по уголовному делу, а, напротив, к ничем не оправданному увеличению последних.

На основании вышесказанного мы полагаем, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации целесообразно установить правило, в соответствии с которым отказ от уже начатого дознания в сокращенной форме и дальнейшее производство дознания в общем порядке возможны только при установлении либо возникновении обстоятельств, препятствующих производству дознания в сокращенной форме, определенных частью 1 ст. 226.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, за исключением п. 6 указанной нормы, где, в частности, указано возражение потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме.

Более того, мы вообще полагаем неоправданным установление законодателем требования, согласно которому возражение потерпевшего является обстоятельством, исключающим производство дознания в сокращенной форме (п. 6 ч. 1 ст. 226.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Представляется, что исключение указанного законодательного предписания из Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, с одной стороны, не повлечет за собой ущемления прав потерпевшего, установленных ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и некоторыми иными нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, и не нарушит важнейшего принципа уголовного судопроизводства, установленного ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

рации, в соответствии с которым уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Очевидно, что объем возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, определяется обстоятельствами уголовного дела и не зависит от формы, в котором производилось предварительное расследование.

Резюмируя вышесказанное, полагаем возможным предложить следующую редакцию статьи 226.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме»):

«1. Дознание не может производиться в сокращенной форме в следующих случаях:

1) подозреваемый является несовершеннолетним;

2) имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном главой 51 настоящего Кодекса;

3) подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный главой 52 настоящего Кодекса;

4) лицо подозревается в совершении двух и более преступлений, если хотя бы одно из них не относится к преступлениям, указанным в п. 1 части третьей ст. 150 настоящего Кодекса;

5) подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство.

2. Если обстоятельства, предусмотренные частью первой настоящей статьи, становятся известны или возникают после принятия решения о производстве дознания в сокращенной форме, но до направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления, лицо, в производстве которого находится уголовное дело, выносит постановление о производстве дознания в общем порядке. Если обстоятельства, предусмотренные частью первой настоящей статьи, становятся известны или возникают после поступления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного постановления и до направления уголовного дела в суд, прокурор принимает решение о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке. Если обстоятельства, предусмотренные частью первой настоящей статьи, становятся известны или возникают в ходе судебного производства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, судья возвращает уголовное дело прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке».

Список литературы

1. Алиева Г. А. Некоторые вопросы взаимодействия следователя и оперативных сотрудников при расследовании взяточничества и коммерческого подкупа в ЖКХ // Экономика. Право. Общество. – 2016. – № 1 (5). – С. 55–60.

2. Алиева Г. А. Тактика использования знаний сведущих лиц при расследовании взяточничества и коммерческого подкупа в сфере ЖКХ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 3 (11). – С. 67–71.

3. Арестова Е. Н., Артемова В. В., Батюк В. И. и др. Предварительное следствие в органах внутренних дел. – М., 2007.

4. Арестова Е. Н., Нагаев А. Е., Михлин А. С. и др. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Для работников правоохранительных органов (оперативных работников, дознавателей, следователей, прокуроров и судей), адвокатов и юристов всех уровней, а также преподавателей юридических дисциплин вузов, аспирантов и студентов различных учебных заведений. – 3-е изд., испр. – М., 2007.

5. Борбат А. В. Проблемы формирования системы профилактики правонарушений и обеспечения правопорядка в муниципальных образованиях с учетом особенностей образа жизни населения // Российский следователь. – 2016. – № 18. – С. 33–37.
6. Иваньшина И. А. Антикризисное управление // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2016. – № 1 (22). – С. 120–122.
7. Крюкова Н. И. Профилактика уклонения от уплаты таможенных платежей // Современная экономика: концепции и модели инновационного развития : материалы VIII Международной научно-практической конференции : в 3 кн. – М., 2016. – С. 55–59.
8. Крюкова Н. И., Гладких В. И., Шумов Р. Н. Уголовное право России. Общая и особенная части. – М., 2016.
9. Мусеибов А. Г., Борбат А. В. Положение национальных меньшинств в системе уголовного правосудия // Российский следователь. – 2016. – № 11. – С. 11–13.
10. Расследование отдельных категорий преступлений : учебно-методическое пособие / Арестова Е. Н., Борбат А. В., Зульфугарзаде Т. Э. и др.; под общ. ред. Н. И. Крюковой – М., 2016.

**Актуальные способы борьбы с правовым нигилизмом
и проявлениями низкой правовой культуры
при содействии органов прокуратуры Российской Федерации**

А. Д. Атабеков

магистрант факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: artem.atabekov@yandex.ru

**The Current Methods of Fight against Legal Nihilism
and Manifestations of Low Legal Culture,
with the Assistance of the Prosecution Bodies of the Russian Federation**

A. D. Atabekov

Graduate Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: artem.atabekov@yandex.ru

Аннотация

В данной статье правовой нигилизм рассматривается как закономерный процесс жизни общества, находящегося на переходной стадии развития. Дается характеристика и выделяются основные предпосылки образования феномена низкой правовой культуры. Исследуются причины и последствия правового нигилизма на примере коррупционных нарушений. Аргументируется необходимость в разработке методик по предотвращению развития рассматриваемых общественных процессов. Выделяется образ прокурорского работника как специалиста высокого класса, способного помочь в борьбе с правовым нигилизмом и проявлениями низкой правовой культуры. Описываются предлагаемые методики по совершенствованию государственной политики в данном вопросе. Приводится обоснование необходимости развития не только теоретической базы, но и практических методик, способных решить сложившиеся проблемы.

Ключевые слова: правовой нигилизм, нигилизм, правосознание, правовая культура, культура, национальная идея, идеология, противодействие коррупции, коррупция, прокуратура, правовая статистика.

Abstract

Legal nihilism is considered in this article as a natural process of life of a society in the transition stage of development. The author characterizes and identifies the basic prerequisites for the formation of the phenomenon of low legal culture. Examines the causes and consequences of legal nihilism on the example of corruption; discusses the need to develop the methods to prevent the development of considered social processes. Also there is a figure of public prosecutor as the high-class specialist, the person who able to support the fight against legal nihilism and manifestations of low legal culture. The methodology for improving the state policy is proposed in present article. The author determines the necessity for the development of not only theoretical base but also practical techniques that can solve the current problems.

Keywords: legal nihilism, nihilism, low legal culture, culture, sense of justice, national idea, ideology, prosecutor, against the corruption, corruption, law statistic.

Базисом демократического и социального государства является право. Его фундаментальная роль в жизни общества обуславливается целями и задачами правового регулирования. Нормативные акты, законы, постановления и распоряжения – все они направлены на поддержание высокого качества жизни обще-

ства. В данном ключе актуальными становятся проблемы повышения уровня правовой культуры, укрепления юридической грамотности граждан и предотвращения правового нигилизма. Эти вопросы проявляются наиболее остро в контексте реализации Национального плана противодействия коррупции

на 2016–2017 гг.¹ Представляется, что задача законодателя на данном этапе состоит, с одной стороны, в создании прозрачной и высокоэффективной системы норм и предписаний, способных в полной мере отвечать критериям «социальной справедливости» населения, а с другой – в поиске методов и способов борьбы с существующими проблемами, одной из которых является отрицание ценности права. Целью приведенного исследования является анализ происхождения правового нигилизма, поиск наиболее эффективных способов борьбы с ним и его проявлениями при помощи органов прокуратуры.

Термин «нигилизм» находит свое начало в трудах немецкого философа Ф. Ницше. «Что такое нигилизм?» – спрашивает Ницше и отвечает: «То, что высшие ценности теряют свою ценность: нет цели, нет ответа на вопрос "зачем?"» [13]. Проводя аналогии и расширяя данную трактовку, можно сделать вывод, что правовой нигилизм есть отрицание права как высшей социальной ценности.

Причинами подобного изменения сознания человека могут быть различные факторы, к примеру, негативное, скептическое отношение к праву или отсутствие веры в потенциальные возможности решения общественных проблем в полной, отвечающей запросам индивида мере. Зачастую истоками таких воззрений выступает юридическая необразованность лица, связанная с недостаточным уровнем общего или специального образования, отсутствие должного воспитания, построеного на общепризнанных моральных идеалах и канонах. Негативное отношение к закону способствует увеличению общего количества преступлений. Наибольший вред государству и обществу нигилистически настроенные лица наносят антисоциальными преступными действиями, направленными против интересов государственной власти, одним из проявлений которых являются коррупционные преступления.

Анализируя причины развития правового нигилизма, необходимо рассмотреть феномен правовой культуры населения. А. С. Бондарев, рассуждая о сути правовой культуры,

говорит о комплексности данного термина, характеризующегося высоким уровнем чувственного восприятия права населением; определенной степенью знания гражданами правовых норм и законов государства; высоким уровнем авторитетности права; качественными и эффективными механизмами реализации права; инициативностью общества в участии в правовой жизни страны [7]. Одной из ключевых задач государства в процессе формирования правовой культуры является организация идеологической политики, направленной на формирование чувства непрременной необходимости соблюдения правовых предписаний вне зависимости от социального статуса конкретного индивида.

Одной из наиболее веских причин низкой правовой культуры населения является понимание гражданином правовых норм как исключительно внешних, а иногда и лишних требований, безразличное отношение к которым не изменяет его жизненного уклада.

Процесс деформации правосознания происходит постепенно, вследствие чего целесообразно разделить его на несколько этапов.

Первая стадия состоит из изменения информационно-познавательного уровня осознания права. Для нее характерно появление расхождений между новой информацией и старыми стереотипами, в результате чего происходит подмена значимой и важной информации второстепенной и лишней.

После этого индивид переходит ко второй стадии – деформация оценочного уровня правовой установки. Появившийся ранее диссонанс заставляет избавиться от разногласий и установить порядок путем либо добавления новых, либо изменения существующих правовых знаний. Нередко именно этот этап становится решающим в процессе правовой деградации и появления нигилистических воззрений, так как индивид начинает искать «удобное» право, отвечающее его внутренним установкам и наиболее подходящее к его образу жизни.

Третья стадия затрагивает регулятивный уровень правовых норм. Лицо начинает приводить рассогласованные ранее элементы в новую систему восприятия права, основываясь на измененных представлениях о ценном, правильном и должном. В таком случае субъект отбрасывает старые моральные, этические

¹ Утвержден Указом Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» // Российская газета. – № 78.

ские и иные нормы и формирует новую систему, которая зачастую не соответствует действительности.

Представляется, что одной из ключевых задач государственных органов всех уровней является выявление и предупреждение развития деформации правосознания на самых ранних стадиях.

В данном контексте особое место занимают органы Прокуратуры Российской Федерации как воплощение идеалов правового государства. Ее сотрудники обладают всем набором морально-этических качеств и необходимых знаний в области права, позволяющих вести борьбу с любыми проявлениями правового нигилизма и низкой правовой культуры.

Если обратиться к положениям Федерального закона № 2202-1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» [2], то, в соответствии с п. 1 ст. 40.1, прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе и обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами, способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности. Тем самым подкрепляется суждение о безоговорочной квалификации сотрудников прокуратуры в области юриспруденции. Согласно данному Федеральному закону, прокурорские работники обязаны на регулярной основе проходить плановые аттестации для определения соответствия занимаемой ими должности. В то же время Генпрокуратура РФ осуществляет непрерывную разработку методических указаний и рекомендаций не только по поводу повышения квалификации сотрудников, но и по актуальным вопросам правоприменительной практики.

Структурный анализ Приказа Генпрокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» [4] позволяет выделить основные моменты, характеризующие прокурорского работника как лицо, обладающее глубоким знанием права и принципов его применения.

Одной из ключевых задач прокуроров является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Реализация данной задачи возможна исключительно на основе высокого профессионализма, честности и неподкупности прокурорских работников, их независимости и беспристрастности, способности противостоять любым попыткам неправомерного воздействия на результаты служебной деятельности.

Говоря о стадиях развития деформации правового сознания индивида, целесообразно упомянуть возможные пути предотвращения подобных негативных изменений. К ним относятся: правовая пропаганда; правовое обучение; закрепление полученной информации путем применения ее на практике. Следует отметить, что в системе органов прокуратуры подобные мероприятия являются обязательными этапами повышения квалификации и правового воспитания прокурорских работников и государственных гражданских служащих.

Эффективная борьба с правовым нигилизмом должна основываться на всеобъемлющем изучении этого, в первую очередь, психологического отклонения. Для реализации поставленной задачи следует обратиться к работам известного швейцарского психиатра начала XX в. К. Г. Юнга. В своих трудах об «аналитической психологии» он выдвигал идеи о влиянии «коллективного бессознательного» на «индивидуальное сознательное» как отражение опыта предыдущих поколений, воплощенное в человеческих прообразах, относящихся к конкретной географической территории. Прообразы – архетипы, являются базовой структурой человеческого сознания и проявляются бессознательно в моменты взаимодействия с непреодолимыми жизненными препятствиями или внезапными конфликтами интересов [15].

По его словам, в случае наступления резкого изменения ситуации архетип активизируется, и индивид начинает совершать различные действия практически по воле инстинктов вопреки осознанным внутренним установкам и голосу разума. Данные процессы закладываются на генном уровне, вследствие чего

одной из актуальных задач современности, является разработка советующих методик по анализу архетипов с целью прогнозирования возможных последствий «неосознанных» действий материально ответственных или должностных лиц. Это позволит проводить более эффективный подбор кадрового персонала как на руководящие должности государственной службы, так и при наборе руководителей в коммерческие организации.

Использование результатов исследования архетипов может являться одним из наиболее продуктивных способов поиска проблем формирования правовой культуры общества, так как при помощи этого способа реально выявить причины изменения и закономерности процесса деформации правосознания населения. И это архиважная задача. Ведь высокий уровень правовой культуры, понимание гражданами важности соблюдения законов есть не что иное, как основа настоящего правового и, что немаловажно, социального государства, основанного на принципах социальной справедливости, которые, в свою очередь, характеризуются государственной политикой, направленной на перераспределение материальных благ между обществом, особенное внимание отводя маломобильным и иным незащищенным слоям населения.

Качественным отличием органов прокуратуры от иных субъектов правосознательно-го процесса является специфика осуществления прокурорского надзора в области правовой статистики. В течение года с разной периодичностью и по разным критериям прокуроры осуществляют анализ состояния преступности с целью выявления тенденций и динамики по различным учетным показателям. Данная деятельность позволяет выявить проблемные зоны общественных отношений и начать более детально прорабатывать методики предупреждения и предотвращения совершения преступных деяний в будущем. Одним из таких методов могут стать профилактические агитационные беседы с населением, проводимые в различных формах. В связи с ежегодным увеличением объема материального ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направленности, подобные мероприятия должны стать весьма эффективным способом борьбы с увеличением показателей выявленных преступлений в

будущем. Социологические опросы, проведенные группой ученых-криминалистов во взаимодействии с прокуратурой Забайкальского края [8], показали, что 80% респондентов (из 320 опрошенных) – государственных служащих и служащих органов местного самоуправления – имеют недостаточно полное, а зачастую и в корне неверное представление как о природе и вреде коррупции, так и о самих преступлениях, относящихся к коррупционной категории. Именно ложное понимание законов, связанное с недостаточной юридической образованностью, может стать причиной деформации правового сознания гражданина.

В пункте 4 письма Минтруда России от 19 марта 2013 г. № 18-2/10/2-1490 «Комплексы мер, направленных на привлечение государственных и муниципальных служащих к противодействию коррупции» говорится о просвещении государственных и муниципальных служащих по антикоррупционной тематике и методическом обеспечении профессиональной служебной деятельности государственных и муниципальных служащих путем распространения памяток относительно способов противодействия коррупции [6]. Положения данного письма выполняются на протяжении уже трех лет, но, несмотря на это, количество коррупционных преступлений не сокращается. Представляется, что для качественного изменения ситуации нужно расширить существующие мотивационные методы и использовать иные способы прививания нетерпимости граждан к коррупционным правонарушениям.

В данном вопросе необходим качественно другой подход к информированию населения о типах коррупционных преступлений. Используя сводные статистические данные по категориям лиц, совершивших преступные деяния исследуемой категории, возможно непосредственно реализовать положение, закрепленное п. 9 Приказа Генпрокуратуры РФ от 10 сентября 2008 г. № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению», в котором говорится о разработке программ, методических пособий и иных материалов по проблемам правового воспитания различных групп населения [4]. Отличительное свойство использо-

вания именно статистических данных по кругу лиц поможет более детально проработать искомые документы. Это крайне важно, потому что в данном случае повышается эффективность мер по борьбе с коррупцией. Разделение методов и способов формирования тематического наполнения информационных и агитационных документов о типах и видах коррупционных правонарушений, способов борьбы с ними позволит в доступной и приемлемой для гражданина форме преподнести крайне важную информацию. В данном ключе особую роль играет итоговое восприятие, основанное на принципах доступности, которое позволит заинтересовать все слои населения независимо от их социального или материального положения.

Последнее время общественные деятели проводят параллели между подходами к противодействию к коррупции в разных странах с целью создания определенной гражданской позиции. В качестве аргументов они используют пример Китая, где за взятки или хищение государственного имущества предусмотрена смертная казнь.

Представляется, что подобный подход невозможен к применению на территории Российской Федерации по ряду социальных, политических и исторических причин. Такие действия порождают развитие конформизма – не менее страшного и антисоциального проявления (конформизм – подобный, своеобразный; морально-политический термин, обозначающий приспособленчество, пассивное принятие существующего состояния вещей под воздействием страха наступления негативных последствий [14]). В данном вопросе становится как никогда важным морально-этический облик прокурорского работника, с одной стороны, являющегося гарантом справедливости, неподкупности, квалифицированности, а с другой – представителем государственного обвинения. Именно неотвратимость, а не жесткость наказания позволит сократить количество коррупционных преступлений.

Продолжая рассуждение о причинах развития правового нигилизма, стоит упомянуть набирающие популярность псевдополитические и общественные движения, отрицающие личностную и специальную функцию права, объясняя это невозможностью регулирования

общественных отношений при помощи юридических норм, ввиду их непроработанности и отдаленности от реальной жизни общества. Зачастую подобные объединения выбирают именно негативные и деструктивные программы не для выдвижения сколько-нибудь эффективных предложений по модернизации или изменению существующего законодательства, а исключительно с целью посеять недовольство и смуту внутри общества. И именно отсутствие должного образа правовой культуры и понимания принципов функционирования государственного аппарата в целом и законов в частности выступает благодатной почвой для развития нигилистических взглядов, основанных исключительно на эмоциональном восприятии.

Общепризнанным фактом является то, что на данном, по сути, переходном этапе развития российского общества происходит общая деформация сознания, связанная с рассогласованностью интересов и потребностей населения, изменения внутренних правил и установок, идеалов и правил.

Представляется, что одним из наиболее эффективных методов борьбы с подобными проявлениями может стать проведение агитационных мероприятий, проводимых как в рамках научных конференций, так и во время массовых собраний разного порядка (в том числе увеселительного характера). Ведь для искоренения любой проблемы нужно ликвидировать ее основу, которая в данном случае представляет собой недостаточный уровень национальной идеи, т. е. свод принципов и установок, позволяющих гражданам одной страны считать себя частью единого целого.

К сожалению, в последнее время термин «агитация» понимается обществом как исключительно жесткое и негативное проявление тоталитарной власти, несмотря на свое прямое предназначение – донесение до групп общественных масс определенных идей и воззрений.

Выводом приведенного исследования может стать ряд тезисов, отвечающих на поставленные ранее цели и задачи.

В первую очередь разработка советующих методик по анализу психологических архетипов позволит более результативно подходить как к процессу формирования руководящего состава на государственной и коммерческой

службе, так и к процессу создания эффективных способов противодействия коррупционным преступлениям.

Возможность использования сводных статистических данных качественно выделяет прокуратуру Российской Федерации среди всех органов государственной власти, занимающихся предотвращением и предупреждением развития правового нигилизма и низкой правовой культуры. Аналитические статистические отчеты открывают возможность более детально подходить как к проработке методик преодоления правового нигилизма, так и к способу проведения антикоррупционного воспитания.

Качественное и добросовестное соблюдение сотрудниками прокуратуры своих должностных обязанностей, в соответствии с Федеральным Законом «О прокуратуре Российской Федерации» [2] и Кодексом этики прокурорского работника [5] предполагает создание психологического образа прокурора, как авто-

ритетного носителя правового знания, способного во всех подробностях объяснить особенности применения существующего законодательства. Этим подкрепляется важная роль прокурорского работника в антикоррупционном агитационном процессе, направленном на преодоление правового нигилизма, повышение правовой культуры и формирование чувства уверенности граждан в законах, используемых на территории Российской Федерации.

Представляется, что это может стать отправной точкой в процессе формирования новой, свежей национальной идеи, основанной на принципах справедливости, честности, порядочности, духовности и благородства. Предполагается, что разработку моделей и способов борьбы с правовым нигилизмом наиболее целесообразно отнести к ведению органов прокуратуры Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 4 августа. – № 31. – Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 03.07.2016) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. – 1995. – 25 ноября. – № 229.
3. Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» // Российская газета. – 2016. – 13 апреля. – № 78.
4. Приказ Генпрокуратуры РФ от 10 сентября 2008 г. № 182 (ред. от 22.04.2011) «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» // Законность. – 2008. – № 10.
5. Приказ Генпрокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. № 114 (ред. от 22.04.2011) «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» // Законность. – 2010. – № 6.
6. Письмо Минтруда России от 19 марта 2013 г. № 18-2/10/2-1490 «Комплекс мер, направленных на привлечение государственных и муниципальных служащих к противодействию коррупции». – URL: <http://www.rosmintrud.ru> (дата обращения: 28.08.2016).
7. Бондарев А. С. Правовая культура и правовая антикультура и их соотношение // Противодействие этническому и религиозному экстремизму, правовому нигилизму: сборник материалов научно-практической конференции. – Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2008.
8. Гармаев Ю. П., Фалилеев В. А. Реализация мер антикоррупционного просвещения органами прокуратуры во взаимодействии с юридическими вузами // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 1. – С. 11–15.
9. Долгова А. И. Правовое воспитание молодежи. – М.: Знание, 1979.
10. Рябцев В. П. Избранные труды / сост. Р. В. Жубрин, Ю. В. Важина, В. А. Немировский; вступит. ст. Ф. М. Кобзарева. – М.: Акад. Ген. Прокуратуры РФ, 2014.

11. *Капандаришвили З. Н.* Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления. – СПб. : ВВМ, 2005.
12. *Курбатов С. О.* Прокуратура России как субъект правовоспитательного процесса // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 2 (24). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prokuratura-rossii-kak-subekt-pravovospitatelnogo-protssessa> (дата обращения: 25.08.2016).
13. *Кучевский В. Б.* Философия нигилизма Фридриха Ницше. – М., 1996.
14. *Петров Б. М.* Краткий словарь психологических терминов и понятий // Государственный педагогический институт Латвийской ССР им. Лациаса Лиепая, 1971.
15. *Юнг К. Г.* Архетип и символ / сост. А. М. Руткевич; Российская академия наук. – М. : Канон+, 2015.

Требования к публикациям

1. Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей журнала.

2. Статья предоставляется в редакцию в электронном и в распечатанном виде 14 шрифтом через 1,5 интервала.

Поля: левое – 2,5; правое – 1,5; верхнее и нижнее по 2 см. Статья на бумажном носителе должна строго соответствовать варианту статьи, представленной в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.

3. Объем текста не должен превышать 16 страниц (для кандидатской диссертации) и 20 страниц (для докторской диссертации), включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.

4. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.

5. Таблицы в тексте должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

6. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании математических формул, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.

7. Графики, диаграммы, рисунки должны быть выполнены только в черно-белом цвете. Их размер не должен превышать по вертикали – 21 см, по горизонтали – 13,5 см.

8. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:

– 1-й файл. Текст статьи на русском языке со следующей структурой:

а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф.И.О. автора, ученую степень, ученое звание;

б) заглавие статьи;

в) аннотация – не менее 75 слов;

г) ключевые слова – 8–10 слов;

д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;

– 2-й файл: Текст статьи на английском языке со следующей структурой:

а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф.И.О. автора, ученую степень, ученое звание;

б) заглавие статьи;

в) аннотация – не менее 75 слов;

г) ключевые слова – 8–10 слов;

– 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, занимаемая должность, телефон; почтовый адрес; электронный адрес.

9. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.

Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.

Для заметок